

ISSN 1998-6785

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

2014

№ 3

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

№ 3 (30)

научно-
теоретический
журнал

Выходит
4 раза в год

Основан
в 2006 г.

ТЕМА НОМЕРА: ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ЮГА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ

От редактора рубрики 5

Литошенко Д.А. Региональное образовательное пространство: конструирование прагматической теории 7

Макаренко В.Г. Научно-образовательный комплекс Дальнего Востока России: современное состояние, проблемы, пути решения, перспективы 14

Ниязова М.В., Васюк А.В. Институциональное многообразие региональных вузов и эффективность их научной деятельности 23

Хисамутдинова Н.В. Роль практического обучения в подготовке инженеров на Дальнем Востоке 35

Чернявский А.А. Профессиональное образование регионоведа: ресурс формирования предпринимательской компетентности 42

ИНТЕРВЬЮ

Глобальные перспективы исследований границ (интервью с **Ю. Лайне**) 49

ЭКОНОМИКА И ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ

Голобоков А. С., Сабанина Е. Ю. Сможет ли камчатский туристический бренд стать мировым? 58

СОЦИАЛЬНЫЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ

Фёдоров Р.Ю., Богордаева А.А. Крестьянские переселения белорусов в Азиатскую Россию: география и мифы идентичности 67

Еленева Е.В., Подкопаева О.В., Сельницкая Г.Д. Проблемы и механизмы интеграции трудовых мигрантов в образовательную среду региона 81

КУЛЬТУРНЫЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ

Гарцман Е.И. К вопросу о зарождении фотоискусства на юге Дальнего Востока 98

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Ембулаев В.Н. Современные информационные технологии в обучении и проблемы образования 105

Позняк Т.З. Образ Владивостока в представлении современников во второй половине XIX – начале XX в. 109

Научная жизнь

- Золотухин И.Н.** Созидая глобальную сеть исследовательских контактов.
IV научно-практическая Конференция по глобальным международным исследованиям **120**
- Киреев А.А.** Междисциплинарный семинар «Теория бюрократии в свете опыта современной России и международной политики» **123**

Редакционная коллегия:

Т.Г. Римская (главный редактор), В.А. Бурлаков, М.Г. Ганопольский, А.Н. Демьяненко, Е.В. Журбей (ответственный редактор), И.Н. Золотухин, М.А. Калугина, В.Н. Караман, А.А. Киреев, Л.И. Кирсанова, В.В. Кожевников, А.М. Кузнецов, Ю.В. Латушко, Д.А. Литошенко, А.Л. Лукин, Ю.А. Наумов, С.В. Севастьянов, Чой Нак Джун, О.И. Шестак, С.Е. Ячин.

Учредитель: Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Владивостокский государственный университет экономики и сервиса".

Адрес редакции: 692000, Приморский край, г. Находка, ул. Озерная, д. 2.

Официальный сайт журнала: <http://www.ojkum.ru>

E-mail: oikomene@rambler.ru; ojkum@rambler.ru

Редактор электронной верстки: В.Н. Караман

Графическое оформление: Я.А. Барбенко, В.Н. Караман, В.В. Постников.

Корректор: Е.В. Абрамова

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации – серия ПИ № ФС77-30578, выданное 12.12.2007 г.

OJKUMENA

Regional researches

№ 3 (30)

*scientific-
theoretical
journal*

Issued
4 times a year

Founded
in 2006

THE THEME:

EDUCATIONAL SPACE OF SOUTH OF THE RUSSIAN FAR EAST

- From the editor of the heading 5
- Litoshenko D.A.** Regional educational space:
construction of the pragmatological theory 7
- Makarenko V.G.** Scientific and educational complex
south of the Far East: current state, problems
and development prospects 14
- Niyazova M.V., Vasyuk A.V.** Institutional variety
of regional higher educational institutions
and efficiency of their scientific activity 23
- Khisamutdinova N.V.** The role of practical training
in the engineering education in the Far East 35
- Chernjavskij A.A.** Professional education
of the regional studies specialist:
resource of formation of enterprise competence 42

INTERVIEW

- The global prospects of border studies
(interview with **Jussi Laine**) 49

ECONOMY AND NATURE

- Golobokov A.S., Sabanina E.Yu.** Will the Kamchatka's
tourist brand become global? 58

SOCIAL AND DEMOGRAPHIC STRUCTURES

- Fyodorov R.Yu., Bogordaeva A.A.** Peasant
resettlements of Belorussians in the Asian Russia:
geography and myths of identity 67
- Eleneva E.V., Podkopaeva O.V., Selnitskaya G.D.**
The problems and mechanisms
of labor migrants' integration into the educational space
of the region 81

CULTURAL AND IDEOLOGICAL FACTORS OF REGIONALIZATION

- Harzmann E.I.** To the question about the origin
of photographic art in the south of the Far East 98

SCIENTIFIC MESSAGES

- Embulaev V.N.** Modern information technologies
in teaching and educational problems 105
- Poznyak T.Z.** The image of Vladivostok
in the view of contemporaries
in second half of XIX – beginning XX 109

SCIENTIFIC LIFE

Zolotukhin I.N. Forming global network of research contacts. IV Global International Studies Conference 2014 (6 – 9 August 2014, Goethe University (Frankfurt am Main, Germany))	120
Kireev A.A. Interdisciplinary seminar "Theory of bureaucracy in the light of the experience of modern Russian and international policy"	123

Editorial board:

T.G. Rimskaya (Editor-in-chief), V.A. Burlakov, M.G. Ganopolskij, A.N. Demyanenko, E.V. Zhurbey (Editor), I.N. Zolotukhin, M.A. Kalugina, V.N. Karaman, A.A. Kireev, L.I. Kirsanova, V.V. Kozhevnikov, A.M. Kuznetsov, Yu.V. Latushko, D.A. Litoshenko, A.L. Lukin, Yu.A. Naumov, S.V. Sevastyanov, Choj Nak Dzhun, O.I. Shestak, S.E. Yachin.

Founder: State educational institution of the higher professional education "Vladivostok state university of Economics and Service".

Address: 2 Ozernaja St., Nakhodka 692000, Primorskyi krai, Russia.

Official site of journal: <http://www.ojkum.ru>

E-mail: oikomene@rambler.ru; ojkum@rambler.ru

Electronic computer is made up by V.N. Karaman

Graphic registration: J.A. Barbenko, V. N. Karaman, V.V. Postnikov.

Corrector E.V. Abramova

Authors' points of view on the problems under investigation do not necessarily coincide with those of the Editorial Board.

Journal is registered by Federal service on supervision in sphere of mass communications, connection and cultural heritage protection.

Certificate on registration of the journal ser. PI № FS77-30578, given by 12.12.2007.

От редактора рубрики

Тематическая рубрика номера «Образовательное пространство юга Дальнего Востока России» посвящена обсуждению круга вопросов, вошедших в повестку дня благодаря произошедшим на рубеже первого и второго десятилетия XXI в. переменам в структуре, компонентном составе, динамике и идеологии процессов развития регионального кластера отечественного научно-образовательного комплекса, в частности – национальной системы образования. Именно на осмысление его истоков, возможных альтернатив, достигнутых результатов и перспектив на ближайшее и отдалённое будущее ориентировался авторский коллектив рубрики, представивший статьи, которые позволяют, в конечном итоге, сформировать полидисциплинарное видение реальности образовательного пространства региона, вскрыть унаследованные из прошлого и вновь возникшие проблемы, наметить комплексные подходы к их решению.

Авторы рубрики предлагают своё понимание интересующих их компонентов проблемного поля, связанного с реалиями бытования образовательного пространства юга Дальнего Востока России.

На страницах статьи «Региональное образовательное пространство: конструирование прагматической теории», представленной кандидатом исторических наук, доцентом кафедры истории, политологии и государственно-правовых дисциплин юридического факультета МГУ им. адм. Г.И. Невельского Д.А. Литошенко, предпринимается попытка сформулировать теорию регионального образовательного пространства, выступающую средством интерпретации процессов и явлений, происходящих в настоящее время в сложившемся на юге Дальнего Востока России кластере национальной системы высшего профессионального образования.

В статье кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника ИИАЭ ДВО РАН В.Г. Макаренко «Научно-образовательный комплекс Дальнего Востока России: современное состояние, проблемы, пути решения, перспективы» осуществлён глубокий и всесторонний анализ развития научно-образовательного комплекса рассматриваемого региона, конкретизированы имеющиеся проблемы и намечены реальные пути их решения.

Работа кандидата экономических наук, ведущего научного сотрудника ВФ РТА М.В. Ниязовой и кандидата юридических наук, доцента ВФ РТА А.В. Васюк «Институциональное многообразие региональных вузов и эффективность их научной деятельности» посвящена сравнительному исследованию эффективности научной деятельности образовательных учреждений высшего образования на примере вузов Ростовской области и Приморского края. В статье приводятся результаты анализа многообразия вузов этих регионов по видовой принадлежности, специфике образовательной деятельности, ведомственной подчинённости и правовому типу учреждения. Кроме того, особое внимание обращено на институциональные ограничения повышения эффективности научной деятельности, обусловленные типом образовательного учреждения.

В статье «Роль практического обучения в подготовке инженеров на Дальнем Востоке», представленной доктором исторических наук, профессором ВГУЭС Н.В. Хисамутдиновой, исследуются вопросы исторического опыта организации и проведения производственной практики для студентов технических специальностей вузов Дальнего Востока, приводятся примеры связи вузов с производством, проанализированы основные тенденции практического обучения будущих инженеров в разные

периоды. Статья написана на материале неопубликованных архивных документов о работе дальневосточных вузов в 1920-е – 1980-е гг.

Статья «Профессиональное образование регионоведа: ресурс формирования предпринимательской компетентности», подготовленная преподавателем отделения подготовки переводчиков ИИЯ ВГУЭС А.А. Чернявским, посвящена исследованию особенностей профессионального образования регионоведа. Автором статьи проделан анализ массива педагогических исследований и Федерального образовательного стандарта. На основе анализа предшествующей исследовательской традиции и опросов регионоведов в статье решается проблема эффективного использования педагогических ресурсов формирования предпринимательской компетентности будущих регионоведов.

Остаётся надеяться, что авторскому коллективу тематической рубрики удалось пролить свет на некоторые, наиболее значимые грани, аспекты и характеристики регионального образовательного пространства юга Дальнего Востока России, сделать их более доступными для понимания всех интересующихся данной проблематикой, а явившиеся результатом усилий авторов тексты будут благосклонно приняты читательской аудиторией научно-теоретического журнала «Ойкумена: Регионоведческие исследования».

Д.А. Литошенко

УДК 304.2

*Литошенко Д.А.
Litoshenko D.A.*

Региональное образовательное пространство: конструирование прагматической теории

Regional educational space: construction of the pragmatistical theory

Статья посвящена исследованию многообразия теоретического осмысления понятия «образовательное пространство», предпринятому с прагматической позиции, предопределяемой, в свою очередь, необходимостью формирования адекватного теоретического инструментария для полноценной интерпретации процессов и явлений, происходящих в настоящее время в рамках регионального кластера национальной системы высшего профессионального образования.

Ключевые слова: образовательное пространство, регион, теория, прагматический подход, образовательная политика, система образования, философия образования, педагогическая мысль, междисциплинарные исследования

The article investigates the variety of theoretical understanding of the concept of "educational space" with pragmatic position which is predetermined, in turn, the need to develop adequate theoretical tools for a full interpretation of the processes and phenomena occurring in the present time in the framework of a regional cluster of the national system of higher professional education.

Key words: educational space, region, theory, pragmatic approach, educational policy, educational system, educational philosophy, educational thought, interdisciplinary studies

Посвящается моим детям

В развитии современного социогуманитарного знания существует весьма любопытная тенденция, заключающаяся в регулярно происходящем размывании наиболее популярных (и даже можно сказать – модных в интеллектуальном плане) тем, понятий, концептов и теорий. Подобного рода судьба, с нашей точки зрения, постигла весьма популярный в научной литературе в последнее время концепт – «образовательное пространство». Чаще всего использование данного концепта сопряжено с разного рода попытками теоретического осмысления реалий, бытующих в разномастных ареалах: от общемирового – до локального (связанного с отдельным населённым пунктом или весьма ограниченной территорией).

ЛИТОШЕНКО Денис Александрович, к.и.н., доцент кафедры истории, политологии и государственно-правовых дисциплин юридического факультета Морской академии Морского государственного университета им. адм. Г.И. Невельского (г. Владивосток). **E-mail:** Denis.Litoshenko@ro.ru

Следовательно, необходимо оговориться, что центре нашего внимания, в рамках данной статьи, будет находиться региональное образовательное пространство, географически локализуемое в границах ареала определяемого устоявшимся понятием – юг Дальнего Востока России, а если быть ещё более точным – Приморье (Приморский край Российской Федерации). Подобного рода географическая локализация представляется тем более оправданной, что процессы трансформации регионального образовательного пространства последних лет, теоретическое осмысление которых предпринимается на страницах настоящей статьи, практически не затронули кластеры национальной системы образования в Хабаровском крае и Амурской области.

Кроме того, наше внимание будет сосредоточено на том пласте регионального образовательного пространства, возникновение и существование которого неразрывно связано с функционированием в указанном ареале подсистемы (сегмента соответствующей национальной системы) высшего профессионального образования. И это вовсе не случайно, так как в конце первого – во втором десятилетии XXI в. именно в высшей школе рассматриваемого региона произошли, происходят и, с высокой степенью вероятности, будут происходить процессы, радикальным образом изменяющие характеристики регионального образовательного пространства.

В известной степени, настоящая статья может служить продолжением недавно опубликованной нами работы, посвящённой осмыслению природы инициатив, направленных на возрождение Восточного института ДВФУ [12], но, в данном случае, заявленный в ранней статье прагматический подход находит применение к интерпретации более обширного массива фактографического и теоретического материала.

Несмотря на то, что концепт «образовательное пространство» оказался в фокусе пристального внимания отраслевого менеджмента, педагогической общественности и, соответственно, заинтересованных научных кругов ещё в середине 90-х годов XX в., но и по сей день говорить о строгости дефиниций всё ещё преждевременно. Весьма примечательно, что именно в конце XX в. на волне радикальной демократизации российского общества в целом и в частности отечественной образовательной науки было сформулировано весьма либеральное определение рассматриваемого концепта, в соответствии с которым под образовательным пространством понималось «существующее в социуме «место», где субъективно задаются множества отношений и связей, где осуществляются специальные деятельности различных систем (государственных, общественных и смешанных) по развитию индивида и его социализации» [11, с. 36]. Собственно, подобное понимание образовательного пространства отсылало к достаточно устоявшемуся в науке и хорошо разработанному в теоретическом плане понятию образовательной среды [15], а между данными концептами, по большому счёту, ставился знак равенства.

Однако подобного рода отождествление не получило абсолютной, безоговорочной поддержки не только в среде исследователей, но и кругу лиц, причастных к принятию решений в области образовательной политики и управлению образованием. Как можно заключить, понятие образовательной среды может быть приложимо только к характеристике ряда ключевых параметров функционирования отдельно взятых субъектов образовательной метасистемы. Иными словами, образовательная среда обнаруживает себя в том или ином образовательном учреждении или другой организации, участвующей в функционировании образовательной системы. Несмотря на то, что в настоящее время является очевидной принципиальная несводимость одного концепта к другому, тем

не менее, и сегодня в литературе встречаются случаи упорного отождествления образовательного пространства с образовательной средой.

Наиболее значительный шаг в теоретической разработке концепта «образовательное пространство» был сделан авторами монографического исследования «Поликультурное образовательное пространство России: история, теория, основы проектирования» [1]. Образовательное пространство понималось ими как «единство территориально-предметной и смыслопорождающей деятельности», организованное «взаимодействием трёх элементов: горизонта районирования, мета-текста и места человека» [13, с. 103]. Не вдаваясь в подробности предложенной авторами монографии теоретической модели поликультурного образовательного пространства, следует отметить значительный интерпретационный потенциал их концептуальной разработки, в том числе для исследования трансформаций образовательного пространства отдельно взятого региона.

Наряду с условно «фундаментальным» направлением разработки теории образовательного пространства в середине первого десятилетия XXI в. получили развитие ещё два направления, связанные с осмыслением проблем безопасности национального образовательного пространства России [5; 16; 8; 6; 7] и отечественных реалий Болонского процесса (или, если смотреть более широко – глобализации в образовании) [14; 4; 9]. Результатом развития данных направлений теоретического осмысления образовательного пространства явилось складывание так называемого этатистско-либерального подхода к трактовке концепта «образовательное пространство», в рамках которого было сформулировано определение, вошедшее в нормативные и политические документы органов государственной власти. Для нужд государственной власти было сформулировано определение единого образовательного пространства – «территория (регион), в которой государством и общественными организациями обеспечивается унифицированный уровень(ни) (стандарт) образования» [2]. Однако появление поддерживаемого авторитетом и нормативными ресурсами государства определения образовательного пространства не способствовало прекращению дискуссий в среде исследователей и практиков, относительно смысла концепта «образовательное пространство».

В настоящее время с равными правами на существование бытуют следующие случаи применения концепта «образовательное пространство» как в научной литературе, так и в разного рода официальных документах:

«– использование термина в качестве метафоры или как синонима понятия «образовательная среда»;

– трактовка «образовательного пространства» в качестве территориальной категории, связанной с масштабом тех или иных явлений в образовании и социальной практике;

– понимание термина как результата возможной интеграции существующих элементов системы образования;

– именование образовательным пространством одного из уровней пространства социального (наряду с экономическим, политическим, культурным);

– трактовка термина как определённого явления в общественных отношениях между странами, специфического качества их единства;

– образовательное пространство нередко понимается и как результат конструктивной деятельности» [10, с. 36-37].

Наличие столь широкого спектра смыслового использования концепта «образовательное пространство» вселяет известную долю оптимизма относительно перспектив конструирования на его основе прагматиче-

ской теории регионального образовательного пространства, призванной стать ключом для интерпретации трансформаций, происходящих в образовательном пространстве юга Дальнего Востока России в настоящее время.

Не менее широкий спектр точек зрения сложился относительно характеристик и свойств образовательного пространства. Однако, несмотря на широту диапазона высказываний, представляется возможным сформулировать сбалансированный перечень характеристик и свойств образовательного пространства, среди которых а) многомерность; б) структурированность (наличие организационной структуры); в) наличие субъектов (агентов, участников), массив которых должен обладать высокой степенью разнородности (гетерогенности) и численностью; г) признаваемая и исполняемая всеми субъектами нормативная база; д) развитый арсенал институтов обеспечения функционирования; е) необходимый комплекс социальных ресурсов [3, с. 101]; ж) материально-объектная среда; з) технологии взаимодействия субъектов; и) технологии профильной деятельности субъектов; к) мифология. Выявление указанных характеристик и свойств образовательного пространства, с нашей точки зрения, открывает перспективы для глубоких и всесторонних интерпретаций реалий, свойственных для того или иного региона.

Этатистско-либеральная парадигма образовательного пространства, сложившаяся на базе упомянутого выше одноименного подхода к толкованию концепта «образовательное пространство», исходящая из идеи единства национального (существующего в географических границах государственности) образовательного пространства, тем не менее, не исключает возможности существования региональных образовательных пространств. Так как их состояние «зависит от реальных образовательных ситуаций в регионе, от характера и направленности взаимодействия участников, формирующих запросы в рамках образовательных интересов» [3, с. 100], следовательно, существует возможность конструирования (на основе наиболее перспективных достижений всех без исключения подходов к пониманию концепта «образовательное пространство») теории регионального образовательного пространства, интерпретационное приращение которой будет носить специфический (а может быть и уникальный) характер для каждого, отдельно взятого региона. Не будет являться в этом отношении исключением и юг Дальнего Востока России.

Весьма вероятно, что теоретическая интерпретация реалий регионального образовательного пространства юга Дальнего Востока России будет весьма далека от тех бравурно-положительных оценок, на которые ориентируются как представители местной вузовской административной олигархии, так и министерский менеджмент в столице. Уже сейчас очевидна отрицательная динамика по нескольким параметрам, среди которых:

1. Структурированность: структура стала значительно проще;
2. Многочисленность массива гетерогенных субъектов: число субъектов сократилось, степень гетерогенности снизилась;
3. Социальные ресурсы: происходит деградация и разбазаривание имевшихся в регионе научно-образовательных и интеллектуальных ресурсов, регион стремительно теряет научно-образовательную автаркичность.
4. Институты обеспечения функционирования: в регионе не созданы механизмы и каналы влияния научно-образовательного сообщества на процесс принятия политических и управленческих решений в сфере образования (в данном случае – в области высшего профессионального образования). И как следствие сохранение ситуации невозможности

функционирования регионального вузовского научно-образовательного сообщества в качестве полноправного субъекта регионального же образовательного пространства.

Налицо ситуация отчуждения (в марксистском понимании), когда происходит потеря права распоряжаться собственной деятельностью и отчуждение от продуктов (и результатов) труда. В связи с этим возникает закономерный вопрос о том, каким образом административная олигархия высшей школы намеревается добиваться успеха на очередном этапе реформы национальной системы высшего профессионального образования, призванном обеспечить России инновационный прорыв, когда вузовский интеллектual низведён не то что до положения рабочего на заводе Г. Форда, а до роли валика лентопромоточного механизма конвейерной линии того же завода. Ответ на этот и многие другие вопросы даст будущее. Остаётся надеяться, что у нашего общества оно всё же будет.

Литература

1. Борисенков В.П. Поликультурное образовательное пространство России: история, теория, основы проектирования / В.П. Борисенков, О.В. Гукаленко, А.Я. Данилюк. М.; Ростов-на-Дону., 2004. 576 с.
2. Глоссарий // Российское образование. Федеральный образовательный портал: учреждения, программы, стандарты, ВУЗы, тесты ЕГЭ, ГИА [Электронный ресурс]. URL: http://www.edu.ru/index.php?page_id=50&op=word&wid=94 (дата обращения: 21 августа 2014 г.).
3. Головацкий Е.В., Шпак, Л.Л. Социальные ресурсы в образовательном пространстве региона / Е.В. Головацкий, Л.Л. Шпак // *Философия образования*. 2009. № 4. С. 97-104.
4. Гукаленко О.В. Образовательное пространство СНГ: проблемы и перспективы развития / О.В. Гукаленко // *Педагогика*. 2007. № 2. С. 3-11.
5. Иванкина Л.И. Критерии безопасного образовательного пространства / Л.И. Иванкина // *Философия образования*. 2006. № 1. С. 118-122.
6. Камашев С.В. Безопасность образовательного пространства «Восток-Запад» / С.В. Камашев // *Философия образования*. 2011. № 1. С. 183-188.
7. Камашев С.В. Безопасность образования России в условиях интеграции в европейское образовательное пространство / С.В. Камашев // *Философия образования*. 2011. № 3. С. 89-95.
8. Камашев С.В. Некоторые аспекты безопасности образовательного пространства / С.В. Камашев // *Философия образования*. 2006. № 1. С. 110-117.
9. Караваева Е.В., Котловский, И.Б. Проблема формирования общего образовательного пространства / Е.В. Караваева, И.Б. Котловский // *Alma Mater*. 2010. № 4. С. 9-17.
10. Леонова О. Образовательное пространство как педагогическая реальность / О. Леонова // *Alma Mater*. 2006. № 1. С. 36-40.
11. Леонова О.А. Понятие "образовательное пространство" и его региональная интерпретация / О.А. Леонова // *Педагогика*. 2008. № 6. С. 36-41.
12. Литошенко Д.А. Возрождение Восточного института ДВФУ как консервативно-реформационная инициатива / Д.А. Литошенко // *Известия Восточного института*. 2014. № 1. С. 16-20.
13. Филонов Г.Н. Теория поликультурного образовательного пространства / Г.Н. Филонов // *Педагогика*. 2006. № 3. С. 102-105.

14. Хузиятов Т. Азиатско-Тихоокеанский регион: условия и предпосылки формирования единого образовательного пространства / Т. Хузиятов // *Alma Mater*. 2006. № 5. С. 33-36.

15. Шалаев И.К., Веряев А.А. От образовательных сред к образовательному пространству: понятие, формирование, свойства / И.К. Шалаев, А.А. Веряев [Электронный ресурс]. URL: http://bspu.secna.ru/Journal/pedagog/pedagog_4/article_1.html (дата обращения: 19 мая 2006 г.).

16. Шершнева Л.И. Образовательное пространство России как системообразующий фактор национальной безопасности / Л.И. Шершнева [Электронный ресурс]. URL: http://www.fnimb.org/doc_rgsu.htm (дата обращения: 19 мая 2006 г.).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Borisenkov V.P. Polikul'turnoe obrazovatel'noe prostranstvo Rossii: istoriya, teoriya, osnovy proektirovaniya / V.P. Borisenkov, O.V. Gukalenko, A.YA. Danilyuk. M.; Rostov-na-Donu., 2004. 576 s.

2. Glossarij // Rossijskoe obrazovanie. Federal'nyj obrazovatel'nyj portal: uchrezhdeniya, programmy, standarty, VUZy, testy EGEH, GIA [Электронный ресурс]. URL: http://www.edu.ru/index.php?page_id=50&op=word&wid=94 (дата обращения: 21 августа 2014 г.).

3. Golovatskij E.V., SHpak, L.L. Sotsial'nye resursy v obrazovatel'nom prostranstve regiona / E.V. Golovatskij, L.L. SHpak // *Filosofiya obrazovaniya*. 2009. № 4. С. 97-104.

4. Gukalenko O.V. Obrazovatel'noe prostranstvo SNG: problemy i perspektivy razvitiya / O.V. Gukalenko // *Pedagogika*. 2007. № 2. С. 3-11.

5. Ivankina L.I. Kriterii bezopasnogo obrazovatel'nogo prostranstva / L.I. Ivankina // *Filosofiya obrazovaniya*. 2006. № 1. С. 118-122.

6. Kamashev S.V. Bezopasnost' obrazovatel'nogo prostranstva «Vostok-Zapad» / S.V. Kamashev // *Filosofiya obrazovaniya*. 2011. № 1. С. 183-188.

7. Kamashev S.V. Bezopasnost' obrazovaniya Rossii v usloviyakh integratsii v evropejskoe obrazovatel'noe prostranstvo / S.V. Kamashev // *Filosofiya obrazovaniya*. 2011. № 3. С. 89-95.

8. Kamashev S.V. Nekotorye aspekty bezopasnosti obrazovatel'nogo prostranstva / S.V. Kamashev // *Filosofiya obrazovaniya*. 2006. № 1. С. 110-117.

9. Karavaeva E.V., Kotlovskij, I.B. Problema formirovaniya obshhego obrazovatel'nogo prostranstva / E.V. Karavaeva, I.B. Kotlovskij // *Alma Mater*. 2010. № 4. С. 9-17.

10. Leonova O. Obrazovatel'noe prostranstvo kak pedagogicheskaya real'nost' / O. Leonova // *Alma Mater*. 2006. № 1. С. 36-40.

11. Leonova O.A. Ponyatie "obrazovatel'noe prostranstvo" i ego regional'naya interpretatsiya / O.A. Leonova // *Pedagogika*. 2008. № 6. С. 36-41.

12. Litoshenko D.A. Vozrozhdenie Vostochnogo instituta DVFU kak konservativno-reformatsionnaya initsiativa / D.A. Litoshenko // *Izvestiya Vostochnogo instituta*. 2014. № 1. С. 16-20.

13. Filonov G.N. Teoriya polikul'turnogo obrazovatel'nogo prostranstva / G.N. Filonov // *Pedagogika*. 2006. № 3. С. 102-105.

14. KHuziyatov T. Aziatsko-Tikhookeanskij region: usloviya i predposylki formirovaniya edinogo obrazovatel'nogo prostranstva / T. KHuziyatov // *Alma Mater*. 2006. № 5. С. 33-36.

15. SHalaev I.K., Veryaev A.A. Ot obrazovatel'nykh sred k obrazovatel'nomu prostranstvu: ponyatie, formirovanie, svoystva / I.K. SHalaev, A.A. Veryaev [Электронный ресурс]. URL: http://bspu.secna.ru/Journal/pedagog/pedagog_4/article_1.html (дата обращения: 19 мая 2006 г.).

16. SHershnev L.I. Obrazovatel'noe prostranstvo Rossii kak sistemoobrazuyushhij faktor natsional'noj bezopasnosti / L.I. SHershnev [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.fnimb.org/doc_rgsu.htm (data obrashheniya: 19 maya 2006 g.).

УДК 378.1. (09) (571.6)

Макаренко В.Г.
Makarenko V.G.

**Научно-образовательный комплекс
Дальнего Востока России:
современное состояние, проблемы, пути решения,
перспективы**

**Scientific and educational complex south of the Far East:
current state, problems and development prospects**

Исследовано современное состояние и перспективы развития научно-образовательного комплекса Дальнего Востока России, выявлен ряд проблем и противоречий, намечены пути их разрешения.

Ключевые слова: *научно-образовательный комплекс, Дальний Восток России, современное состояние, проблемы, пути решения, перспективы*

Investigated the current state and prospects of development of scientific and educational complex of the Far East of Russia, identified a number of its problems and contradictions, the ways to resolve them.

Key words: *scientific and educational complex, Russian Far East, current status, problems, solutions and prospects*

В настоящее время в Северо-Восточной Азии (СВА), в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) сформировался новый (наряду с США и Европейским союзом) крупный экономический и торговый центр мира, главный потребитель его сырьевых ресурсов, характеризующийся в сравнении с общемировыми показателями высокими (и опережающими другие страны) темпами политического и социально-экономического развития ряда государств этой зоны [1, с. 5; 6, с. 10, 12, 19; 8, с. 9], особенно КНР [6, с. 10, 12, 19; 7, с. 75, 95; 8, с. 14, 16, 18-19; 9, с. 5, 127, 157, 168, 171, 175]. Это закономерно обусловило не только повышенное внимание руководства России к Дальнему Востоку, имеющему выгодное геополитическое положение и обладающему уникальными природно-сырьевыми ресурсами общемирового значения [5, с. 5; 9, с. 5-6, 9, 14; 12, с. 84; 10, с. 185-194], но и переоценку его места и роли в современном политическом, экономическом и социальном развитии страны с учётом развивающихся процессов глобализации и стратегии национальной

Статья подготовлена при финансовой поддержке Президиума РАН (грант № 12-1-ПЗ3-04 «Традиции и инновации в системе высшего образования на Дальнем Востоке в период социальных трансформаций в XX – начале XXI в. в свете историко-культурных ценностей России»).

МАКАРЕНКО Василий Геннадьевич, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток)
E-mail: vasgen@bk.ru

безопасности [9, с. 32-41; 4]. Это проявилось в принятии соответствующих решений: о проведении саммита АТЭС 2012 г. в г. Владивостоке, о корректировке федеральной целевой комплексной программы развития Дальнего Востока и Забайкалья (до 2013 г.) в виде долгосрочной «Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года», утверждённой правительством РФ 28 декабря 2009 г. № 2094-р. В ней предусмотрено дальнейшее комплексное освоение данной территории с учётом современных и перспективных тенденций интеграционных процессов в АТР. Планируется вместо бывшего «сырьевого придатка», каким долгое время являлся Дальний Восток, создание здесь промышленно развитого региона на основе модернизации экономики, внедрения в производство новейших достижений науки, инновационных технологий, а также создание оптимального уровня социально-бытовой инфраструктуры с целью привлечения и закрепления населения.

Это достаточно сложная задача по целому ряду причин. Во-первых, в хозяйственном комплексе Дальнего Востока и Байкальского региона производительность труда в расчёте на одного работающего в 4 раза ниже, чем в Японии, в 6 раз ниже, чем в США, в 2,5 раза ниже, чем в Южной Корее, в 5 раз ниже, чем в Австралии, а также значительно ниже среднероссийских показателей. Во-вторых, потребление первичных энергоресурсов на данной территории на единицу валового регионального продукта в 2,5 раза выше, чем в среднем по РФ, электрической энергии – в 1,8 раза, нефтеёмкости – в 2 раза [11]. В-третьих, крайне неэффективна структура топливно-энергетического баланса. В-четвёртых, явно недостаточна степень интегрированности экономики субъектов РФ, расположенных на территории региона. В большей степени интегрированы только отдельные южные территории Дальнего Востока и Байкальского региона, объединённые единой транспортной и энергетической инфраструктурой [11]. В-пятых, с 1992 гг. здесь сложился наиболее интенсивный по России отток населения в западные районы страны. Сокращение численности населения сопровождается его старением и дальнейшей концентрацией в городах. В это же время в большинстве стран АТР демографическая ситуация развивается с положительной динамикой – численность населения растёт, доля молодого населения не опускается ниже критического уровня [11].

В сложившихся условиях реализация очередной, столь масштабной программы социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на основе эффективного использования «человеческого капитала», «экономики знаний», инновационных технологий невозможна без адекватного научного сопровождения, без достаточного количества квалифицированных трудовых ресурсов, в том числе учёных и специалистов с высшим образованием (инженеров, технологов, конструкторов, врачей, учителей, агрономов и др.), без тесного взаимодействия региональной науки и высшего образования.

Однако, согласно исследованиям российских и зарубежных учёных, а также международным рейтингам, в настоящее время качество подготовки специалистов в российской высшей школе, в том числе и на Дальнем Востоке, значительно уступает мировому уровню. Создание инновационных, научно-исследовательских вузов и федеральных университетов пока ещё не решило проблему формирования единого (сетевое) образовательного пространства, их тесного взаимодействия и сотрудничества. Более того, в конце 2012 г. Министерством образования и науки РФ определён перечень так называемых «неэффективных вузов», которые планируется в лучшем случае объединить или «оптимизировать» их деятельность, а худшем – закрыть. В этом перечне есть дальнево-

сточные вузы и их филиалы, недостаточно обеспеченные материально-техническими ресурсами и научно-педагогическими кадрами, расположенные на периферии субъектов ДФО [1].

По мнению некоторых депутатов Государственной Думы РФ, сложившаяся ситуация в системе высшего образования во многом обусловлена некими «универсальными» данными результатов "мониторинга эффективности" (или оценки деятельности вузов) по критериям, разработанным в Министерстве образования и науки РФ, не отражающим реальной обстановки [3]. На наш взгляд, действительное положение дел, особенно в регионах, может быть представлено только на основе объективного научного анализа результатов основной деятельности региональных вузов, инвентаризации их социально-профессиональной специализации, с обязательным учётом специфических особенностей, структуры и перспектив развития хозяйственно-экономического комплекса каждого региона, а также возможностей дальнейшего развития интеграции вузов с академической наукой [3; 10, с. 554-555]. Подобное сотрудничество и тесное взаимодействие системы российского высшего образования и науки продолжается уже более 50-ти лет и даёт положительный эффект. Представляется, что и в перспективе оно должно стать базовым, основополагающим и системообразующим фактором социально-экономического и культурного развития Дальнего Востока и Забайкалья в соответствии с принятой долговременной программой развития региона.

К настоящему времени в Дальневосточном регионе уже началась реализация ряда научно-образовательных программ, в которых предусмотрено активное взаимодействие академического и вузовского секторов в проведении совместных научных исследований и подготовке специалистов с высшим образованием («Стратегия развития Дальневосточного отделения РАН до 2025 года», «Программа развития Дальневосточного федерального университета», «Программа развития Северо-Восточного федерального университета» (утверждены правительством РФ на 2010-2019 гг.) (Решение Президиума ДВО РАН и Совета ректоров вузов ДФО по итогам совместного заседания с повесткой «Состояние и основные направления развития развития научно-образовательного комплекса на российском Дальнем Востоке», 5 декабря 2012 г., г. Владивосток // **ТА ДВО РАН. НОУ**).

В рамках рыночной парадигмы и в целях формирования конкурентной среды в образовательном пространстве высшей школы Дальнего Востока в 2012 гг. проведён конкурс стратегических программ развития вузов, победителями которого стали государственные университеты региона: Камчатский им. Витуса Беринга, Сахалинский, Тихоокеанский, Комсомольский-на-Амуре технический университет и Владивостокский университет экономики и сервиса. Эти вузы получили значительную бюджетную финансовую поддержку в форме дополнительных субсидий на выполнение государственного задания по подготовке необходимых региону специалистов (Решение Президиума ДВО РАН и Совета ректоров вузов ДФО по итогам совместного заседания с повесткой «Состояние и основные направления развития развития научно-образовательного комплекса на российском Дальнем Востоке», 5 декабря 2012 г., г. Владивосток // **ТА ДВО РАН. НОУ**).

На совместном заседании Президиума ДВО РАН и Совета ректоров вузов ДФО «Состояние и основные направления развития научно-образовательного комплекса на российском Дальнем Востоке», состоявшемся 5 декабря 2012 г. в г. Владивостоке, констатировалось, что успешной реализации новой стадии взаимодействия академической науки и высшей школы в значительной степени будет способствовать

создание на о. Русский Тихоокеанского научно-образовательного центра (ТНОЦ). Согласно планам, в его состав наряду с Дальневосточным федеральным университетом войдёт и инновационный Научный парк РАН в виде группы новых институтов ДВО РАН: Центра экологического мониторинга морских акваторий, Института геофизики и геохимии, Института прикладной химии, Института прикладной математики, Института медицинских технологий, Морской биологической станции, научно-образовательного центра «Приморский океанариум» и др. (Решение Президиума ДВО РАН и Совета ректоров вузов ДФО по итогам совместного заседания с повесткой «Состояние и основные направления развития научно-образовательного комплекса на российском Дальнем Востоке», 5 декабря 2012 г., г. Владивосток // **ТА ДВО РАН. НОУ**) [3; 2, с. 5]. Это значительно расширяет возможности для воспроизводства необходимых специалистов с высшим образованием непосредственно в регионе. Собственно Дальневосточное отделение РАН сегодня представляет собой многоотраслевой научно-исследовательский комплекс из 34 научных учреждений (в Приморье, Хабаровском крае, на Камчатке, Сахалине, в Магадане, Благовещенске, Биробиджане). В них работают 2300 научных сотрудников, в том числе 380 докторов, 1260 кандидатов наук, 17 академиков и 28 членов-корреспондентов РАН. Вузовский потенциал Дальневосточного федерального округа (ДФО) представлен 44 государственными (и 15 негосударственными) вузами и филиалами, в которых обучаются 218 000 студентов по 300 специальностям, работают 11740 преподавателей, в том числе 1150 докторов наук и 5980 кандидатов наук (Решение Президиума ДВО РАН и Совета ректоров вузов ДФО по итогам совместного заседания. 5 декабря 2012 г. // **ТА ДВО РАН. НОУ**; Галлямова Л.И., Макаренко В.Г. Отчёт «Дальний Восток: научно-образовательный потенциал» // **Архив ИИАЭ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 668. ЛЛ. 4-5**) [10, с. 214, 216, 217-220; 2, с. 5].

В рамках интеграционного сотрудничества около 30% научных сотрудников ДВО РАН ведут систематические занятия в 35 вузах региона, осуществляют подготовку студентов на 35 базовых кафедрах, обеспечивают функционирование 40 учебно-научных и инновационно-технологических центров, семи центров научно-производственной практики студентов. В вузах региона при активном участии учёных ДВО РАН созданы 13 совместных исследовательских лабораторий и 26 научно-образовательных центров. Подготовка студентов осуществляется на современной приборной базе 18-ти центров коллективного пользования (ЦКП) ДВО РАН. Сотрудники Дальневосточного отделения, обеспечивая учебный процесс в качестве преподавателей, имеют среднегодовую учебную нагрузку около 170 тыс. учебных часов, читают более 350 уникальных специальных курсов лекций (Решение Президиума ДВО РАН и Совета ректоров вузов ДФО по итогам совместного заседания ... 5 декабря 2012 г. // **ТА ДВО РАН. НОУ**) [2, с. 5]. Таким образом, достигнутый в настоящее время уровень интеграции академической науки и высшей школы определяющим образом способствует повышению качества и эффективности подготовки кадров с высшим образованием для экономики Дальневосточного региона. Основные результаты работы институтов ДВО РАН за последние пять лет убедительно демонстрируют высокую динамику научно-образовательной деятельности: заметно снизился средний возраст научных сотрудников – в 2013 г. он не превышал 49 лет; удельный вес молодых научных сотрудников до 35 лет составил более 27%; доля кандидатов наук в возрасте до 40 лет превышает 30%; общее количество публикаций за 2012 г. – более 7000, из них в реферируемых изданиях 2500; рост публикационной активности учёных ДВО РАН в зарубежных изданиях составил более 30%. В институтах ДВО РАН к

концу 2013 г. создано 35 базовых кафедр, на которых проходят подготовку около 1000 студентов вузов Владивостока, Хабаровска, Южно-Сахалинска, Магадана, Петропавловска-Камчатского, Биробиджана; в образовательном процессе задействовано более 350 ведущих учёных ДВО РАН, их суммарная лекционная нагрузка достигает 170 000 часов. Объём средств, централизованно направленных на модернизацию приборного парка научных институтов ДВО РАН за период 2008 – 2012 гг., превысил 3 млрд. руб. Для сотрудников академических институтов, учёных и специалистов университетов и отраслевых институтов региона создано 18 центров коллективного пользования уникальным научным оборудованием. Успешно функционирует корпоративная телекоммуникационная сеть ДВО РАН, обеспечивающая доступ к информационным и вычислительным ресурсам 100% научных сотрудников и связанная с локальными сетями ведущих университетов Дальнего Востока (Выступление на Общем собрании РАН председателя ДВО РАН ак. В.И. Сергиенко 9 сентября 2013 г. // **ТА ДВО РАН. НОУ**).

Все эти результаты стали возможными благодаря своевременным и рациональным управленческим решениям Президиумов РАН, ДВО РАН, при активном участии научных коллективов, при консолидации финансовых и материальных ресурсов (бюджетных и внебюджетных) на научных направлениях, способствующих комплексному и сбалансированному развитию науки в Дальневосточном регионе, причём без поддержки Министерства образования и науки. Неоднократные обращения о необходимости расширения объёмов строительства, капитального ремонта зданий и сооружений, модернизации судов научно-исследовательского флота ДВО РАН, к сожалению, оставались без внимания. Кроме того, в структуре расходов научных институтов фонд оплаты труда постоянно растёт и сегодня достигает 72-75%. Таким образом, в настоящее время имеет место медленный, но уверенный возврат к ситуации начала 1990-х гг., когда государственное финансирование поступало только на зарплату, а средств на научные исследования не было. В условиях начавшейся реализации принятого в конце 2013 г. постановления правительства о реформе Российской академии наук и передаче функций управления её имуществом Федеральному агентству научных объединений (ФАНУ), осуществление совместных с вузами научных программ и планов дальнейшей интеграции находится под большим вопросом, что, по мнению ряда отечественных и зарубежных специалистов, несомненно, нанесёт значительный ущерб развитию регионального научно-образовательного комплекса [3], (Выступление на Общем собрании РАН председателя ДВО РАН ак. В.И. Сергиенко // **ТА ДВО РАН. НОУ**). Согласно прогнозам, в результате реформы РАН и ДВО РАН теряют функции управления своим имуществом и по произволу чиновников от науки могут лишиться телекоммуникационной сети, 17 центров коллективного пользования, создающих основу высокой компетенции сотрудников по ряду приоритетных направлений развития науки; отработанной системы организации и проведения междисциплинарных научно-исследовательских и инновационных конкурсных проектов, междисциплинарных морских экспедиций (стоимостью около 300 млн. руб. централизованных средств ежегодно); налаженной системы интеграционных междисциплинарных научно-исследовательских проектов с УРО РАН, СО РАН, РАН и РАСХН; системы поддержки базовых кафедр и программ интеграции академической и вузовской науки; отработанной системы поддержки (софинансирование) программ международных конкурсных проектов (с CRDF, CNRS, VANT, KAST, с университетами Японии, Тайваня); единой и сбалансированной стратегии развития академического сектора науки в быстро развивающемся регионе,

составляющем одну четвёртую часть территории России (Выступление на Общем собрании РАН председателя ДВО РАН ак. В.И. Сергиенко // **ТА ДВО РАН. НОУ**). Экспертами предсказано и повторение негативной ситуации в науке в начале 1990-х гг., т.е. массовый отток (что оппоненты называют академической мобильностью) молодёжи. Всем государствам нужны образованные и профессионально подготовленные молодые люди. Сегодня ряд талантливых молодых кандидатов наук ДВО РАН уже имеет конкретные предложения для работы по контракту за рубежом: в университетах Японии, Тайваня, КНР, США. Таким образом, имеющийся реально и спланированный искусственно правительственной реформой российской науки демографический провал Дальневосточное региональное отделение едва ли переживёт (Выступление на Общем собрании РАН председателя ДВО РАН ак. В.И. Сергиенко // **ТА ДВО РАН. НОУ**). Это наводит на мысль, что поэтапное проведение реформ науки и образования в России с 1992 г. (без учёта мнения и широкого обсуждения научно-образовательным сообществом) ставит своей целью перевод отечественной науки в университеты, как это принято в Европе и США. Однако это вряд ли осуществимо в российских условиях, когда вузовские преподаватели, как показывает практика, особенно на периферии, традиционно имеют высокие учебные нагрузки (до 1000 и более часов в год), что не оставляет времени для проведения фундаментальных научных исследований.

Анализ «Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года» свидетельствует об острой потребности в кадрах с высшим образованием в областях: рационального природопользования, технологий добычи и переработки биологических ресурсов на суше и на море, биологии и экологии, нефте- и газопереработки, машиноведения, аэрокосмической отрасли, нефтехимии, агрохимии, лесоводства и лесопереработки, морской геологии и геофизики, современных коммуникационных и медицинских технологий, разработки новых технических средств освоения океана, международных отношений, межкультурных коммуникаций (Решение Президиума ДВО РАН и Совета ректоров вузов ДФО по итогам совместного заседания ...5 декабря 2012 г. // **ТА ДВО РАН. НОУ**).

По мнению председателя Совета ректоров вузов Дальнего Востока д.т.н., проф. С.Н. Иванченко, сложной проблемой является проблема закрепления в регионе молодых и талантливых специалистов для сферы науки и наукоёмких технологий. Она не может быть решена без программно-целевого подхода к обеспечению молодых специалистов доступным жильём, что могло бы остановить продолжающийся отток населения из Дальневосточного региона, включая наиболее талантливую, социально и творчески активную молодёжь. Кроме того, в ближайшей перспективе необходима реализация поддерживающей системы обучения в форме постоянно функционирующих программ корпоративного тренинга в университетах региона. От устоявшейся, традиционной концепции подготовки специалистов «образование на все времена» в настоящее время требуется переход к «концепции непрерывного образования». Созданное Министерство РФ по развитию Дальнего Востока призвано содействовать реализации приоритетных инвестиционных, научно-технических, технологических и образовательных проектов, в том числе путём формирования пакета целевых заказов, адресованного научно-образовательному комплексу региона, на подготовку высококвалифицированных кадров, разработку конкурентоспособной наукоёмкой продукции и инновационных технологий (Решение Президиума ДВО РАН и Совета ректоров вузов ДФО по итогам совместного заседания ...5 декабря 2012 г. // **ТА ДВО РАН. НОУ**).

Таким образом, в числе приоритетных направлений развития научно-образовательного комплекса в целом и высшего образования в частности в контексте реализации «Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года», по мнению представителей Президиума ДВО РАН и Совета ректоров вузов ДФО, в ближайшее время потребуется выполнить следующие мероприятия:

– привести социально-профессиональную структуру подготовки специалистов в соответствии с потребностями приоритетных и перспективных отраслей экономики;

– в целях проведения технологической модернизации экономики региона интенсифицировать подготовку специалистов для науки и инновационной экономики с ориентацией на высокие технологии в нефтегазовой, аэрокосмической областях, машиностроении и других новых отраслях реального производства;

– обеспечить дальнейшее развитие интеграции академических институтов и вузов региона в форме новых структур: базовых кафедр, лабораторий, учебно-научных центров, интеграционных научных исследований, грантовой политики, издательской деятельности;

– научно-образовательным интеграционным структурам ДВО РАН и вузов региона сконцентрировать усилия на разработку, внедрение и реализацию образовательных программ, нацеленных на развитие у студентов навыков проектной, инженерной деятельности, постановки и решения инновационных задач.

С учётом развития глобализационных процессов в АТР назрела необходимость создания международных научных, научно-образовательных и научно-производственных структур для продвижения наукоёмкой продукции региона на мировой рынок. По мнению научно-образовательного сообщества региона, результатом тесного взаимодействия Совета ректоров вузов ДФО, ДВО РАН, Министерства РФ по развитию Дальнего Востока, полномочного представителя президента РФ в ДФО может и должно стать реальное научное и кадровое сопровождение государственной программы РФ «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона до 2025 г.», а также совместная работа на постоянной основе по формированию пакета целевых госзаказов на разработку и внедрение институтами ДВО РАН и вузами региона наукоёмких технологий и инновационной продукции (Решение Президиума ДВО РАН и Совета ректоров вузов ДФО по итогам совместного заседания ... 5 декабря 2012 г. // **ТА ДВО РАН. НОУ**).

Литература

1. ВГД требуют от Ливанова открытого обсуждения ситуации вокруг вузов // [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/society/20121220/915667528.html> (дата обращения: 22. 12. 2012 г.).

2. Галлямова Л.И., Макаренко В.Г. Учёба и наука – рука об руку // Дальневосточный учёный. 2012. № 13 (1455). 11 июля.

3. Депутат: Академией наук должны управлять ученые // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rosbalt.ru/video/2014/02/07/1230803.html> (дата обращения: 2.03.2014 г.).

4. Исторические проблемы социально-политической безопасности Российского Дальнего Востока (вторая половина XX – начало XXI в.). В 2-х кн. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2014.
5. Кривелевич М.Е. Финансовые риски для Дальнего Востока России в постиндустриальном мире // У карты Тихого океана. / Редкол.: В.Л. Ларин, А.П. Герасименко и др. Информ. – аналит. бюлл. 2012. № 26 (224). Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2012. 46 с.
6. Ларин В.Л. Основные проблемы в Восточной Азии в начале XXI века (доклад на заседании Президиума ДВО РАН 30 сент. 2005 г.). Владивосток: Дальнаука. 2006. 24 с.
7. Ларин В.Л. Российско-китайские отношения в региональных измерениях (80-е годы XX – начало XXI века). М.: Восток-Запад, 2005. 390 с.
8. Ларин В.Л. Тихоокеанская Россия в контексте внешней политики и международных отношений в АТР в начале XXI века: избранные статьи и доклады. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2011. 216 с.
9. Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Окружающий мир глазами дальневосточников. Эволюция взглядов и представлений на рубеже XX – XXI веков. Владивосток: Дальнаука, 2011. 312 с.
10. Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия 2050 / под ред. ак. П.А. Минакира, ак. В.И. Сергиенко; Рос. акад. наук: Дальневосточное отделение.; Инс.-т эконом. исследований. Владивосток: Дальнаука, 2011. 912 с.
11. Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года, утверждена правительством РФ 28 декабря 2009 г. № 2094р // [Электронный ресурс]. URL: http://www.minregion.ru/activities/territorial_planning/strategy/federal_development/346/ (дата обращения: 31.05. 2013 г.).
12. Тихоокеанская Россия – 2030: сценарное прогнозирование регионального развития / под ред. П.А. Минакира.; Рос. акад. наук; Дальневост. отд.-ние; Инс.-т экон. иссл.-ний. Хабаровск: ДВО РАН, 2018. 560 с.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. V GD trebuyut ot Livanova otkrytogo obsuzhdeniya situatsii vokrug vuzov // [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/society/20121220/915667528.html> (дата обращения: 22. 12. 2012 г.).
2. Gallyamova L.I., Makarenko V.G. Uchyoba i nauka – ruka ob ruku // Dal'nevostochnyj uchyonyj. 2012. № 13 (1455). 11 iyulya.
3. Deputat: Akademiej nauk dolzhny upravlyat' uchenye // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rosbalt.ru/video/2014/02/07/1230803.html> (дата обращения: 2.03.2014 г.).
4. Istoricheskie problemy sotsial'no-politicheskoy bezopasnosti Rossijskogo Dal'nego Vostoka (vtoraya polovina KHKH – nachalo KHKHI v.). V 2-kh kn. Vladivostok: IIAEH DAO RAN, 2014.
5. Krivelevich M.E. Finansovyе riski dlya Dal'nego Vostoka Rossii v postindustrial'nom mire // U karty Tikhogo okeana. / Redkol.: V.L. Larin, A.P. Gerasimenko i dr. Inform. – analit. byull. 2012. № 26 (224). Vladivostok: IIAEH DVO RAN, 2012. 46 s.
6. Larin V.L. Osnovnye problemy v Vostochnoj Azii v nachale KHKHI veka (doklad na zasedanii Prezidiuma DVO RAN 30 sent. 2005 g.). Vladivostok: Dal'nauka. 2006. 24 s.
7. Larin V.L. Rossijsko-kitajskie otnosheniya v regional'nykh izmereniyakh (80-e gody KHKH – nachalo KHKHI veka). M.: Vostok-Zapad, 2005. 390 s.
8. Larin V.L. Tikhookeanskaya Rossiya v kontekste vneshnej politiki i mezhdunarodnykh otnoshenij v ATR v nachale KHKHI veka: izbrannye stat'i i doklady. Vladivostok: IIAEH DVO RAN, 2011. 216 s.

9. Larin V.L., Larina L.L. Okruzhayushhij mir glazami dal'nevostochnikov. EHvolyutsiya vzglyadov i predstavlenij na rubezhe KHKH – KHKHI vekov. Vladivostok: Dal'nauka, 2011. 312 s.

10. Sintez nauchno-tehnicheskikh i ehkonomicheskikh prognozov: Tikhookeanskaya Rossiya 2050 / pod red. ak. P.A. Minakira, ak. V.I. Sergienko; Ros. akad. nauk: Dal'nevostochnoe otdelenie.; Ins.-t ehkonom. issledovanij. Vladivostok: Dal'nauka, 2011. 912 s.

11. Strategiya sotsial'no-ehkonomicheskogo razvitiya Dal'nego Vostoka i Bajkal'skogo regiona na period do 2025 goda, utverzhdena pravitel'stvom RF 28 dekabrya 2009 g. № 2094r // [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.minregion.ru/activities/territorial_planning/strategy/federal_development/346/ (data obrashheniya: 31.05. 2013 g.).

12. Tikhookeanskaya Rossiya – 2030: stsenarnoe prognozirovanie regional'nogo razvitiya / pod red.P.A. Minakira.; Ros. akad. nauk; Dal'nevost. otd.-nie; Ins.-t ehkon. issl.-nij. KHarbarovsk: DVO RAN, 2018. 560 s.

УДК 33:34:378

Ниязова М.В., Васюк А.В.
Niyazova M.V., Vasyuk A.V.

Институциональное многообразие региональных вузов и эффективность их научной деятельности

**Institutional variety of regional higher educational institutions
and efficiency of their scientific activity**

Статья посвящена исследованию эффективности научной деятельности образовательных учреждений высшего образования на примере вузов Ростовской области и Приморского края. Приводятся результаты сравнительного анализа многообразия вузов этих регионов по видовой принадлежности, направлениям специфики деятельности, ведомственной подчинённости и типу учреждения. Акцентируется внимание на институциональных ограничениях повышения эффективности научной деятельности, обусловленных типом образовательного учреждения.

Ключевые слова: вуз, мониторинг, эффективность научной деятельности, организационно-правовая форма, образовательное учреждение

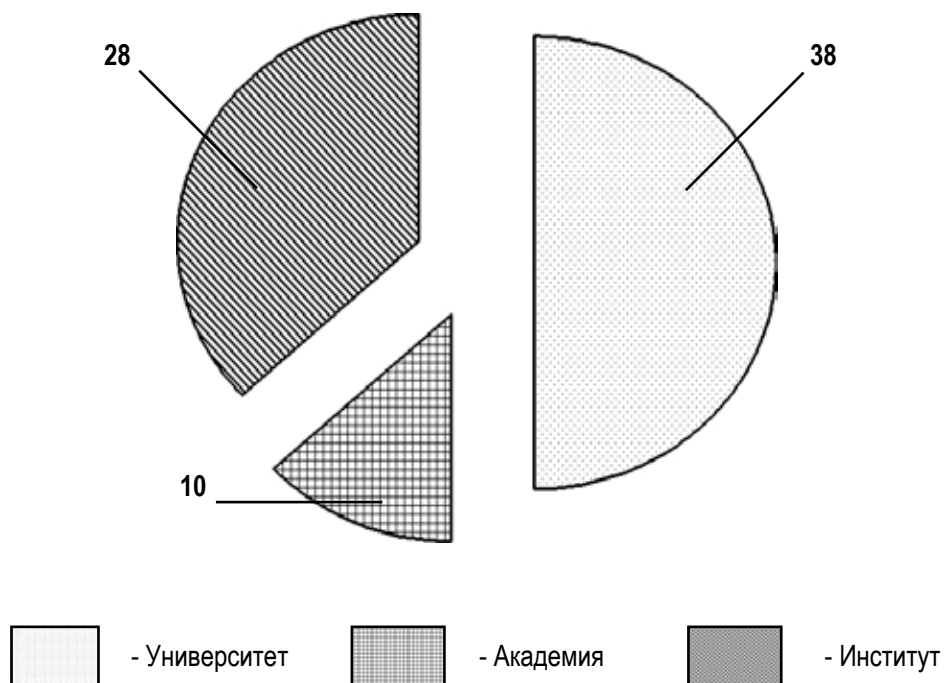
The article is devoted to the research of efficiency of scientific activity in higher education on the example of universities of the Rostov Region and Primorsky Krai. The author gives the results of the comparative analysis of variety of higher educational institutions of these regions on specific accessory, the directions of specific activity, departmental jurisdiction and the type of the institution. The study focuses on institutional restrictions of efficiency increase of the scientific activity, caused by type of educational institution.

Key words: university, efficiency monitoring of higher educational institutions, scientific activity, organizational-and-legal form, educational institution

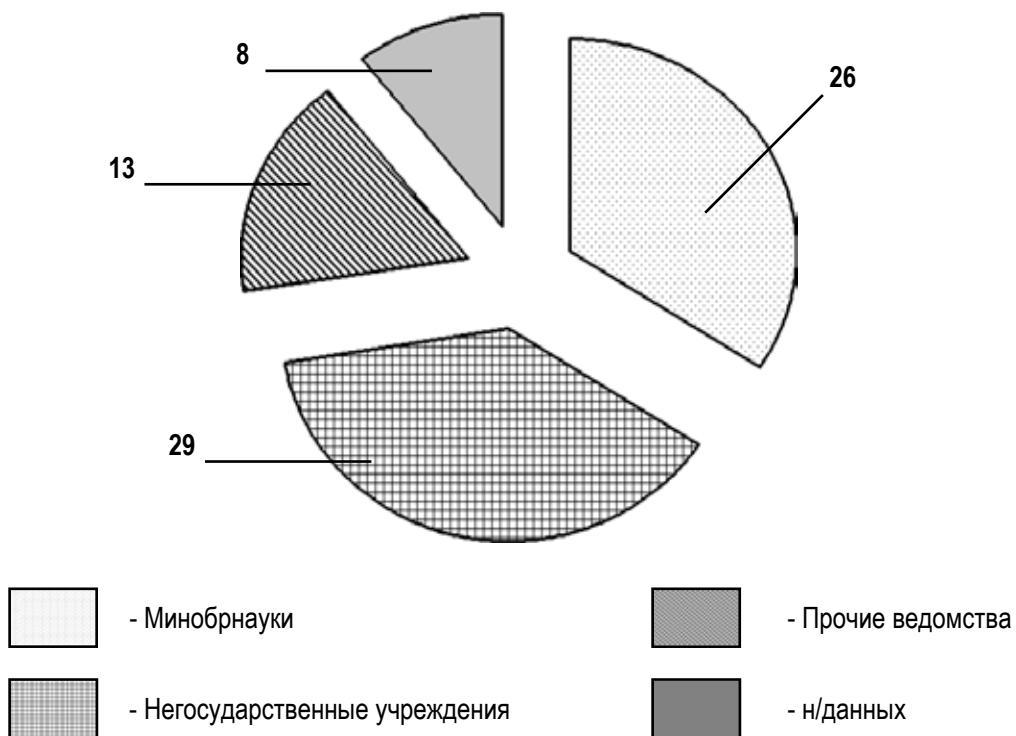
Активное развитие российского рынка образовательных услуг сопровождается непрерывно нарастающей неоднородностью и многообразием видов, типов, ведомственной принадлежности, а также институциональных условий деятельности разных вузов, что отражается как на эффективности деятельности и уровне конкурентоспособности вузов, так и системы образования в целом. В создавшихся условиях проблемы государственного регулирования эффективности образовательных организаций высшего образования, исследование зависимости эффективности деятельности вуза от его вида, типа, ведомственной принадлежности и влияние этой специфики на результаты ежегодного мониторинга, являются одними из центральных вопросов дальнейшей модернизации

НИЯЗОВА Марина Валентиновна, к.э.н., ведущий научный сотрудник Владивостокского филиала Российской таможенной академии (г. Владивосток) **E-mail:** marinav.vag@gmail.com

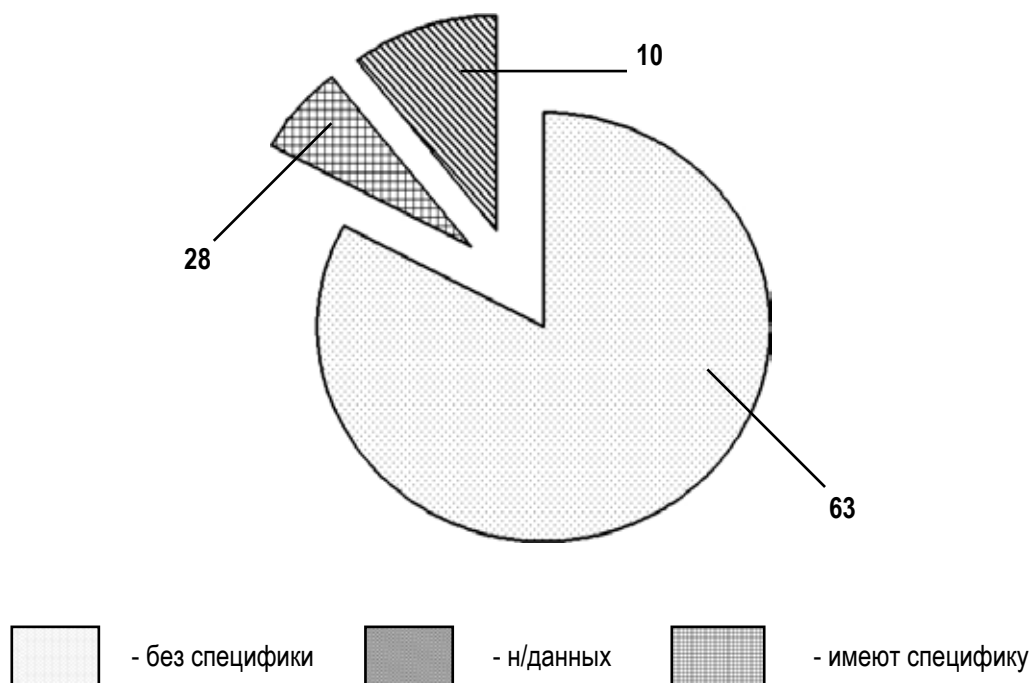
ВАСЮК Анастасия Владимировна, к.ю.н., зав. кафедрой Владивостокского филиала Российской таможенной академии (г. Владивосток) **E-mail:** vasukav@ Rambler.ru

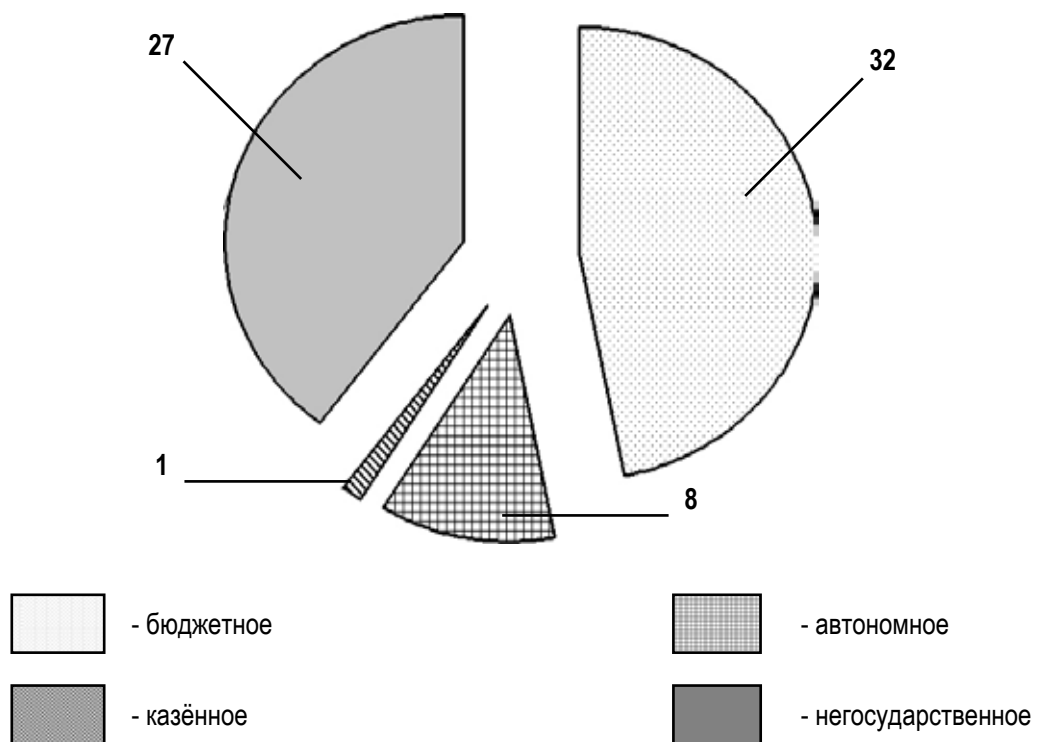
Диagr. 1. Видовая структура вузов Ростовской области

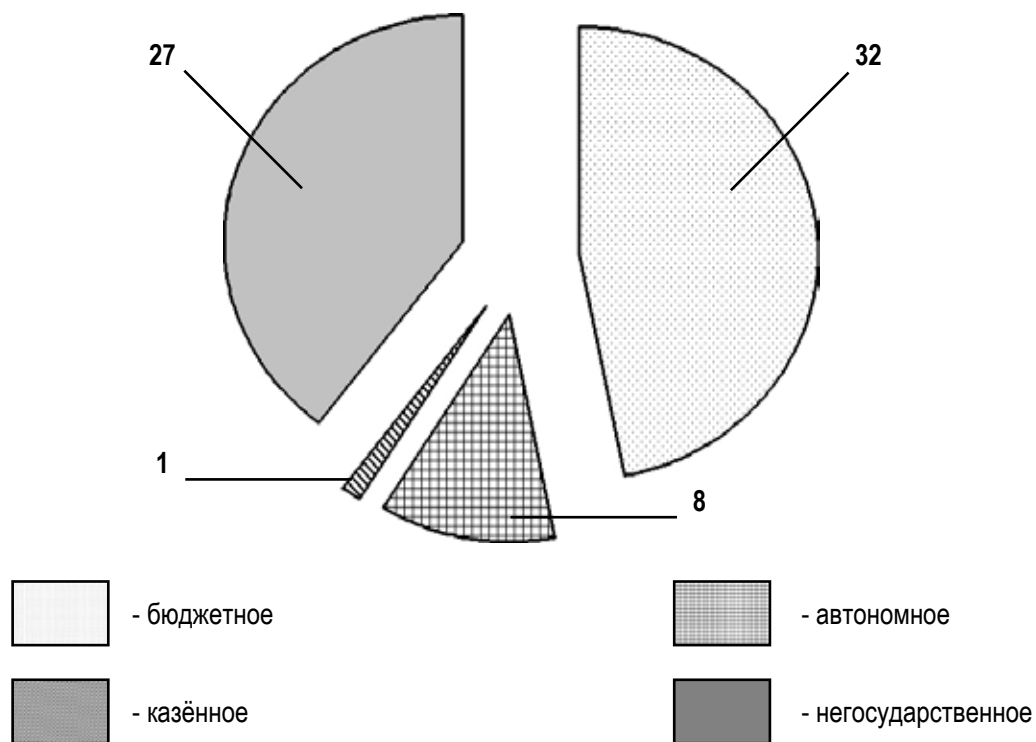
Диagr. 2. Структура ведомственной принадлежности вузов Ростовской области

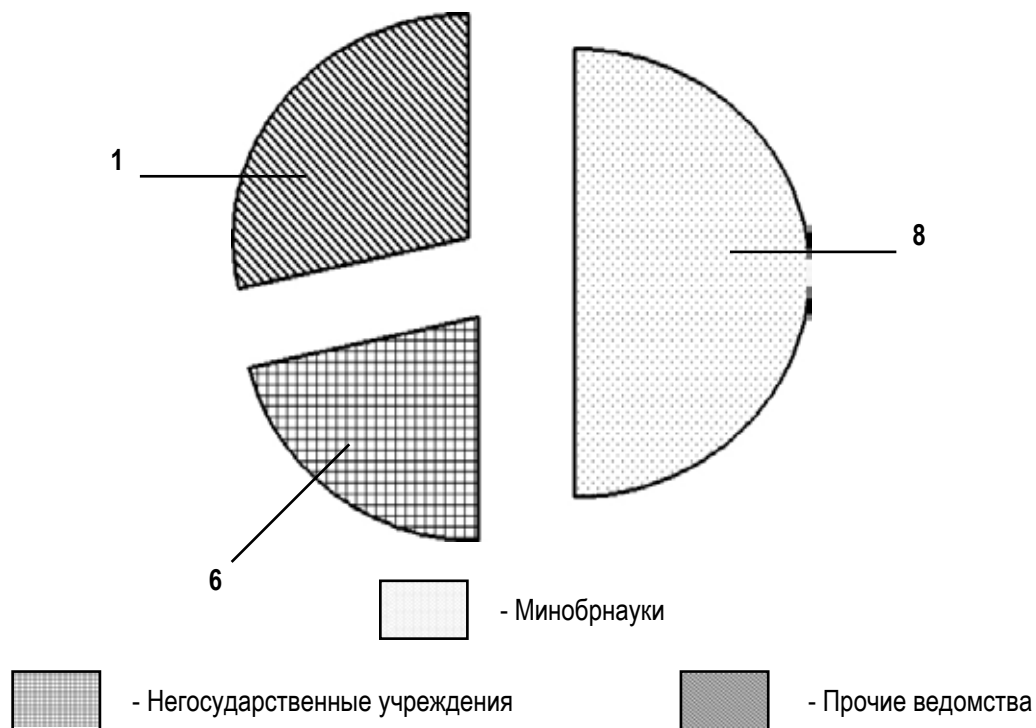
Диagr. 3. Структура вузов Ростовской области по направлениям специфики деятельности

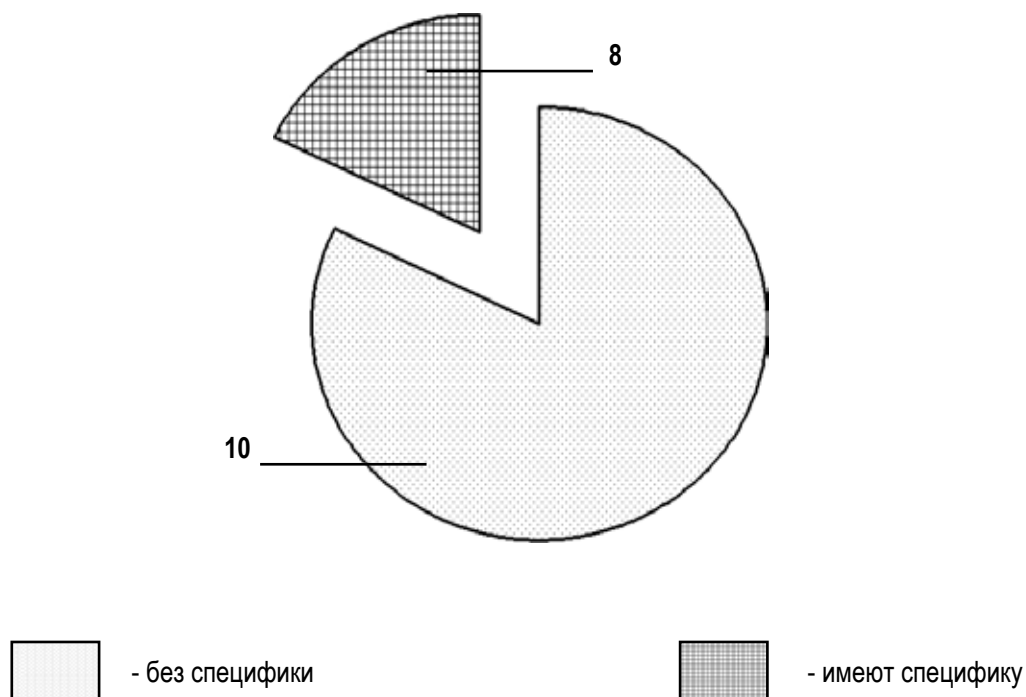
Диagr. 4. Организационно-правовая структура вузов Ростовской области, сгруппированная по типу учреждения

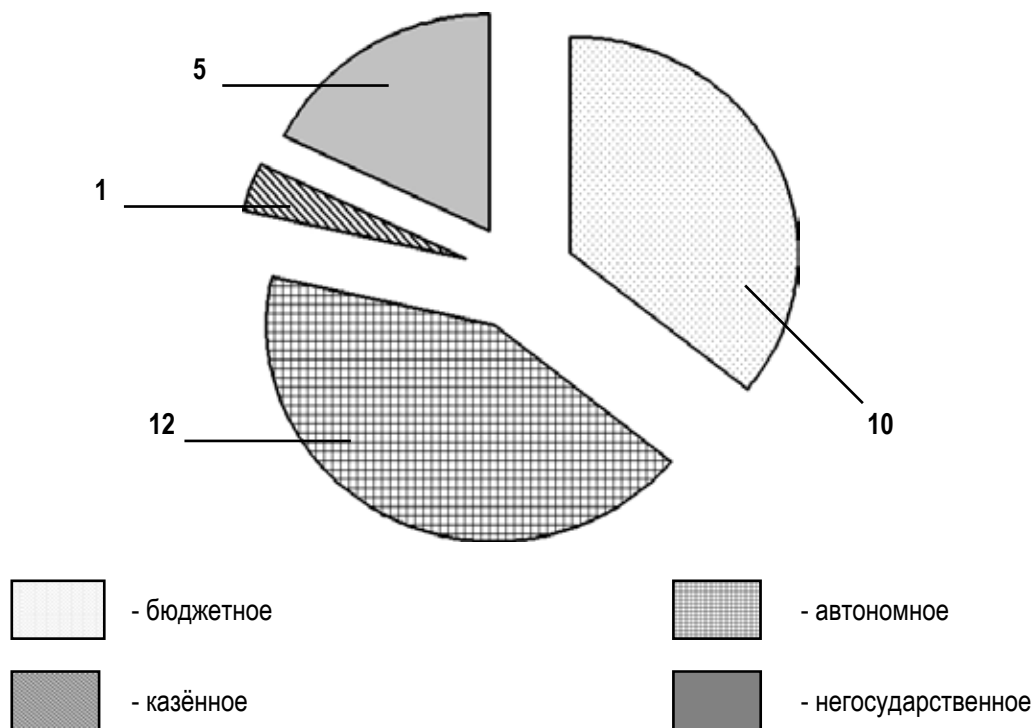
Диagr. 5. Видовая структура вузов Приморского края

Диagr. 6. Структура ведомственной принадлежности вузов Приморского края

Диagr. 7. Структура вузов Приморского края по направлениям специфики деятельности

Диagr. 8. Организационно-правовая структура вузов Приморского края, сгруппированная по типу учреждения

в сфере высшего образования и заслуживают особого внимания управленцев вуза.

Трансформация образовательных организаций в новые типы организационно-правовой формы «учреждение» и внедрение таких инструментов регулирования в высшем образовании, как самообследование и мониторинга по основным направлениям деятельности вузов, призваны способствовать росту эффективности системы и её субъектов. При этом следует отметить, что каждый из этих инструментов в отдельности изучается довольно интенсивно, однако вопросы их взаимосвязи и взаимовлияния на эффективность вуза остаются малоизученными.

Принимая во внимание актуальность научной проблемы и её масштаб, настоящая работа посвящена анализу эффективности научно-исследовательского направления деятельности образовательных учреждений высшего образования на примере вузов отдельных субъектов Российской Федерации.

Сравнительный анализ структуры вузов Ростовской области и Приморского края

В целях исследования взаимосвязи и взаимовлияния специфики вуза, обусловленной его видом, типом и ведомственной принадлежностью, на результаты самообследования и мониторинга образовательной организации высшего образования для сравнительного анализа избраны Ростовская область и Приморский край как субъекты Российской Федерации, имеющие высокий социально-экономический потенциал и стабильно-развивающуюся региональную экономику.

В ежегодном мониторинге деятельности образовательных организаций высшего образования¹ принимали участие 24 вуза и 52 филиала Ростовской области разной ведомственной принадлежности, специфики деятельности, организационно-правовой формы (*диагр. 1-4*)².

Диаграммы 1-4 характеризуют систему высшего образования Ростовской области следующим образом:

– видовая структура представлена университетами (50 %), институтами (37 %), академиями (13 %);

– выявлена подведомственность 15 ведомствам, наибольшее число которых относится к негосударственным учреждениям (29, из них 17 филиалов) и Минобрнауки России (26, из них 21 филиалов), а также Минздравсоцразвития, Федеральное агентство морского и речного транспорта, Минкультуры, Верховный суд и Высший арбитражный суд, Минсельхоз, ФТС, Министерство спорта, туризма и молодёжной политики, Минюстиции, Правительство РФ, Федеральное агентство воздушного транспорта, Федеральное агентство связи;

– 63 из 76 вуза не имеют специфики деятельности, а 5 осуществляют подготовку медицинской, творческой и транспортной направленности;

– на фоне высокой доли вузов, имеющих такой тип организационно-правовой формы, как бюджетное учреждение, выделяется большое количество негосударственных учреждений (27 из 76 вузов и филиалов). Автономными учреждениями являются 2 негосударственных вуза, 1 федеральный университет и 4 его филиала, а также филиал Национального исследовательского ядерного университета МИФИ. Казённые

¹ См. http://miccedu.ru/monitoring/materials/reg_10703.htm

² *Диаграммы 1-10* составлены авторами по данным Информационно-аналитических материалов по результатам анализа показателей эффективности образовательных организаций высшего образования за 2013 и 2014 гг. [3; 4]

учреждения представлены Ростовским филиалом Российской таможенной академии.

Согласно результатам ежегодного мониторинга Минобрнауки РФ рынок услуг высшего образования Приморского края состоит из 10 вузов и 18 филиалов, структура которых представлена на (диагр. 5-8).

Как видно из диаграмм 5-8:

– значительное число вузов края являются университетами (21, из них 16 филиалов);

– большинство вузов Приморья подведомственны Минобрнауки России (14, из них 12 филиалов); другими ведомствами являются Минздравсоцразвития, Федеральное агентство морского и речного транспорта, Минкультуры, Федеральное агентство по рыболовству, Минсельхоз, ФТС, МЧС и Федеральное агентство железнодорожного транспорта. 6 вузов это негосударственные учреждения;

– из 28 вузов не имеют специфики деятельности – 23, остальные ведут образовательную деятельность медицинской, творческой, транспортной, сельскохозяйственной и военно-силовой направленности;

– организационно-правовая структура вузов края представлена такими типами учреждений, как бюджетные, автономные, казённые и негосударственные. При этом наибольшее число вузов является бюджетными учреждениями, а филиалы – автономными. Казённые учреждения представлены Владивостокским филиалом Российской таможенной академии.

В целом по России самый распространённый тип государственного вуза это бюджетное учреждение, в форме автономных созданы в основном федеральные университеты, в казённое учреждение трансформированы вузы, находящиеся в ведении органов государственной власти в области обороны и безопасности, обеспечения законности и правопорядка государства.

Таким образом, видно, что рынок услуг высшего образования Ростовской области и Приморского края неоднороден. Этим регионам присущи отличительные особенности. В Ростовской области выявлена высокая доля негосударственных учреждений высшего образования (35,5 %) и более широкая их подведомственность с преобладанием вузов негосударственной ведомственной принадлежности. В Приморском крае представлено в видовой структуре вузов значительное число университетов (75 %) и автономных учреждений (12, из них 10 – филиалы ДВФУ).

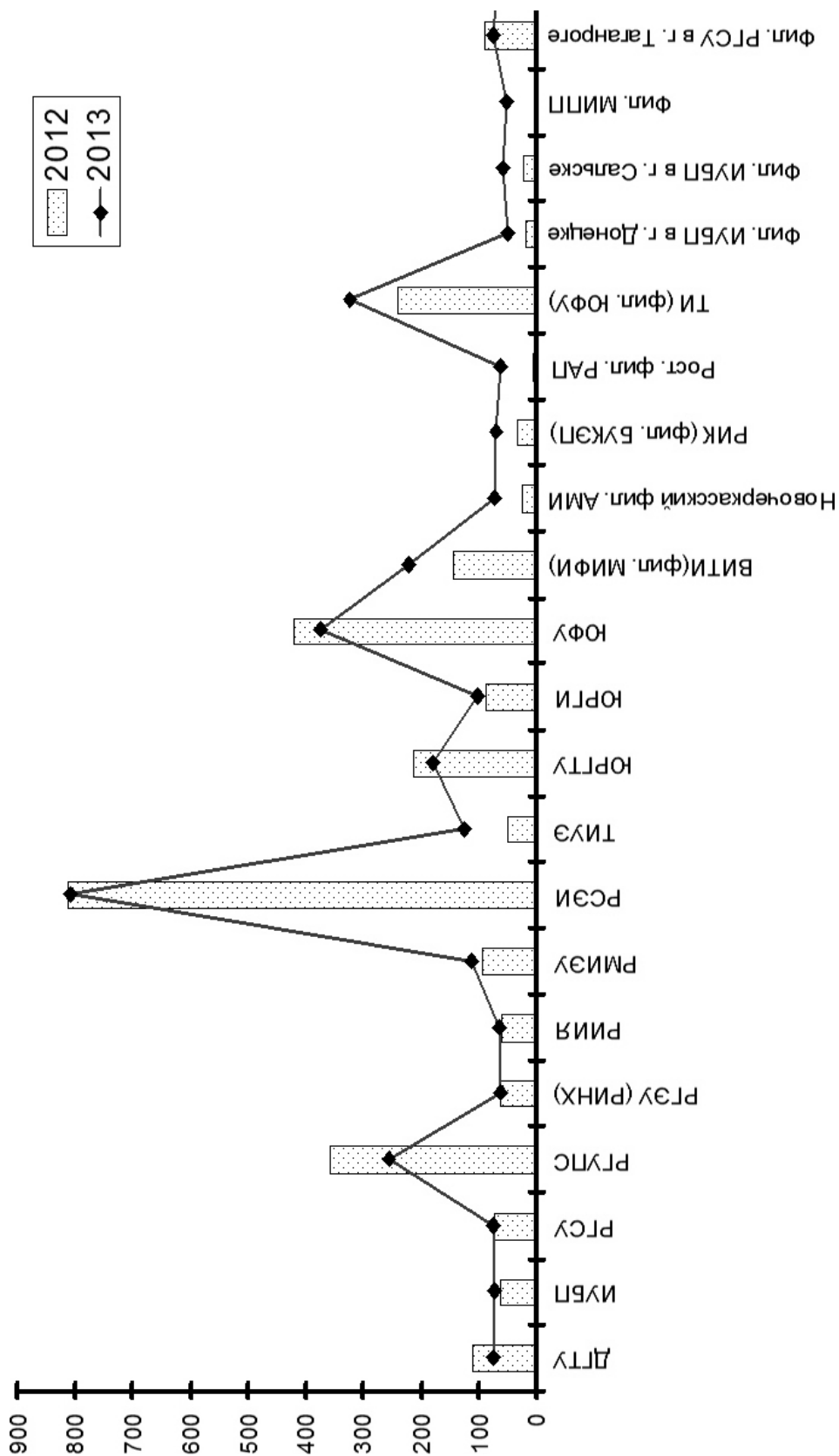
На этом фоне остаётся открытым вопрос действительно ли многообразие видов, типов, подведомственности вузов позитивно влияет на эффективность направлений их деятельности.

Условия и результаты осуществления научной деятельности

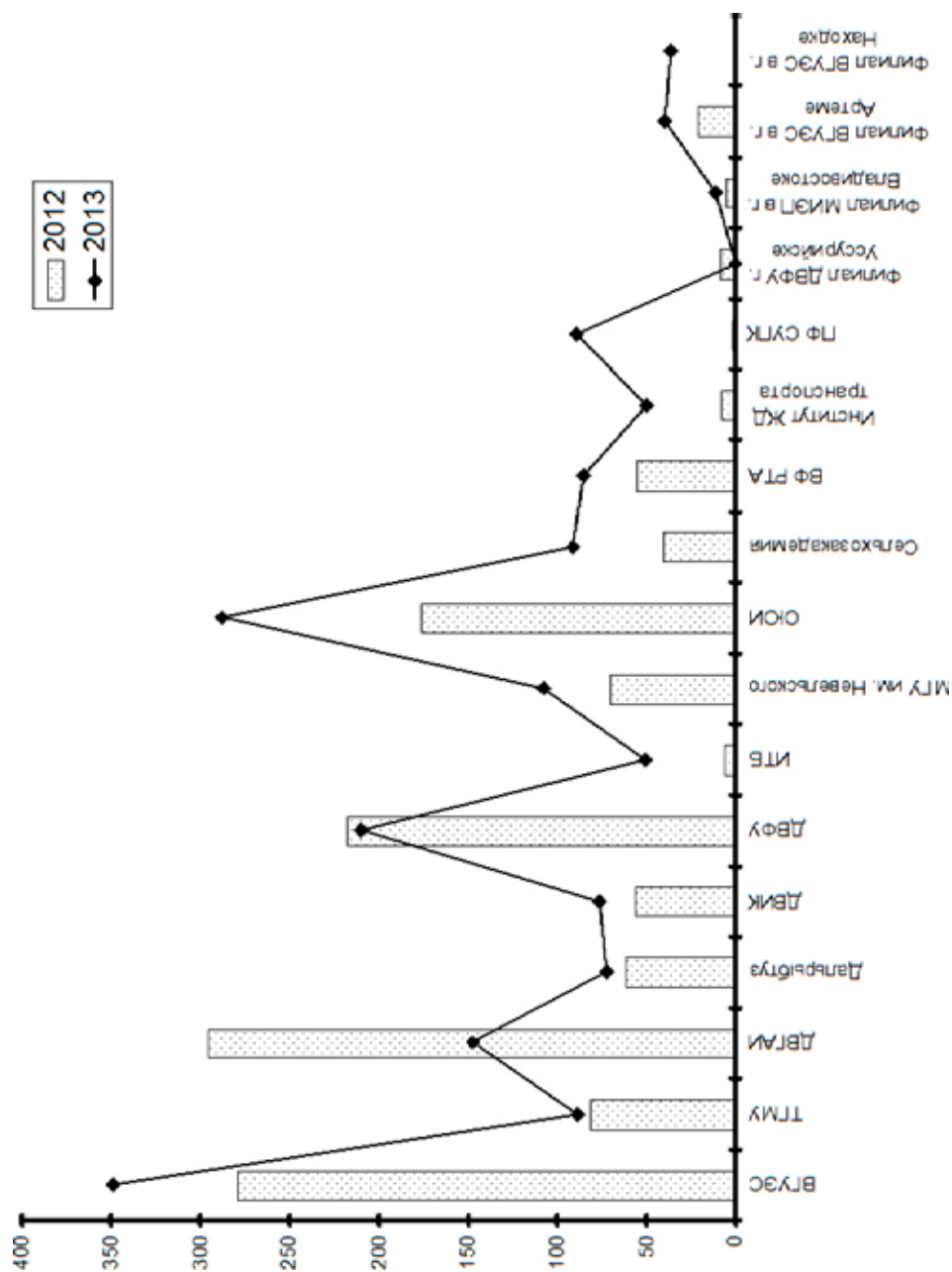
Разграничение организационно-правовых форм имеет целью создание условий и стимулов для привлечения учреждениями внебюджетных средств (в т.ч. от научной деятельности), расширения их самостоятельности. Однако, несмотря на то, что типы образовательных учреждений призваны обслуживать одни и те же потребности, исходные условия и возможности у них разные.

Исследование государственной политики и норм, регулирующих типы учреждений высшего образования, выявило, что они обуславливают изменение условий деятельности бюджетных, автономных и казённых вузов. Например, правовой статус казённого учреждения влияет на результаты его научной деятельности, т.к. определяет бюджетные средства основным источником финансирования деятельности и существенно затрудняет получение внебюджетных доходов от НИОКР. В отличие от бюджетных и автономных учреждений некоторая финансовая

Диagr. 9 Динамика эффективности научной деятельности вузов Ростовской области по результатам мониторинга за 2013 и 2014 гг.

Диagr. 10 Динамика эффективности научной деятельности вузов Приморского края по результатам мониторинга за 2013 и 2014 гг.

защищённость казённого вуза и его филиалов, обусловленная сметным финансированием из соответствующего бюджета РФ, хоть и покрывает все расходы (в т.ч. по содержанию имущества), но ограничивает возможности участия в конкурсах ведущих научных фондов России (требующие залоговых сумм для обеспечения заявок) и Минобрнауки РФ (например, федеральной целевой программы «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2014-2020 годы», не допускающей к участию в конкурсе казённые учреждения по мероприятиям 1.1-1.4, 2.1, 2.2, 3.1.1 и 3.1.2.), а также стимулирования научной активности своих научно-педагогических работников, т.к. средства от возможной приносящей доход деятельности направляются в соответствующий бюджет бюджетной системы РФ.

Анализ результатов мониторинга вузов Ростовской области и Приморья выявил, что

– из 76 вузов и филиалов только 22 (2013 г.) и 29 (2014 г.) прошли пороговые значения по направлению научной деятельности;

– из 28 вузов и филиалов края положительные результаты научной деятельности имело в 2013 г. – 15 и 2014 г. – 16 вузов.

На *диаграммах 9-10* приведена динамика оценки научной деятельности вузов Ростовской области и Приморского края, успешно прошедших пороговые значения по направлению «научная деятельность» по результатам ежегодного мониторинга за 2013 и 2014 годы.

В целом *диаграммы 9-10* свидетельствуют об относительно положительной динамике научной деятельности вузов Ростовской области и Приморья. Наивысшие результаты по этому направлению, стабильно задающие уровень порогового значения в регионе, имели:

– Ростовский социально-экономический институт, Южный федеральный университет, Ростовский государственный университет путей сообщения и Технологический институт ЮФУ в г. Таганроге;

– Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, Дальневосточный федеральный университет, Открытый юридический институт, Дальневосточная государственная академия искусств.

Результаты анализа мониторинга образовательных организаций высшего образования не выявили прямой зависимости эффективности научной деятельности от вида, типа и ведомственной принадлежности вузов. Признаки неэффективности по научному направлению деятельности в Приморском крае чаще имеют бюджетные вузы и их филиалы (5) и филиалы в форме автономных учреждений (10), в Ростовской области – бюджетные (22), негосударственные (12) и казённые учреждения.

Однако согласно отчётам о самообследовании организаций высшего образования необходимо констатировать, что коммерциализация результатов интеллектуальной деятельности практически отсутствует в казённых учреждениях, составляя в 2014 г., например, в Российской таможенной академии по показателю 2.13 «удельный вес средств, полученных образовательной организацией от управления объектами интеллектуальной собственности, в общих доходах образовательной организации» менее 1 %, а в других вузах этого типа – 0 % [1; 2; 5-8]. Такое значение показателя обусловлено, прежде всего, законодательным ограничением для казённых учреждений на распоряжение имуществом без ведома учредителя, а также запретом на создание юридических лиц, в т.ч. малых инновационных предприятий. Отсутствие динамики выявлено и в развитии международной деятельности казённых учреждений, т.к. это направление зависит от специфики деятельности ведомств сферы обороны и безопасности, обеспечения законности и правопорядка государства, по большей части, не предполагающее академическую мобильность студентов.

Итак, исследование показало, что вузы Ростовской области и Приморского края достаточно чётко дифференцируются по виду, типу организационно-правовой формы, ведомственной принадлежности, а системы высшего образования этих регионов имеют отличительные признаки.

И хотя результаты анализа мониторинга образовательных организаций высшего образования не подтвердили прямой зависимости эффективности научной деятельности от неоднородности региональных вузов, процедура самообследования организаций высшего образования позволила выявить институциональные ограничения, обусловленные типом организационно-правовой формы образовательного учреждения и особенно ярко выраженные в казённом учреждении.

Выявленные институциональные ограничения казённых учреждений обнаружили проблему некорректной оценки эффективности их деятельности (в т.ч. научной) в ежегодном мониторинге вузов. Так, в результате созданных в ней рамок, из более 50 казённых учреждений высшего образования в ежегодном мониторинге вузов участвует только один – Российская таможенная академия, отнесённый к категории «образовательные организации, не имеющие специфики деятельности». Однако, в соответствии со ст. 31 федерального закона от 08.05.2010 № 83-ФЗ [9] учреждения подведомственные Федеральной таможенной службе (т.е. и Российская таможенная академия) также, как и учреждения Министерства РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, находятся в закрытом списке ведомств, учреждения которых трансформируются в казённые. Вузы последнего в Методике мониторинга по основным направлениям деятельности образовательных организаций высшего образования за 2013 год отнесены к группе военной и силовой направленности. Это и другие противоречия в действующей методике могут существенно сдерживать эффективность деятельности казённых вузов, в результате действия которых они могут оказаться в зоне риска по научно-исследовательской и международной деятельности.

Литература

1. Отчет о результатах самообследования // Российская таможенная академия [Электронный ресурс]. URL http://rta.customs.ru/nrta/attachments/1638_Samoobsledovanie_RTA.pdf (дата обращения: 01.06.2014 г.).
2. Отчет о результатах самообследования Академии // Академия генеральной прокуратуры Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL <http://www.agprf.org/acad/acad-5.html> (дата обращения: 01.06.2014 г.).
3. Приморский край // Информационно-аналитические материалы по результатам анализа показателей эффективности образовательных организаций высшего образования [Электронный ресурс]. URL <http://miccedu.ru/monitoring/> (дата обращения: 01.06.2014 г.).
4. Ростовская область // Информационно-аналитические материалы по результатам анализа показателей эффективности образовательных организаций высшего образования [Электронный ресурс]. URL <http://miccedu.ru/monitoring/> (дата обращения: 01.06.2014 г.).

5. Самообследование // Владимирский юридический институт ФСИН России [Электронный ресурс]. URL <http://www.vui.fsin.su/obespechenie-deyatelnosti/samoobsledovanie/> (дата обращения: 01.06.2014 г.).

6. Самообследование // Владимирский юридический институт ФСИН России [Электронный ресурс]. URL <http://www.vui.fsin.su/obespechenie-deyatelnosti/samoobsledovanie/> (дата обращения: 01.06.2014 г.).

7. Самообследование // Кузбасский институт ФСИН России [Электронный ресурс]. URL <http://ki.fsin.su/upload/territory/Kifsin/kifsin1.pdf> (дата обращения: 01.06.2014 г.).

8. Самообследование института // Воронежский институт ФСИН России [Электронный ресурс]. URL <http://vi.fsin.rf/samoobsledovanie-instituta.php> (дата обращения: 01.06.2014 г.).

9. Федеральный закон от 08.05.2010 № 83-ФЗ (ред. от 28.12.2013) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений»

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Otchet o rezul'tatakh samoobsledovaniya // Rossijskaya tamozhennaya akademiya [Электронный ресурс]. URL http://rta.customs.ru/nrta/attachments/1638_Samoobsledovanie_RTA.pdf (дата обращения: 01.06.2014 г.).

2. Otchet o rezul'tatakh samoobsledovaniya Akademii // Akademiya general'noj prokuratury Rossijskoj Federatsii [Электронный ресурс]. URL <http://www.agprf.org/acad/acad-5.html> (дата обращения: 01.06.2014 г.).

3. Primorskij kraj // Informatsionno-analiticheskie materialy po rezul'tatam analiza pokazatelej ehffektivnosti obrazovatel'nykh organizatsij vysshego obrazovaniya [Электронный ресурс]. URL <http://miccedu.ru/monitoring/> (дата обращения: 01.06.2014 г.).

4. Rostovskaya oblast' // Informatsionno-analiticheskie materialy po rezul'tatam analiza pokazatelej ehffektivnosti obrazovatel'nykh organizatsij vysshego obrazovaniya [Электронный ресурс]. URL <http://miccedu.ru/monitoring/> (дата обращения: 01.06.2014 г.).

5. Samoobsledovanie // Vladimirskij yuridicheskij institut FSIN Rossii [Электронный ресурс]. URL <http://www.vui.fsin.su/obespechenie-deyatelnosti/samoobsledovanie/> (дата обращения: 01.06.2014 г.).

6. Samoobsledovanie // Vladimirskij yuridicheskij institut FSIN Rossii [Электронный ресурс]. URL <http://www.vui.fsin.su/obespechenie-deyatelnosti/samoobsledovanie/> (дата обращения: 01.06.2014 г.).

7. Samoobsledovanie // Kuzbasskij institut FSIN Rossii [Электронный ресурс]. URL <http://ki.fsin.su/upload/territory/Kifsin/kifsin1.pdf> (дата обращения: 01.06.2014 г.).

8. Samoobsledovanie instituta // Voronezhskij institut FSIN Rossii [Электронный ресурс]. URL <http://vi.fsin.rf/samoobsledovanie-instituta.php> (дата обращения: 01.06.2014 г.).

9. Federal'nyj zakon ot 08.05.2010 № 83-FZ (red. ot 28.12.2013) «O vnesenii izmenenij v otдел'nye zakonodatel'nye акты Rossijskoj Federatsii v svyazi s sovershenstvovaniem pravovogo polozheniya gosudarstvennykh (munitsipal'nykh) uchrezhdenij»

УДК 94:378.6 (571.6)

*Хисамутдинова Н.В.
Khisamutdinova N.V.*

Роль практического обучения в подготовке инженеров на Дальнем Востоке

The role of practical training in the engineering education in the Far East

В статье рассматриваются вопросы исторического опыта организации и проведения производственной практики для студентов технических специальностей вузов Дальнего Востока, приводятся примеры связи вузов с производством, проанализированы основные тенденции практического обучения будущих инженеров в разные периоды. В статье использованы неопубликованные архивные документы о работе дальневосточных вузов в 1920–1980-е гг.

Ключевые слова: *высшее образование, подготовка инженеров, практическое обучение, Дальний Восток*

The article considers some issues of the historical experience in organization and holding of students' practical training which was an important part for all technical higher schools in the Far East. The author describes the examples of connections between educational institutions and the industry, and analyzes the main trends of future engineers' practical training in different periods. The paper is based on the unpublished archival documents on the Far Eastern higher schools activity in 1920-1980's.

Key words: *higher education, engineering school, practical training, Far East*

Без практических занятий невозможно решить задачи ни обще-научной подготовки, ни специального обучения, поэтому они считаются одной из важнейших форм организации образовательного процесса в высшей школе. Это подчёркивают многие исследователи, работающие над проблемами высшего технического образования, в том числе на российском Дальнем Востоке [2; 4; 6; 11; 12]. Стремление связать теоретические занятия с практикой издавна было характерной чертой обучения будущих инженеров в России. Горный университет в Санкт-Петербурге, открытый в 1774 г. как Горное училище, имел на своей территории «при-мерный рудник» с горными выработками, а у Московского технического училища (ныне Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана) был собственный опытный завод, оснащённый новейшим по тому времени оборудованием. Благодаря получению практических навыков формировался «учёный мастер», специалист, способный самостоятельно выполнить любое техническое задание и научить этому других.

Принципы соединения теоретической подготовки русских инженеров с их практическим обучением были в центре внимания членов Русского технического общества. Уже на рубеже XIX – XX вв. там обсуждали возможность введения производственной практики для студентов старших курсов. Чуть позже такой подход к подготовке инженеров нашёл отражение в учебных программах технических вузов Дальнего Востока. Обучение в Высшем владивостокском политехникуме / Владивостокском политехническом институте (1918 – 1922 гг.) сопровождалось «составлением проектов и практическими занятиями в учебно-вспомогательных учреждениях Института, а также вне стен его – на фабриках, заводах и рудниках, железных дорогах, при строительных работах, в правительственных и общественных учреждениях, банках, кооперативах и других торгово-промышленных предприятиях» (РГИА ДВ. Ф. 3-117. Оп. 1. Д. 33. Л. 11-12). В частности, горный факультет, перенимая опыт столичных вузов, уже в первые годы работы имел опытный рудник. Но практика в этот период не была регламентирована: её объём и характер во многом зависели от личной инициативы студентов и преподавателей.

После слияния в 1923 г. всех дальневосточных вузов в единый Государственный дальневосточный университет (ГДУ) практические занятия стали одной из основных форм обучения будущих инженеров: декретом Совнаркома «О порядке прохождения практики студентами и оканчивающими высшие учебные заведения» (май 1923 г.) в вузах страны в период специального летнего триместра вводилась обязательная производственная практика. В отличие от молодых институтов, открытых после 1917 г. и не имевших ни наработок в организации практического обучения, ни соответствующей материально-технической базы, в ГДУ воспользовались опытом Владивостокского политехнического института, ряд преподавателей которого продолжили работу на техническом факультете. Летняя производственная практика была включена в программы ГДУ уже в 1923/24 учебном году. Её базами в этот период были учебно-вспомогательные учреждения вуза. Технический факультет открыл на территории Дальзавода Учебно-опытный механический завод со станочной, слесарной, столярно-модельной и литейной мастерскими. Их оборудование включало около 50 металлорежущих станков, ковочные молоты, вагранки, что позволяло студентам получать рабочие навыки и выполнять производственные заказы [8, с. 18]. В 1924 – 1925 гг. были организованы лаборатории паровых котлов, электрической и газовой сварки, металлографическая, а в 1926 г. – радиотехническая мастерская. Лесотехническое отделение ГДУ имело собственное Майхинское учебно-испытательное лесничество, студенты также проходили практику в лесоустроительных партиях, леспромхозах, на деревообрабатывающих предприятиях Приморья [3, с. 66].

Необходимость связи учебного и производственного процессов неоднократно подчёркивалась различными партийными документами. Постановление ЦК РКП(б) «О ближайших задачах в деле установления связи вузов с производством» (12 января 1925) требовало: «Практика должна, прежде всего, ввести студента в понимание той среды и тех условий, в которых ему придётся работать. Например, в индустриальных вузах необходимо добиться того, чтобы студент понимал положение рабочих, знал их быт, их организации и т.д., чтобы студент мог правильно оценить, учесть их труд, понял бы экономику данной отрасли промышленности, хозяйственное положение предприятия и его перспективы, умел бы подобрать наиболее доступные приёмы для повышения производительности труда» [10, с. 147]. Выполнять эти установки помогало тесное содружество ГДУ с предприятиями, которое установилось с пер-

вых лет работы вуза и заключалось в технической помощи производству и научно-просветительской деятельности, направленной на рабочих и мастеров. Практика охватывала «самые разные уголки Дальневосточного края: заводы Забайкалья, золотые прииски Зейского округа, опытные сельскохозяйственные станции Амурского округа, водные бассейны Амура и побережье океана, леса Камчатки и Сахалина, горные богатства хребта Сихотэ-Алинь, рисовые плантации Приморья» [1, с. 143]. Характерной особенностью тех лет были договоры о контрактации: руководители производств, нуждавшихся в кадрах инженеров, предоставляли студентам места для практики и обеспечивали их стипендией с обязательством отработать три года на данном предприятии.

В 1930-е гг., период специализации высшего технического образования и создания на базе ГДУ ряда отраслевых институтов (Дальневосточного политехнического (ДВПИ), лесотехнического, горного, рыбохозяйственного и др.), сохранялось преобладание практического обучения над теоретическим. Важность производственной практики подчёркивалась возросшим объёмом учебного времени, отводившимся на неё (45-50%), а от организаторов практики требовали обеспечить её непрерывность: изучение теоретических курсов следовало тесно увязывать с практическими занятиями в мастерских, лабораториях и на предприятиях. Чаше всего это требование не выполнялось. Разделение ГДУ на несколько вузов значительно ослабило учебно-лабораторную базу. Большинство лабораторий и кабинетов располагались в тесных помещениях и могли вместить лишь часть студенческой группы. Лабораторные и практические работы проводились по очереди, что снижало их эффективность. К 1931 г. интересы ДВПИ вошли в конфликт с интересами Дальзавода, в результате чего вуз потерял учебно-опытные мастерские, часть оборудования и лабораторий. Другие же предприятия не могли предоставить постоянные рабочие места всем студентам, принять практикантов в удобное для вуза время и, следовательно, обеспечить практику в полном объёме.

Студенты Дальневосточного лесотехнического института в основном занимались на базе ДВПИ, и руководство вуза сообщало в краевой комитет ВКП(б): «Институт поставлен в такое положение, что он не только не может нормально развиваться, но и вообще существовать и выполнять задачу подготовки инженеров для местной промышленности» (ГАПК. Ф. 574. Оп. 1. Д. 1. Л. 111 об.). В Дальневосточном горном институте в 1932 г. имелось 50% площадей от необходимых, а степень оснащённости ряда учебно-вспомогательных учреждений составляла всего 20% (ГАПК. Ф. 575. Оп. 1. Д. 3. Л. 4, 7). Правда, на отсутствие практики вне стен института жаловаться не приходилось. Студентов-лесотехников в течение всего учебного года привлекали к авральной работе в лесохозяйственной отрасли, предлагая рассматривать эти мобилизации как «прохождение производственной практики по соответствующей дисциплине» (ГАПК. Ф. 574. Оп. 1. Д. 2. Л. 92). Будущих горных инженеров регулярно посылали на угольные шахты Приморья, когда шахтёры не справлялись с выполнением плана. Рыбохозяйственным организациям Дальнего Востока выполнять план помогали студенты Дальрыбвтуза: аудиторные занятия на всех факультетах заканчивались 15 апреля и студенты отправлялись на промысел, что засчитывалось как практика.

При скудном финансировании вузов ситуация с учебно-лабораторным оснащением была примерно одинаковой во всей стране. Не случайно в 1936 г. постановление ВКП(б) и СНК СССР «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой» снижало роль лабораторных и практических занятий в стенах вуза и нацеливало на расширение производственной практики. Инструкция, разосланная в вузы,

требовала, чтобы студенты во время неё последовательно прошли через все должности: рабочего, техника, инструктора-помощника инженера, сменного инженера, чтобы овладеть производственно-техническими, организационно-экономическими и административными навыками, а рабочие места подбирать так, чтобы они давали возможность студентам «наиболее полно применить теоретические знания, активизировать творческую мысль, поставить перед ними вопросы исследовательского характера» (ГАПК. Ф. 572. Оп. 2. Д. 1. Л. 67).

В ДВПИ справедливо полагали, что наибольшего эффекта можно достичь, если студент будет в этот период работать на крупном, оснащённом передовой техникой предприятии. Дальневосточные заводы были ещё слишком молоды, не отличались хорошей организацией производства и передовым технологическим оснащением и мало что могли дать студентам, особенно дипломникам. Руководство вуза считало целесообразным посылать студентов на преддипломную практику в центральную часть СССР «на выдающиеся в смысле технического оснащения и организации промышленные предприятия – за отсутствием таковых на Дальнем Востоке» (ГАПК. Ф. 52. Оп. 9. Д. 3. Л. 18). Между тем, централизованные органы управления высшей школой стремились к единому стандарту и не оставляли вузу свободы манёвра. Так, в 1936 г. ДВПИ имел 20 производственных баз, закреплённых приказом Наркомата тяжёлой промышленности, что руководство вуза считало вполне достаточным, но в 1937 г. Наркомат «позабыл» о ряде специальностей и не предусмотрел для них никаких мест для практики. Её смогли пройти в том году лишь 270 студентов из 339 (ГАПК. Ф. 24-с/52. Оп. 8. Д. 23. Л. 5 об.-6).

На горном факультете, подводя итоги работы за 1936/37 учебный год, отмечали: «Места для преддипломной практики горняков не отвечают тем требованиям, которые предъявляются к молодым инженерам на производстве. Родина стахановского движения, образцовые шахты Донбасса, где действительно есть чему поучиться будущему инженеру в области механизации, организации работ и диспетчеризации, не включены почему-то в списки мест практики горного факультета ДВПИ» (ГАПК. Ф. 24-с/52. Оп. 8. Д. 14. Л. 1-1 об.). Неувязки в деле организации производственной практики случались и по вине предприятий. В 1938 г. студенты лесотехнического факультета, назначенные на практику в трест «Дальлес», просидели в ожидании комплектования изыскательских партий больше месяца, после чего времени для самой практики у них уже не осталось. Работы, к которым студентов привлекали на предприятиях, чаще всего сводились к использованию их в качестве рабочей силы, и выполнение программы практики отодвигалось на второй план. Заинтересованность предприятия в дополнительных рабочих руках часто совпадала с интересами самих студентов, стремившихся получить дополнительный заработок. Руководство практикой инженерами нередко осуществлялось формально, но и со стороны преподавателей оно оставляло желать лучшего. Начало репрессий значительно снизило кадровый потенциал высшей школы и не позволяло обеспечить руководителями все группы студентов. Случалось, что один преподаватель руководил двумя – тремя группами практикантов в разных городах.

Газета «Красное знамя» писала: «Рядом правительственных постановлений производственная практика студентов должна быть организована по-новому (хозрасчёт, новая форма оплаты за время практики и т.д.). Здесь по ДВПИ – налицо отставание. Требуемой перестройки всё ещё нет. Корень этого в том, что промышленные предприятия не заботятся о создании для себя же новых инженерно-технических кадров. Отделы кадров безответственно подходят к руководству практикой, и

сами ВТУЗы (ДВПИ, в частности) не перешли ещё на путь конкретных договоров о прохождении практики» [5]. Организация практики была затруднена и тем, что в 1930-е-1940-е гг. большинство предприятий считались режимными, и доступ на их территорию был ограничен. Даже работа студентов в пригороде Владивостока во время геофизической практики была под контролем, так как близко проходила железная дорога. В результате далеко не все студенты оказывались допущенными на предприятия, где им по плану предстояло работать, и организаторам практики приходилось срочно искать дополнительные места. Несмотря на то, что в данный период производственной практике придавалось огромное значение при подготовке инженеров, именно она оставалась наиболее уязвимым местом в учебном процессе. Судя по протоколам заседаний советов факультетов и отдельных кафедр, для всех были характерны примерно одни и те же проблемы: отсутствие постоянных баз практики; слабое руководство студентами со стороны преподавателей и работников предприятий; использование студентов в качестве рабочей силы и несоответствие их работы будущей специальности.

Вместе с тем, стремление использовать для практики дальневосточных студентов передовые предприятия всего СССР закрепилось, став в последующие годы ведущим принципом практической подготовки будущих инженеров. В 1960-80-е гг. производственная практика студентов технических вузов Дальнего Востока приобрела всесоюзный характер. Если ознакомительная практика студентов младших курсов проходила на местных предприятиях, то базами для технологической, конструкторской и тем более преддипломной практик в ДВПИ, Хабаровском и Комсомольском-на-Амуре политехнических институтах становились ведущие предприятия соответствующей отрасли. Студенты-электротехники, например, знакомились с работой Ангарской, Сургутской, Южно-Кузбасской и Средне-Уральской ГРЭС, заводов в Кемерове, Ленинграде, Харькове. Будущие инженеры-гидротехники уезжали летом в Николаев, Клайпеду, Петропавловск-Камчатский. Студентов специальности «Электрооборудование судов» принимали ленинградские проектно-конструкторские бюро. В 1970 г., в частности, студенты ДВПИ побывали на практике почти на двухстах предприятиях, стройках и шахтах СССР. Список на 1981 – 1985 гг. для этого вуза включал 160 предприятий и организаций от Магадана до Калининграда, принадлежавших 29 министерствам и ведомствам.

Ежегодно в разные города СССР выезжали около двух тысяч студентов ДВПИ. Если приморские предприятия принимали на практику ежегодно около 2300 студентов разных курсов, то расположенные в других регионах – более 1400. Выделение мест на местных заводах было массовым – туда посылали целые группы. На западные предприятия чаще всего выезжали по 5-10 человек, хотя некоторые договоры также предусматривали практику целых групп студентов. Челябинский завод дорожных машин, например, предоставлял рабочие места для 45 студентов 3-го курса, Кемеровский электромеханический завод – для 20 третьекурсников и 15 дипломников. Финансовые сметы подтверждают, что заявки от факультетов и кафедр на финансирование практики выполнялись почти в полном объёме (Архив ДВГТУ. Приказы о закреплении баз практики на 1981-85 гг. Л. 1-25). Вместе с тем, официально закреплённые базы практики в этот период по-прежнему имели лишь немногие кафедры, а преподаватели остальных ездили по предприятиям для заключения договоров.

Как правило, на кафедрах оставались довольны организацией практики и руководством ею со стороны предприятий, хотя отмечались случаи, когда оно носило формальный характер. В этот период пред-

приятия уже не испытывали дефицита рабочей силы, и случаи нерационального использования студентов фиксировались редко. Студенты помимо основной нагрузки (на рабочем месте для младших курсов, позднее – в должности дублёра инженера или инженера-конструктора) успевали получить представление о производстве, оборудовании и технологических операциях и даже совершить экскурсии на соседние предприятия. Многие за время практики собирали материал для дипломного проекта. Осенью, по возвращению в вуз, на факультетах проводились конференции для обсуждения итогов практики и выработке рекомендаций.

Таким образом, видим, что значение практического обучения осознавалось на всех этапах развития высшего технического образования, но наивысший уровень организации производственной практики относится к 80-м гг. XX в. К сожалению, реорганизация высшей школы в 90-е гг. нарушила традицию: редкий вуз целенаправленно выделял студентам места для практики и им самим приходилось искать подходящее производство, готовое принять их на некоторое время. Лишь в последние годы традиция практического обучения получила новое развитие, когда многие учебные заведения берут на вооружение приёмы практико-ориентированного обучения, помогающие понять и оценить практическую значимость и востребованность знаний и умений, приобретаемых в вузе. На Дальнем Востоке одним из первых встал на этот путь Владивостокский государственный университет экономики и сервиса (ВГУЭС). Создание учебной бизнес-среды «ВГУЭС-СИТИ», где студенты помещаются в условия, максимально приближённые к реальным, способствует воспитанию нового поколения предпринимателей, обладающих креативным и критическим мышлением, профессиональной мобильностью, готовностью к самостоятельным решениям [7, с. 88]. Для студентов-дизайнеров, например, экспериментальной площадкой для опробования студенческих разработок стал кампус ВГУЭС [9, с. 99], а бизнес-инкубатор предоставляет возможности для реализации бизнес-проектов студентов разных специальностей. Создаваемые ныне в вузах учебные мастерские, студенческие предприятия и практико-ориентированные площадки, применение в аудиторных занятиях проблемных ситуаций способствуют формированию навыков практической работы, необходимых для того, чтобы выпускник мог оценить свои знания и навыки и узнать, на что следует направить усилия, чтобы соответствовать современным требованиям рынка труда. Это поможет затем без особых проблем включаться в производственный процесс, эффективно используя компетенции, полученные в ходе обучения.

Литература

1. Георгиевский А.П. Дальневосточный государственный университет за пятилетие 1922 – 1927 года // Экономическая жизнь Дальнего Востока. 1927. № 10. С. 141-148.
2. Деревянко А.П. Инженерно-технические кадры Дальнего Востока СССР (1959 – 1965). М.: Наука, 1978. 150 с.
3. Кабанов Н.Е. Из воспоминаний о высшем лесном образовании на Дальнем Востоке // Материалы встречи (1972 г.) выпускников ГДУ – ДВПИ 20-30-х годов. С. 64-67.

4. Корольюк В.П. История ДВГМА: Морское образование на Дальнем Востоке в очерках и документах. Владивосток, 2001. 384 с.
5. Итоги работы ударного ДВПИ // Красное знамя. Владивосток, 1931. 13 ноября.
6. Макаренко В.Г. Высшая техническая школа Дальнего Востока России: середина 60-х – 80-е гг. XX в. Владивосток: Изд-во ДВГТУ, 2002. 160 с.
7. Масюк Н.Н., Межонова Л.В., Шиловская Л.Л. Учебная бизнес-среда ВГУЭС-СИТИ как инновационная площадка для развития предпринимательских компетенций // Территория новых возможностей: Вестник ВГУЭС. 2013. № 5. С. 88-94.
8. Наш Дальневосточный политехнический: Сб. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1971. 263 с.: ил.
9. Обертас О.Г., Баишева Т.А., Серябряков С.А. К вопросу формирования среды студенческого кампуса ВГУЭС // Территория новых возможностей: Вестник ВГУЭС. 2013. № 5. С. 95-100.
10. Сафразьян Н.Л. Борьба КПСС за строительство советской высшей школы (1921 – 1927 гг.) М.: Изд-во МГУ, 1977. 157 с.
11. Трифонова Г.А. Из истории высшего рыбохозяйственного образования на Дальнем Востоке: препринт / отв. ред. А.Т. Мандрик; АН СССР, Дальневост. отд. Владивосток, 1991. 48 с.
12. Турмов Г.П. На рубеже столетий: Истор. очерк. Владивосток: Изд-во ДВГТУ, 1999. 194 с.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Georgievskij A.P. Dal'nevostochnyj gosudarstvennyj universitet za pyatiletie 1922 – 1927 goda // ENkonomicheskaya zhizn' Dal'nego Vostoka. 1927. № 10. S. 141-148.
2. Derevyanko A.P. Inzhenerno-tehnicheskie kadry Dal'nego Vostoka SSSR (1959 – 1965). М.: Nauka, 1978. 150 s.
3. Kabanov N.E. Iz vospominanij o vysshem lesnom obrazovanii na Dal'nem Vostoke // Materialy vstrechi (1972 g.) vypusnikov GDU – DVPI 20-30-kh godov. S. 64-67.
4. Korolyuk V.P. Istoriya DVGMA: Morskoe obrazovanie na Dal'nem Vostoke v ocherkakh i dokumentakh. Vladivostok, 2001. 384 s.
5. Itogi raboty udarnogo DVPI // Krasnoe znamya. Vladivostok, 1931. 13 noyabrya.
6. Makarenko V.G. Vysshaya tekhnicheskaya shkola Dal'nego Vostoka Rossii: seredina 60-kh – 80-e gg. KHKH v. Vladivostok: Izd-vo DVG TU, 2002. 160 s.
7. Masyuk N.N., Mezhonova L.V., SHilovskaya L.L. Uchebnaya biznes-sreda VGUEHS-SITI kak innovatsionnaya ploshhadka dlya razvitiya predprinimatel'skikh kompetentsij // Territoriya novykh vozmozhnostej: Vestnik VGUEHS. 2013. № 5. S. 88-94.
8. Nash Dal'nevostochnyj politekhnicheskij: Sb. Vladivostok: Dal'nevost. kn. izd-vo, 1971. 263 s.: il.
9. Obertas O.G., Baisheva T.A., Seryabryakov S.A. K voprosu formirovaniya sredy studencheskogo kampusa VGUEHS // Territoriya novykh vozmozhnostej: Vestnik VGUEHS. 2013. № 5. S. 95-100.
10. Safraz'yan N.L. Bor'ba KPSS za stroitel'stvo sovetsoj vysshej shkoly (1921 – 1927 gg.) М.: Изд-во МГУ, 1977. 157 s.
11. Trifonova G.A. Iz istorii vysshego rybokhozyajstvennogo obrazovaniya na Dal'nem Vostoke: preprint / отв. ред. А.Т. Мандрик; АН СССР, Дальневост. отд. Владивосток, 1991. 48 с.
12. Turmov G.P. Na rubezhe stoletij: Istor. ocherk. Vladivostok: Изд-во DVG TU, 1999. 194 s.

УДК 378.14

*Чернявский А.А.
Chernjavskij A.A.*

Профессиональное образование регионоведа: ресурс формирования предпринимательской компетентности

**Professional education of the regional studies specialist:
resource of formation of enterprise competence**

В статье представлены особенности профессионального образования регионоведа. Дан анализ педагогических исследований в этом направлении и Федерального образовательного стандарта, который является основой профессионального образования. На основе анализа исследований и опросов регионоведов поставлена проблема педагогических ресурсов формирования предпринимательской компетентности будущих регионоведов. Представлены основные положения для её решения в рамках педагогической науки.

Ключевые слова: *регионовед, профессиональное образование, личность, компетенции, предпринимательская компетентность*

Features of professional education of the regional studies specialist are presented in article. The analysis of pedagogical researches in this direction and the Federal educational standard which is a basis of professional education is given. On the basis of the analysis of researches and polls of regional studies specialists the problem of pedagogical resources of formation of enterprise competence of future regional studies specialists is put. Basic provisions for its decision within pedagogical science are presented.

Key words: *regional studies specialist, professional education, personality, competences, enterprise competence*

Основные характеристики профессионального образования определяются спецификой периода времени, общества и государства, а также региона и вуза, в котором это образование осуществляется.

Приморский край обладает целым рядом особенностей, которые существенным образом влияют на процесс образования регионоведов. Расположение края вблизи стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) актуализирует изучение исторических, географических, экономических и других характеристик и тенденций развития стран АТР и ресурсов взаимодействия с Россией. Особенно часто приморские студенты изучают регионоведение Китая.

Последние тенденции свидетельствуют о том, что руководство системой образования считает приоритетной практикоориентированность обучения. Поэтому для студентов важно не только понимать свою будущую профессию в контексте развития дальневосточных регионов, но и иметь компетенции продуктивного взаимодействия с представителями

ЧЕРНЯВСКИЙ Андрей Анатольевич, преподаватель отделения подготовки переводчиков Института иностранных языков Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (г. Владивосток) **E-mail:** valstan13@mail.ru

восточных культур для создания совместных международных проектов. Приоритетами для результатов образования должен стать патриотизм, работа во имя интересов своей страны, утверждения и оптимизации положения России на Дальнем Востоке. Продуктивность взаимодействий с народами АТР позволяет укреплять взаимопонимание и взаимное доверие, лежит в основе будущего процветания общего региона.

Как правило, выпускники направления «Регионоведение» владеют рядом иностранных, в том числе восточных языков, что является необходимым, но далеко не самым главным в будущей профессии регионоведа.

Среди диссертационных исследований профессионального образования будущего регионоведа можно отметить работы Т.Л. Бедаревой [1], которая обосновала организационно-педагогические условия формирования профессиональной направленности у будущих регионоведов (востоковедов) и И.В. Глуховой, которая раскрыла применительно к студентам-регионоведам проблему обоснования педагогических условий формирования культуры межнационального общения [3]. А.Ю. Ряховская обосновала педагогические средства оценивания в процессе формирования рефлексивной позиции будущих регионоведов, которая активизирует личностный рост и сознательные волевые усилия студентов по самоизменению и обогащению своих возможностей [11].

По данным опроса представителей регионального научного сообщества, проведенного А.А. Киреевым в 2009 году, большинство респондентов рассматривает регионоведение в качестве междисциплинарной области знания [6]. Тематика научных работ оказалась преобладающим критерием регионоведческой специализации, что интерпретируется как свидетельство достаточно высокой значимости исследовательской активности, а также того, что процесс научной специализации зачастую завершается уже в зрелом возрасте.

Образование в области зарубежного регионоведения в основе своей определяется Федеральным государственным образовательным стандартом (ФГОС ВПО) [14]. Согласно этому базовому документу основными видами профессиональной деятельности регионоведа являются организационно-коммуникационная, информационно-аналитическая, редакционно-издательская, культурно-просветительская, научно-исследовательская и преподавательская.

Анализ ФГОС ВПО показывает, что регионовед должен обладать рядом профессиональных компетенций: составлять комплексную характеристику региона специализации; объяснять, интерпретировать и оценивать основные исторические, макроэкономические, социальные и географические тенденции и закономерности развития региона специализации; владеть языковыми и научными компетенциями [14].

Современный этап развития педагогической науки, нормативных документов профессионального образования, а также образовательной практики вузов показывает, что качество профессионального образования напрямую зависит от того, насколько востребованы выпускники рынком труда.

Автор статьи, – выпускник бакалавриата направления «Регионоведение» (2010 г., Владивостокский государственный университет экономики и сервиса (ВГУЭС) и специалист этого же направления (2011 г., ВГУЭС), – организовал опрос выпускников-регионоведов, который проходил в 2012 – 2014 гг. во ВГУЭС (г. Владивосток), а также в Забайкальском государственном университете (ЗабГУ, г. Чита). В г. Чите в организации опроса помощь оказали сотрудники кафедры педагогики. Целью опроса было выявление ресурсов профессионального образования в области регионоведения. Выпускники направления «Зарубежное

регионоведение» были опрошены в качестве экспертов. Опрос проходил на этапе итоговой аттестации, в нём приняли участие 35 выпускников: 20 бакалавров и 15 специалистов с профессиональным опытом от 1 до 3 лет. Среди респондентов – 18 выпускников из Владивостока (15 бакалавров, 3 специалиста), 17 – из Читы (5 бакалавров, 12 специалистов). Они отвечали на вопрос, какие профессиональные компетенции (ПК), из числа заданных в ФГОС ВПО восемнадцати ПК, оказались в наибольшей степени востребованными. Кроме того, им было предложено сформулировать те компетенции, которых оказалось недостаточно в рамках профессионального образования будущих бакалавров.

Наиболее значимыми оказались компетенции из следующего перечня: 1) учитывать характер исторически сложившихся социально-экономических, политических и правовых систем при рассмотрении особенностей политической культуры и менталитета народов региона специализации (ПК-5); 2) владеть базовыми навыками ведения официальной и деловой документации на языке региона специализации (ПК-14); 3) владеть основами социологических методов, быть готовым принять участие в планировании и проведении полевого исследования в стране/регионе специализации (ПК-18) [14].

Среди компетенций, которые перечислили выпускники как важные, но недостаточно сформированные в процессе высшего профессионального образования, оказались способности к созданию международных социально-экономических и научных проектов, а также компетенции сходные по смыслу с ними, – их отметили 24 из 35 участников опроса. Способность к самопрезентации в профессиональном и зарубежном социуме отметили 14 из 35 выпускников. Коммуникативные навыки указали 13 выпускников. Вывод, который можно сделать по результатам этого опроса, – около 69% выпускников-регионоведов после получения профессионального опыта нуждаются в подготовке в области проектирования и профессиональной коммуникации.

Проблема профессионального образования будущего регионоведа состоит в том, что стандарт напрямую не предусматривает компетентности в области предпринимательского проектирования в качестве цели образования. Однако целый ряд функций профессиональных компетенций стандарта являются компонентами проектной компетентности: готовность к планированию, способность анализировать, интерпретировать.

Вопросы формирования предпринимательской компетентности в педагогике рассматривались в работах Е.П. Белан (2012), которая справедливо полагает, что предпринимательские компетенции – это интегральные надпредметные характеристики качества подготовки менеджера [2]; Е.А. Лапа (2011), доказавшей, что подготовка выпускников вуза к предпринимательской деятельности – это процесс освоения знаний, умений, навыков и способов действия, формирование качеств личности, нравственного поведения, свойственных субъекту современной проектно-практической деятельности в сфере предпринимательства с целью получения предпринимательского дохода [7]. М.Л. Нюшенкова (2010) обосновала методологию формирования предпринимательской культуры менеджера социально-культурной деятельности. Психологические аспекты предпринимательской компетентности и сходных феноменов рассмотрели ряд учёных [10]. В.С. Морозова (2012) определила её как совокупность личных и деловых качеств, навыков, знаний, модель поведения, владение которыми помогает успешно решать бизнес-задачи и достигать высоких результатов деятельности [8]. Т.Г. Хащенко (2012) обосновала в качестве системообразующего элемента личностной готовности к предпринимательской деятельности способ жизнедеятельности

личности в сфере экономических отношений в качестве активного творца и хозяина обстоятельств, ресурсов и результатов своего труда, профессионального развития и самореализации [15].

Среди исследований зарубежных учёных личностные качества предпринимателя анализировали В. Зомбарт [4] и А.Смит [12]; аспекты предпринимательства как воспроизводства общественного интеллектуального капитала рассмотрели Дж. Акерлоф, М. Спенс, Дж. Ю. Стиглиц (2001) [9; 13]. Д. Канеман, А. Тверски в аспекте информационной экономики обосновали необходимость учёта наличия разных картин мира у участников рыночных отношений, что обуславливает необходимость учёта механизмов формирования информационных моделей субъектов предпринимательства [5].

Анализ литературных источников по изучаемой проблеме показал, что формирование предпринимательской компетентности будущих регионоведов до сих пор не являлось предметом целенаправленного исследования, в том числе – педагогического.

Ресурс профессионального образования как мера возможности формирования знаний и навыков, необходимых для профессиональной востребованности выпускников, состоит в создании педагогической модели и условий, позволяющих получить желаемый результат – сформированную предпринимательскую компетентность будущего регионоведа.

Собственные изыскания автора привели к рассмотрению предпринимательской компетентности студента – будущего регионоведа, как личностно-профессионального качества, которое носит надпредметный характер, базируется на просоциальных ценностях, интегрирует знания, умения, навыки, проектную компетентность и социальную ответственность, что обуславливает успешность в создании и реализации предпринимательских проектов, в том числе международного уровня [16]. Структура предпринимательской компетентности содержит базовые взаимосвязанные компоненты: просоциальные ценности предпринимательства, отражающие не только личный, но и общественный интерес; комплекс знаний отечественного и зарубежного опыта межкультурного проектирования; умения ставить цель, быть готовым к риску, навыки проектирования; способность использовать инновационные идеи и решения; навыки и опыт работы с информационными ресурсами; способность организовывать решение коллективных задач в области социально-экономического проектирования; стремление к самодостаточному распоряжению своей жизнью, социальная ответственность перед коллективом, клиентами, обществом.

Каким должно быть образование для того, чтобы данная компетентность была сформирована?

Представим ряд характеристик такого специального образования. Формирование предпринимательской компетентности будущих регионоведов мы рассматриваем как процесс и результат интериоризации личностью системы её базовых компонентов.

К педагогическим условиям, в которых протекает этот процесс, относятся:

а) организация специальной программы формирования предпринимательской компетентности будущих регионоведов, которая позволяет включаться в процесс учебно-профессионального предпринимательского проектирования как условия «запуска» процессов саморазвития. Структура программы предписывает цели, принципы реализации, содержание, оценочно-регулятивный комплекс;

б) применение инновационных кросс-технологий ситуационного центра в интегрированной группе, состоящей из студентов разных культур, что обеспечивает межкультурный опыт предприни-

мательского проектирования и поэтапное включение личности в проектно-предпринимательскую среду в русле реализации учебно-профессиональных задач;

в) применением рефлексивных методов моделирования ситуаций предпринимательских социокультурных или социально-экономических проектов, которые способствуют глубокому овладению знаниями, умениями, навыками и способностями к предпринимательской деятельности.

Педагогическая модель формирования предпринимательской компетентности будущего регионоведа определяется следующими подходами: системным, личностно-деятельностным и рефлексивным, в её основе лежат ключевые компоненты предпринимательской компетентности. Модель представляет собой упорядоченную совокупность действий, обуславливающую поэтапную позитивную динамику каждого из компонентов компетентности от низкого уровня сформированности до высокого, и включает взаимосвязанные элементы целевого, содержательного, технологического и критериально-результативного характера [16].

Таким образом, проблемой профессионального образования в области регионоведения является отсутствие предпринимательской и проектной компетентности в содержании профессионального стандарта. В то же время выпускники адекватно оценили необходимость её развития для профессиональной деятельности. Особенностью предпринимательской компетентности будущих регионоведов, как результата профессионального образования, на наш взгляд, должна стать способность создавать продуктивные социально-экономические проекты межрегионального и международного уровня. Педагогический ресурс её формирования состоит в создании модели и специальных условий для её развития. Данная способность и качество предпринимательских проектов должны быть оценены в ходе профессионального образования действующими предпринимателями.

Литература

1. Бедарева Т.Л. Организационно-педагогические условия формирования профессиональной направленности у будущих регионоведов (на примере подготовки востоковедов). Дис. канд.пед.наук. Чита, 2002. 295 с.
2. Белан Е.П. Формирование предпринимательской компетентности будущих менеджеров // Педагогические науки. Секция 2. Проблемы подготовки специалистов. [Электронный ресурс]. URL: http://www.rusnauka.com/28_PRNT_2011/Pedagogica/2_94881.doc.htm (дата обращения 22.09.2013 г.).
3. Глухова И.В. Формирование культуры межнационального общения у будущих регионоведов: автореф. дис. канд. пед. наук: Челябинск, 2008. 26 с.
4. Зомбарт В. Буржуа. М.: Терра-Книжный клуб, 2009. 576 с.
5. Канеман Д., Тверски А. Рациональный выбор, ценности и фреймы // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 4. С. 31-42.
6. Киреев А.А. К вопросу о состоянии регионоведческих исследований российского Дальнего Востока: результаты анкетного обследования // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2009. № 1. С. 133-140.
7. Лапа Е.А. Педагогические условия подготовки выпускника вуза к предпринимательской деятельности: автореф. дис. канд. пед. наук. Чита, 2011. 24 с.

8. Морозова В.С. Понятие и структура предпринимательской компетентности менеджера // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 2. Том II (Психолого-педагогические науки). С.199-204.
9. Нобелевская премия по экономике 2001. Д. Акерлоф (1940). За анализ рынков с асимметричной информацией. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nobeliat.ru/laureat.php?id=461>(дата обращения 12.11.2013 г.).
10. Нюшенкова М.Л. Методология формирования предпринимательской культуры менеджера социально-культурной деятельности в условиях высшей школы. Дис. доктора пед. наук. Тамбов, 2010. 452 с.
11. Ряховская А.Ю. Использование современных педагогических средств оценивания в процессе формирования рефлексивной позиции будущего специалиста-регионоведа. Дис. канд.пед.наук. Брянск, 2009. 207 с.
12. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1962. 654 с.
13. Стиглиц Дж.Ю. Глобализация: тревожные тенденции / Пер. с англ. Г.Г. Пирогова. М.: Национальный общественно-научный фонд, 2003. 304 с.
14. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 032000 Зарубежное регионоведение (квалификация (степень) «бакалавр»). Утверждён приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 22 декабря 2009 г. № 794.
15. Хащенко Т.Г. Личностная готовность студентов к предпринимательской деятельности: психологическое содержание и условия формирования: автореф. дис. доктора психол. наук. Тамбов, 2012. 54 с.
16. Чернявский А.А. Формирование предпринимательской компетентности // Мир науки, культуры, образования. 2013.№5 (42). С. 201-203.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Bedareva T.L. Organizatsionno-pedagogicheskie usloviya formirovaniya professional'noj napravlenosti u budushhikh regionovedov (na primere podgotovki vostokovedov). Dis. kand.ped.nauk. CHita, 2002. 295 s.
2. Belan E.P. Formirovanie predprinimatel'skoj kompetentnosti budushhikh menedzherov // Pedagogicheskie nauki. Sektsiya 2. Problemy podgotovki spetsialistov. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.rusnauka.com/28_PRNT_2011/Pedagogica/2_94881.doc.htm (data obrashheniya 22.09.2013 g.).
3. Glukhova I.V. Formirovanie kul'tury mezhnatsional'nogo obshheniya u budushhikh regionovedov: avtoref. dis. kand. ped. nauk: CHelyabinsk, 2008. 26 s.
4. Zombart V. Burzhua. M.: Terra-Knizhnyj klub, 2009. 576 s.
5. Kaneman D., Tverski A. Ratsional'nyj vybor, tsennosti i frejmy // Psikhologicheskij zhurnal. 2003. T. 24. № 4. S. 31-42.
6. Kireev A.A. K voprosu o sostoyanii regionovedcheskikh issledovaniy rossijskogo Dal'nego Vostoka: rezul'taty anketnogo obsledovaniya // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2009. № 1. S. 133-140.
7. Lapa E.A. Pedagogicheskie usloviya podgotovki vypusknika vuza k predprinimatel'skoj deyatel'nosti: avtoref. dis. kand. ped. nauk. CHita, 2011. 24 s.
8. Morozova V.S. Ponyatie i struktura predprinimatel'skoj kompetentnosti menedzhera // YAroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2012. № 2. Tom II (Psikhologo-pedagogicheskie nauki). S.199-204.
9. Nobelevskaya premiya po ehkonomie 2001. D. Akerlof (1940). Za analiz rynkov s asimmetrichnoj informatsiej. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.nobeliat.ru/laureat.php?id=461>(data obrashheniya 12.11.2013 g.).
10. Nyushenkova M.L. Metodologiya formirovaniya predprinimatel'skoj kul'tury menedzhera sotsial'no-kul'turnoj deyatel'nosti v usloviyakh vyshej shkoly. Dis. doktora ped. nauk. Tambov, 2010. 452 s.

11. Ryakhovskaya A.YU. Ispol'zovanie sovremennykh pedagogicheskikh sredstv otsenivaniya v protsesse formirovaniya reflektivnoj pozitsii budushhego spetsialista-regionoveda. Dis. kand.ped.nauk. Bryansk, 2009. 207 s.

12. Smit A. Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov. M.: Izdatel'stvo sotsial'no-ehkonomicheskoy literatury, 1962. 654 s.

13. Stiglits Dzh.YU. Globalizatsiya: trevozhnye tendentsii / Per. s angl. G.G. Pirogova. M.: Natsional'nyj obshhestvenno-nauchnyj fond, 2003. 304 s.

14. Federal'nyj gosudarstvennyj obrazovatel'nyj standart vysshego professional'nogo obrazovaniya po napravleniyu podgotovki 032000 Zarubezhnoe regionovedenie (kvalifikatsiya (stepen') «bakalavr») Utverzhdyon prikazom Ministerstva obrazovaniya i nauki Rossijskoj Federatsii ot 22 dekabrya 2009 g. № 794.

15. KHashhenko T.G. Lichnostnaya gotovnost' studentov k predprinimatel'skoj deyatel'nosti: psikhologicheskoe sodержanie i usloviya formirovaniya: avtoref. dis. doktora psikhol. nauk. Tambov, 2012. 54 s.

16. CHernyavskij A.A. Formirovanie predprinimatel'skoj kompetentnosti // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2013.№5 (42). S. 201-203.

Глобальные перспективы исследований границ (интервью с Ю. Лайне)

The global prospects of border studies (interview with Jussi Laine)

Мы уже знакомили наших читателей с современным развитием такой междисциплинарной научной области как исследования границ. Во втором номере нашего журнала за 2013 г. было опубликовано интервью с английским исследователем границ П. Ричардсоном. За прошедший год в развитии исследований границ произошли важные события, связанные с их стремительной глобализацией. Гостем данного выпуска «Ойкумены» стал непосредственный и активный участник этих событий – финский географ **Юсси Лайне**. После завершения Первой Всемирной конференции ABS Ю. Лайне ответил на вопросы члена редколлегии журнала А.А. Киреева.

А.А. Киреев: Несмотря на ваш молодой возраст, сегодня Юсси вас уже можно назвать известным учёным и влиятельным менеджером в области исследований границ. Расскажите, как складывалась ваша научная карьера.

Ю. Лайне: Благодарю вас за такую оценку. Я постараюсь рассказать эту долгую историю вкратце. Думаю, что всё началось, когда я проходил службу в финской армии и решил подать заявления в несколько университетов. Я был принят в Университет Йоэнсуу, где первоначально изучал физическую географию. Однако вскоре я понял, что мне более интересна гуманитарная и политическая география, и это открытие привело меня в Международную школу исследований пространственной политики в Университете Гронингена (Groningen) в Нидерландах. После возвращения в Финляндию я получил диплом бакалавра и сразу начал осваивать программу по международной гуманитарной географии, чтобы получить степень магистра социальных наук. В то же время в 2005 – 2006 гг. я изучал дополнительные курсы – на этот раз в рамках программы по международным отношениям в Финско-русском трансграничном университете.

Как раз тогда, когда я начал работу над своей докторской диссертацией, – в августе 2006 г., – мне удалось получить свою первую научную должность личного секретаря исследователя (Research Amanuensis) в Карельском институте Университета Йоэнсуу (теперь это Университет Восточной Финляндии) и приступить к работе по проекту Пятой рамочной программы ЕС «EXLINEA: Границы и европеизация пространства: ЕС, интеграция и развитие теоретических взглядов на границы» и по проекту Шестой рамочной программы ЕС «EUDIMENSIONS: локальные измерения широкого европейского соседства: Развитие политического сообщества через практики и дискурсы трансграничного сотрудничества» (2006 – 2009). В 2007 г. я также работал в Финском институте международных отношений в Хельсинки.

В 2009 г., когда был завершён проект EUDIMENSIONS, я впервые принял участие в ежегодном собрании Ассоциации исследований приграничных территорий (Association for Borderlands Studies (ABS)). В том же году по программе Фулбрайта для приглашённых исследователей я начал годовичную научную работу в Институте региональных исследований Калифорний в Университете Сан Диего (США). Цель моей

докторской диссертации, которую я в то время готовил, состояла в рассмотрении актуальной и потенциальной роли гражданского общества в развитии новых форм политического, экономического и социокультурного сотрудничества в рамках североамериканской интеграции в сравнении с изучавшимся мной ранее сотрудничеством гражданского общества в рамках формирующегося «Нового европейского соседства», особенно в финско-российском контексте.

После возвращения в Финляндию, я продолжил работу над своей докторской, а также исследовательскую деятельность в Карельском институте. Кроме того, я выполнял обязанности преподавателя по совместительству на географическом факультете Университета Йоэнсуу и ассистента научного координатора экспертного центра «Европа над Востоком и Западом» (Europe beyond East-West). В 2011 г. я был избран в Комитет планирования и Совет директоров ABS. Следующий год я начал в моей нынешней основной должности управляющего проектом Седьмой рамочной программы ЕС «EUBORDERSCAPES: Проведение границ, политические ландшафты и социальные арены: Потенциал и проблемы развития концепций границы в постбиполярном мире». Параллельно с этим я работал над рядом менее крупных проектов и занимался преподаванием в колледже Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе для сотрудников пограничных служб при офисе ОБСЕ в Таджикистане.

В 2013 г. я, наконец, защитил свою докторскую, написание которой затянулось, поскольку мне приходилось решать многие другие задачи. Кроме того, я был избран в исполнительный аппарат ABS и теперь занимаю в этой организации позиции казначея и заместителя исполнительного секретаря. В более практическом ключе я работал также менеджером и главой организационного комитета Всемирной конференции ABS, которая была проведена этим летом в Йоэнсуу и Петербурге. Работы было очень много, но в то же время это был самый лучший опыт, который мне доводилось получать на протяжении моей карьеры.

А.А. Киреев: В 2013 г. секретариат ABS – крупнейшей организации в области исследований границ – переместился в расположенный в Йоэнсуу Университет Восточной Финляндии. В июне 2014 г. в Йоэнсуу состоялась Первая Всемирная конференции ABS. Свидетельствует ли это о том, что Финляндия становится новым лидером глобальных исследований границ?

Ю. Лайне: Хотя я, безусловно, горжусь тем, что секретариат ABS находится в Финляндии, я бы не интерпретировал это таким образом. Моей целью было и является сделать ABS как можно более глобальной организацией, не придавая при этом слишком большого значения физическому местонахождению её секретариата. Конкуренция за право разместить у себя секретариат действительно была жёсткой и, конечно, были и другие хорошие претенденты, так что, видимо, мы неплохо потрудились, если в итоге нам удалось победить. Исследования границ в Финляндии имеют давние традиции, наш университет обеспечил нам великолепные условия и поддержку, а благодаря большому числу международных проектов мы обладали хорошими связями. Мы посчитали, что это идеальный вариант для размещения секретариата ABS.

Фактически, однако, я рассматриваю себя скорее в качестве представителя ABS и многонационального сообщества её членов, нежели только Финляндии. ABS – это действительно первая научная ассоциация, сосредоточенная исключительно на пограничной проблематике. Первоначально она была сфокусирована на пограничьи США и Мексики, но сегодня Ассоциация стала глобальной, и по своему масштабу, и по составу. Поскольку эта организация нацелена на лучшее понимание

границ, она объединяет взгляды исследователей границ всего мира. За последнее десятилетие ABS стала представлять исследования границ и приграничных регионов в мировом масштабе и её представительность растёт год от года. На протяжении 40 лет с момента основания ABS её состав быстро рос, и сейчас в неё входят учёные из разных дисциплин, из сотен академических институтов, правительственных агентств и негосударственных организаций Северной и Южной Америки, Азии, Африки, Австралии и Европы.

В связи с тем, что ABS растёт и состав её членов становится всё более интернациональным и разнородным, возникла необходимость привести сложившиеся логистические и организационные практики в соответствие с новыми обстоятельствами. Первая Всемирная конференция ABS послужила важной вехой в этом процессе роста и интеграции исследований границ. Я очень доволен тем, как она прошла; это было знаменательное событие. И я хотел бы поблагодарить всех, кто принял участие в конференции. Всех приехавших издалека для того, чтобы присоединиться к событию, которое напоминает всем нам, как важна тема, которой мы занимаемся.

А.А. Киреев: Ещё недавно финские исследования границ не играли такой заметной роли в мире. Чем обусловлен рывок, совершённый Финляндией в этой научной области в последние годы?

Ю. Лайне: Я не вполне согласен с вашим мнением. Возможно, я не беспристрастен, но я считаю, что финские учёные играли важную роль в исследованиях границ с тех пор как геополитическая обстановка рубежа 1970-х – 1980-х гг. вновь привлекла интересы исследователей к границам, которые в предшествующие десятилетия недооценивались. Новаторские работы финского географа Анси Пааси, например, вдохновили многих выдающихся исследователей границ. Его статьи остаются одними из наиболее цитируемых в этой области до настоящего времени. Однако были и многие другие исследователи. Так, учёные и научные коллективы, работающие в Университете Восточной Финляндии, сыграли значительную роль в развитии современных научных, политических и общественных дискуссий о границах. В течение многих лет наш институт действовал как координационный центр для целого ряда международных исследовательских проектов, в которых участвовали коллеги из России и других европейских стран.

Возможно, дело в том, что, несмотря на большую активность финских учёных в области исследований границ, сама эта область долгое время оставалась узкоспециализированной и мало известной широкой аудитории. Но вы правы в том, что в последнее время произошёл настоящий прорыв. Границы всегда были очень важны для Финляндии во многих отношениях, но лишь сравнительно недавно их многогранная роль стала предметом систематического изучения. В этой связи были разработаны новые научные и образовательные программы, что позволило нам получить большое число высококвалифицированных молодых исследователей, которые всё более активно действуют на международном уровне. Я полагаю, что это позволит Финляндии занять ещё более важное место в данной области.

А.А. Киреев: Какое значение, по вашему мнению, будет иметь для развития исследований границ проведение Первой Всемирной конференции ABS?

Ю. Лайне: Основной предпосылкой этой конференции было то, что в то время как границы по всему миру подвержены воздействию одних и тех же глобальных процессов, существует множество различных контекстуальных реакций на эти тренды. Все границы уникальны. Обсуждение границ в общем виде скорее затемняет, чем проясняет суть вопроса.

Как показывают, например, недавние события на Украине, проблемы границ, их функций, их значений и символов приобретают сегодня самую большую остроту с момента окончания «холодной войны». Стереотипное представление о повсеместном стирании границ, опиравшееся на оптимистические ожидания от глобализации и нового постбиполярного миропорядка, отступило перед реальностью возросшей сложности и нестабильности мировой системы.

Уже более половины членов ABS не являются жителями США, представляя 40 различных стран мира. Поскольку многие из наших членов не могут посещать регулярные собрания ABS в Северной Америке, мы хотели, чтобы организация приблизилась к ним. Базой для пилотного проекта конференции стали Финляндия и Россия. Мы надеемся, что следующая Всемирная конференция будет организована там, где это позволит привлечь к участию в ней новых учёных, заинтересованных в изучении границ. Проведение широкого форума о границах в различных местах по всему миру – это то, что необходимо для расширения существующих географических и дисциплинарных границ самой Ассоциации, содействия её глобальному росту за счёт привлечения участников из всех уголков мира и продвижения вперёд исследований границ и приграничий в XXI веке.

Целью ABS является налаживание связей между исследователями по всему миру, и Всемирная конференция представляет собой пример практической работы в этом направлении. Мы бы не хотели организовывать ещё одну конференцию о границах, которая бы конкурировала с дюжиной уже существующих крупных мероприятий подобного рода. Есть много различных сетей исследователей границ, которые обычно проводят форумы для своих членов. Для меня же было очень важным пригласить представителей этих сетей на всемирную конференцию и укрепить связи между ними. Я очень рад и признателен, что так много из них откликнулись на это приглашение. Мы хотели предложить площадку для глобального общения исследователей границ, которая позволила бы структурировать данную область и поспособствовать развитию более тематически и географически специализированных форумов и конференций, и тем самым повысить общий уровень исследований границ в международном масштабе.

Всемирная конференция ABS была не только самой крупной и представительной встречей исследователей границ со всей планеты, но и первой международной конференцией такого рода, задавшей ориентир для развития и интеграции приграничных исследований. Я с гордостью могу сказать, что мы получили 537 заявок на участие из 64 стран. Конечно, в итоге эти цифры стали несколько меньше, в основном по объективным причинам, но, тем не менее, они показывают, что существует большая потребность в подобных глобальных форумах, и что ABS, благодаря своему международному составу, действительно становится глобальной ассоциацией. Всемирная конференция дала возможность исследованиям границ достичь нового уровня самовыражения и взаимодействия. Теперь им предстоит достичь большего в области понимания, знания и политического влияния.

А.А. Киреев: Важной областью интересов для ваших финских коллег является изучение трансграничных отношений на границе между Финляндией и Россией. Как вы могли бы оценить общую динамику этих отношений за последние двадцать пять лет?

Ю. Лайне: Этот вопрос был темой ряда недавно защищённых докторских диссертаций и других крупных исследований. Дать всеобъемлющий ответ на него кратко очень трудно. Финско-российские отношения это более широкое явление, чем просто отношения между двумя государ-

ствами. Они базируются на общей истории и извлечённых из неё уроках, географической близости и протяжённой общей границе, культурных связях и этническом родстве, экономическом развитии и торговой взаимозависимости, а также на факторах окружающей среды, которые не признают границ. Эти отношения были и близкими и далёкими, причём иногда в одно и то же время. Они не могут быть объяснены только факторами спроса и предложения, скорее мотивации к сотрудничеству простираются от чувства долга до прямой необходимости. Как партнёр по взаимодействию Россия воспринимается одновременно и как возможность, и как препятствие, вызывая и большие надежды, и большие разочарования. Как все пограничные регионы, финско-российское пограничье характеризуется особыми формами сосуществования, которые формируют терпимость и солидарность.

С окончанием «холодной войны» существовавшая ранее концепция границы была трансформирована в нечто более широкое и сложное. В случае с Финляндией, эти перемена сопутствовал тот факт, что сосед, которого финны научились понимать и с хорошей, и с плохой стороны, вдруг исчез. Как сосед, Советский Союз был далеко не прост, но риск, связанный с жизнью рядом со спящим великаном, по крайней мере, был доступен для оценки и управления, и его опасности могли быть проанализированы. С появлением его преемника, Российской Федерации, правила игры изменились фундаментально. Оценить возможности стало сложнее, поскольку не было прочной и ясной основы для таких суждений.

Конец истории стал её новым началом, но мало кто в точности знает, с кем приходится сегодня иметь дело Финляндии. Ясно лишь то, что эта неопределённость уменьшает возможности, которые могли бы быть обеспечены при более доверительной атмосфере и более открытой границе. Всё это время Россия воспринимается как находящаяся в процессе перехода к чему-то. На Западе надеялись, что это нечто может быть демократией и рыночной экономикой. Недавние события, помимо всего прочего, определённо указывают на то, что у России есть собственные идеи и планы, которые, по меньшей мере, не совпадают с европейскими ожиданиями, не говоря уже об американских.

Внутреннее развитие России влияет также и на характер трансграничного сотрудничества. Поначалу, учитывая беспорядок, который последовал за распадом СССР, это сотрудничество состояло, главным образом, в гуманитарной помощи, шедшей из Финляндии в Россию. По мере того как ситуация улучшалась, Россия стала полноправным участником этих отношений и сотрудничество превратилось в улицу с двусторонним движением. В последние годы возросшее благосостояние и уверенность в себе сделали поведение России более напористым, что сказалось и на практиках трансграничного сотрудничества.

Членство Финляндии в ЕС стало средством её дальнейшего избавления от синдрома протяжённой общей границы, и позволило отойти от той геодетерминистской обусловленности, при которой географическое положение Финляндии предопределяло или, по крайней мере, ограничивало её выбор в сфере политического развития. Расширившийся международный контекст потребовал от неё переопределения себя как национального субъекта. И это процесс всё ещё не завершён.

Возросшее сотрудничество разрушило представление о границе с Россией как о жёсткой линии, обрывающей контакты и поддерживающей, если не формирующей, мышление в категориях подавления, несправедливости, конфликта и даже войны. Хотя граница всё ещё остаётся государственной, преодолевающие её трансграничные практики позволяют рассматривать её и в качестве социального феномена, состоящего

в способности к добрососедству, признающему и уважающему ценности и вклад другой стороны. Однако возможности, которые могли бы быть обеспечены большей открытостью, всё ещё не реализованы в полной мере. Ментальные аспекты границы укоренены в сознании людей столь глубоко, что они сохраняют своё значение, несмотря на ослабление её институциональной барьерности. Граница по-прежнему функционирует как барьер, но её частичная проницаемость, позволяет пересекающим её отношениям принимать, в конечном счёте, скорее форму диалога, чем конфронтации. Этот диалог даёт обеим сторонам возможность получать больше знаний друг о друге, что в свою очередь улучшает взаимопонимание – ещё одну важную предпосылку сотрудничества.

В целом процесс взаимного увязывания политик на уровне ЕС, усилий национально-государственного уровня и практик регионального сотрудничества заслуживает внимательного рассмотрения. Хотя каждый уровень трансграничных отношений является частью более широкого уровня, эти различные слои имеют также и собственную динамику. Особенно интересным я считаю то, что трансграничное сотрудничество на местном и региональном уровнях продолжает развиваться, несмотря на рост конфронтационной риторики на более высоких уровнях. Я считаю, что именно это субнациональное трансграничное сотрудничество выступает важным фактором взаимодействия и интеграции, сближая обе стороны и формируя своеобразную сеть безопасности в условиях, когда «высокая политика» даёт сбой.

А.А. Киреев: Насколько активно финские исследователи сотрудничают со своими российскими коллегами? Какое представление сложилось у вас о состоянии современных российских исследований границ?

Ю. Лайне: Я едва ли могу говорить от имени всех финских исследователей, но те из них, кого я знаю и с кем работаю, действительно активно сотрудничают – особенно в области исследований границ. Как я уже отмечал, граница с Россией всегда была очень важна для Финляндии. Учитывая, что более молодые поколения вряд ли вообще помнят о существовавшей когда-то «реальной» границе со Швецией, и ещё менее о том, что где-то на севере у Финляндии есть 730 километров пограничной линии с Норвегией, то в большинстве случаев понятие «граница» автоматически ассоциируется с границей с Россией. Но её роль, конечно, изменилась, так что теперь это скорее мост, чем барьер. Фактически именно благодаря границе у меня так много коллег в России – интерес к границе сблизил нас, мы изучаем её вместе с разных сторон. Мы также приглашали их к участию в крупных международных проектах, о которых я упоминал. Их вклад имел большое значение.

Я должен признать, что мои знания о современных российских исследованиях границ фрагментарны. Я работаю вместе с несколькими коллегами, в основном из Петербурга, Москвы и Петрозаводска, но, к сожалению, я недостаточно осведомлён о том, как развиваются исследования границ в России в целом. Россия – это, конечно, обширная страна со многими и очень разными границами. Я могу предположить, что разные регионы в связи с этим имеют очень различные интересы и предпочтения. Моё невведение в этом отношении также объясняется тем, что моё владение русским языком далеко от совершенства. Я бы, конечно, хотел видеть больше российских учёных, принимающих участие в деятельности ABS, поскольку уверен, что мы могли бы много узнать у них.

А.А. Киреев: В чём, на ваш взгляд, состоят наиболее важные общие проблемы, препятствующие сегодня развитию мировых исследований границ?

Ю. Лайне: Я думаю, что если говорить об исследованиях границ, то большинство стоящих перед ними проблем, или как бы я предпочёл

выразиться – вызовов, в действительности предоставляют также и возможности расширения тематики исследований. Здесь я мог бы вновь вернуться к теме нашей недавней конференции и повторить то, что уже говорил выше.

Беспрецедентное расширение и трансформация глобальной экономики и конкурентная подвижность людей и материальных благ в контексте возрастающей секьюритизации свидетельствуют о фундаментальных общественных вызовах, которые прямо связаны с границами. В результате границы получают важное место в культурной, социальной, научной и политической повестке. Однако, несмотря на новые подходы в исследованиях границ, которые отдают предпочтение широкому культурному, экономическому и управленческому видению границ и пограничий, в процессе принятия политических решений продолжает преобладать строго вертикальный взгляд на границы с точки зрения международных отношений. Нынешний период усиливающейся глобализации требует, чтобы мы уделяли больше внимания тенденции к расширяющемуся управлению границами и приграничьями, и в то же время – региональным реакциям на этот процесс.

Государственные границы сейчас обычно понимаются скорее как многогранные социальные институты, нежели просто как формальные политические маркеры суверенитета. С этой точки зрения, границы помогают понять, как общества и индивиды формируют свои стратегии и идентичности. В то же время, сами границы могут рассматриваться как продукты общественного и политического обсуждения пространства; они определяют рамки социального и политического действия и конструируются через институциональные и дискурсивные практики на разных уровнях и различными акторами. Таким образом, через региональные ответы на глобализацию границы воспроизводятся, – например, в ситуациях конфликта, когда историческая память мобилизуется для поддержки территориальных претензий, для обращения к прошлым несправедливостям или для укрепления групповой идентичности – и зачастую для увековечивания негативных стереотипов в отношении «других». Однако через новые институциональные и дискурсивные практики спорные границы могут быть также трансформированы в символы сотрудничества и общего исторического наследия.

Кроме того, вызовом для исследований границ стала проблема теоретизирования. Все границы уникальны и каждая из них связана многими отношениями с локальными, региональными, государственными и наднациональными процессами. В связи с этим, многие выражают озабоченность тем, что в течение последнего десятилетия исследования границ были преимущественно сфокусированы на исследованиях отдельных случаев, что, по их мнению, отвлекало от попыток развития дискуссии о понятиях, теориях и общих идеях. В исследованиях границ мало абстрактного теоретизирования, и те, кто пытается теоретизировать, сталкиваются с уникальными обстоятельствами, которые делают невозможным построение широких обобщений.

Другие, в свою очередь, доказывают, что для создания оптимальных инструментов определения того, что действительно обуславливает сегодня форму и сущность границ, необходимо расширение коллективных сравнительных исследований. Хотя это лишь отдельный пример, такая аргументация порой используется для того, чтобы представить исследования границ в качестве особой научной дисциплины, по сути, не отличающейся, скажем, от географии, социологии, истории или антропологии, со своими привычными и устоявшимися направлениями исследований. Но к исследованиям границ это не применимо. Напротив, основная заслуга исследований границ состоит в их способности соеди-

нять эти дисциплины вместе. Эkleктическая мультидисциплинарность создаёт то разнообразие, которое и питает эту научную область. Построение метатеории и определение переменных, которые должны использоваться всеми, могли бы только ограничить те возможности, которые исследования границ способны предложить.

А.А. Киреев: Что вы можете сказать о планах и проектах ABS и её нового центра в Финляндии относительно дальнейших исследований границ в Евразии и во всём мире?

Ю. Лайне: Карельский институт в Университете Восточной Финляндии, где сейчас размещается секретариат ABS, имеет значительные и международно признанные достижения в области исследований границ и смежных областях социальных и гуманитарных наук (политологии, социологии, культурных исследований, истории, регионоведения, российских и постсоветских исследований и т.д.). За многие годы вместе с нашими российскими, европейскими и другими зарубежными коллегами мы создали замечательные международные исследовательские сети. Благодаря активному сотрудничеству в проведении конференций, послеузовской подготовке и издательской деятельности, институт стал центром для исследовательских сетей, которые протянулись далеко за пределы европейского сообщества исследователей границ и достигли Африки, Азии, обеих Америк и Океании. Всё это формирует солидную основу для будущего и для дальнейшего расширения ABS.

ABS находится в важной точке своей почти сорокалетней истории. Возникнув как ключевая научная организация, занимающаяся проблемами приграничных территорий в американо-мексиканском и американо-канадском контексте, Ассоциация становится сейчас главным международным субъектом в области исследований границ. Сама ABS хорошо отражает трансформацию этой научной области: её географический масштаб расширился, её международный состав значительно вырос, а мультидисциплинарные подходы, которые она продвигает, обеспечивают комплексное, социально ориентированное познание границ и приграничий. Кроме того, ABS всё более содействует международному диалогу по вопросам пограничной политики и проблемам пограничного управления.

ABS стремится активно развивать сети международного сотрудничества, семинары и исследования, которые отражают различные и всё более новые грани политических, социальных и культурных запросов. В конечном счёте, потребность в более широком международном и междисциплинарном подходе в исследованиях границ подтверждается тем сетевым, гетерогенным и высоко фрагментированным способом, каким сегодня решаются многочисленные связанные с границами вопросы. Мы хотели бы, чтобы ABS играла важную роль в обеспечении будущих социально и политически значимых сравнительных исследований. Таким образом, ABS стремится содействовать широкому спектру видов деятельности, нацеленных на развитие теории, методологических и концептуальных дискуссий, кейс-стадис и сравнительных проектов значительного географического охвата в более глобальном масштабе.

Мы упорно работаем одновременно над институциональным и содержательным развитием ABS. Исследования границ – это быстро интернационализирующаяся научная область с глубокими североамериканскими и европейскими корнями. Мы опираемся на эти исследовательские традиции, когда расширяем международное присутствие и влияние ABS в растущей во всём мире области исследований границ. Мы уже наладили контакты со многими регионами мира, и Евразия является одним из самых важных из них. Мы планируем различные формы информационно-просветительской деятельности и открытие регио-

нальных отделений. Для этого нам необходимы лучшие и более тесные контакты с местными учёными из разных регионов мира, которые знают локальную обстановку и могут помочь нам в дальнейшем освоении этих регионов. В то время как секретариат ABS, конечно, будет координировать и контролировать эти процессы, очевидно, что мы далеко не способны быть экспертами по различным границам по всему земному шару. Поэтому крайне важно, чтобы мы имели в этих регионах своих активных членов, обладающих практическими знаниями, которые могут дать нам совет, помочь в организации различных мероприятий, а также сообщить нам, что могла бы сделать ABS для продвижения пограничных исследований в данном конкретном регионе. Евразия является как раз такой значимой частью мира со множеством интересных границ – и я вижу здесь большой потенциал.

А.А. Киреев: Спасибо вам за интервью!

УДК 338.48((100)(075.8)

Голобоков А.С., Сабанина Е. Ю.
Golobokov A.S., Sabanina E.Yu.

Сможет ли камчатский туристический бренд стать мировым?

Will the Kamchatka's tourist brand become global?

За последние годы неоднократно предпринимались попытки вывести камчатский туризм на международный уровень, однако значимого успеха на этом направлении пока не достигнуто. Авторы рассматривают проблемы развития туристического бизнеса в крае и факторы, способствующие повышению привлекательности Камчатки для российских и иностранных туристов.

Ключевые слова: *Камчатка, международный туризм, экотуризм, Дальний Восток, Азиатско-Тихоокеанский регион*

In recent years there were attempts to make Kamchatka's tourism international, however, without significant success. Problems of regional tourist business development and factors of Kamchatka's attractiveness for Russian and foreign tourists are explored.

Key words: *Kamchatka, international tourism, ecotourism, Far East, Asia-Pacific region*

Едва ли можно усомниться в том, что за последние годы в российской внешней политике произошли коренные изменения, связанные, прежде всего, с повышением интереса к Азиатско-Тихоокеанскому региону (АТР). Последнее тому подтверждение – заключение в мае 2014 года в Шанхае «крупнейшей газовой сделки в истории» между двумя промышленными гигантами – китайской компанией CNPC и российским «Газпромом».

Однако реальность такова, что на сегодняшний день кроме газа, нефти и вооружений предложить Китаю и другим странам АТР нам практически нечего. Одна из главных проблем заключается в том, что на внешнем рынке у российского Дальнего Востока нет так называемого «бренда» – узнаваемого всеми экономического и культурного «фасада». Попытки создать этот бренд предпринимались, к примеру, на «российском» Саммите АТЭС в 2012 году. И хотя этот Саммит не принес Дальнему Востоку больших международных инвестиций, его значение трудно переоценить – стоит хотя бы раз побывать в обновленном Владивостоке.

ГОЛОБОКОВ Андрей Сергеевич, к. полит. н., доцент кафедры философии и культурологии Камчатского государственного университета имени Витуса Беринга (*г. Петропавловск-Камчатский*) **E-mail:** spell440@yandex.ru

САБАНИНА Елена Юрьевна, доцент кафедры экономики и сервиса Камчатского государственного университета имени Витуса Беринга (*г. Петропавловск-Камчатский*)

Узнаваемость и популярность на внешнем рынке – немаловажный фактор, который с учетом консолидации внутренних резервов страны может «всколыхнуть» экономическую ситуацию на Дальнем Востоке и привлечь сюда иностранный капитал. В перспективе этим фактором вполне мог бы стать туризм, а брендом – вулканы Камчатки. Наиболее показательный пример «из-за рубежа» – это американская Аляска, удаленный от цивилизации огромный малонаселенный штат, который США смогли не только развить экономически, но и сделать признанным туристическим центром Америки.

Иностранцы на Камчатке сегодня – это, прежде всего, граждане стран АТР: японцы, американцы, китайцы, а также жители Германии, Франции и других европейских стран. Статистика посещения туристами Камчатского края за последние 10 лет (*Приложение 1*) с учетом резкого провала в 2012 г. (в этот год в Японии ликвидировали урон от сильнейшего землетрясения и последовавшего за ним разрушительного цунами и техногенной аварии на АЭС) демонстрирует общую тенденцию снижения иностранных туристских потоков. А в абсолютных цифрах ежегодных посещений туристами Камчатский край и вовсе уступает таким направлениям, как Египет, Турция или Таиланд в несколько десятков, а то и сотен раз [1].

Многие эксперты считают, что отток иностранных туристов связан с кризисными моментами в мировой экономике. Однако любой житель России знает, что Камчатка – дорогой регион. Высокие цены на услуги и перелет – главные проблемы, которые отталкивают среднестатистического туриста от посещения края. Еще один немаловажный фактор – слаборазвитая туристическая инфраструктура.

Наиболее массовые цифры в международном туризме, как правило, показывают заходы круизных лайнеров. В летний сезон в Авачинскую бухту заходит до 10 круизных лайнеров из стран АТР (*Приложение 2*). Вместе с тем высокие портовые сборы, отсутствие пассажирского терминала, соответствующего причала и портовых сооружений приводят к тому, что крупные круизные лайнеры, прибывающие на Камчатку, вынуждены стоять на рейде. Наличие вышеуказанных объектов значительно сократило бы время пограничного и таможенного оформления пассажиров, а снижение цен на услуги привлекло в порт больше круизных судов. Однако в силу долгосрочности решения этих проблем морские перевозки пока не являются «коньком» туристической Камчатки.

В основном, туристы из-за рубежа добираются в Камчатский край по воздуху. Каждый год в краевой центр совершается до полутора десятков чартерных рейсов из Японии и США (*Приложение 3*). В 2012 г. было возобновлено чартерное авиасообщение с США через Анкоридж, а в 2013 г. – налажен прямой маршрут Петропавловск-Пекин-Петропавловск. Но основной поток иностранцев прибывает в регион внутренними рейсами через Москву. Здесь рядового иностранца также поджидают две проблемы: большие цены на авиабилеты и отсутствие между авиаперевозчиками конкуренции, призванной снизить эти цены. Еще более высокие цены на перелеты устанавливает перевозчик внутри региона. Рельеф местности на Камчатке сложный и в большинстве живописных мест можно попасть только на вертолете. Ввиду фактической монополии на региональном «вертолетном рынке» конкуренции здесь также нет. Из года в год растет и стоимость авиатоплива – одна из самых высоких в России.

Выходит, что в условиях существующего интереса к Камчатке снижение цен на авиаперелеты и услуги – жизненная необходимость, которая в перспективе может обернуться выгодой для государства. Однако если вопрос стоимости билета еще можно решить, к примеру, создани-

ем альтернативной авиакомпании бюджетного класса (лоукостер «Добролет» – яркий тому пример), то с увеличением потока иностранцев на Камчатку неизбежно встанет другой вопрос – где и как разместить приехавших к комфорту туристов?

Отсутствие развитой туристической инфраструктуры считается на Камчатке настоящим бедствием. По оценочным данным, в настоящее время туристские ресурсы в Камчатском крае используются только на 16 % [8]. Оторванность края от материка, отсутствие с континентальной частью страны нормального железнодорожного и автомобильного сообщения воспринимается многими как одна из причин такого положения дел. В то же время, связывать плохие дороги с удаленностью региона – не панацея. На Аляске или в Исландии идеальные дороги и достойная инфраструктура, несмотря на удаленность от «большой земли».

Можно согласиться с тем, что международный туризм на Камчатке напрямую связан с совершенствованием условий для размещения, отдыха и передвижения туристов. Ведь основными параметрами при путешествиях для иностранцев являются безопасность и комфорт. Другое дело, что существующий в крае на сегодняшний день тип туризма фактически отсеивает посторонних людей и основная масса иностранных туристов в крае – это те, кто за большие деньги едут в заведомо «дикие» и некомфортные условия. Такие люди готовы платить за отсутствие удобств цивилизации, разбитые дороги и прочие «прелести жизни на краю земли» ради уникальной возможности увидеть природу в естественной среде. Впрочем, за этим сюда едут и российские туристы. К примеру, известный всему миру своими антивирусными продуктами Евгений Касперский уже много лет является постоянным гостем на Камчатке.

Что необходимо для того, чтобы поднять камчатский туризм на государственный уровень и сделать его по-настоящему международным? Прежде всего, повысить общую привлекательность региона для туристов и сформировать конкурентоспособный туристический продукт. Большую роль здесь может сыграть иностранный бизнес. Потребителей из-за рубежа на Камчатке привлекает, прежде всего, экологический туризм.

Республика Корея – один из ключевых иностранных партнеров края – уже давно присматривается к одному из камчатских районов, где хочет построить оздоровительный комплекс на горячих источниках. Несколько лет существует совместный российско-южнокорейский проект по постройке горнолыжного курорта на базе четырех камчатских площадок, включая Авачинский вулкан. Этот проект весьма перспективен, поскольку на данный момент потребности иностранцев в горнолыжном туризме на Камчатке обеспечивают, в основном, вертолетные экскурсии – хелиски, которые в большинстве случаев дороги, а также ограничивают количество туристов вместимостью салона. Кроме того, иностранные инвесторы заинтересованы в строительстве в крае сети бизнес-центров, отелей и развитии услуг, доступных для среднего класса и семейного отдыха [3].

Исследования, проведенные в результате опроса «Kamchatka Visitor Survey» [4], проведенного профессором Университета Северной Аризоны Дэвидом Остергреном совместно с ПРООН/ГЭФ, показывают, что ситуация с международным туризмом на Камчатке начала меняться. В соответствии с требовательностью клиента, выросло разнообразие предлагаемых маршрутов и уровень предоставляемых туристических услуг. Теперь в этой работе учитывается любая деталь – от интервьюирования перед началом поездки до оценивания качества каждого блюда в гостинице, на базе отдыха и на маршруте.

При существующих проблемах обслуживания круизных судов, разработка наземных программ для пассажиров проводится оперативно и

на высоком уровне. Каждый заход круизного судна предполагает обязательный отзыв со стороны круизной компании о качестве организации работы с судном. За последние годы претензий и нареканий со стороны руководства круизных компаний по отношению к организаторам захода судов на Камчатку (а это компания «Пасифик Нетворк») не было. Работа этой компании очень высоко оценивается зарубежными партнерами, о чем говорит их долгосрочное сотрудничество. Но это, скорее, работа вопреки, а не благодаря. Планирование захода одного судна в порт предполагает глобальный труд в организации пограничного, таможенного, портового контроля, снабжения судна водой, топливом, продуктами, которые могут завозиться сюда специально-организованным рейсом из-за рубежа. Сюда входит и наземная программа от экскурсионных программ до оказания срочных медицинских услуг на берегу. Сложность в данном случае представляет как великое множество разрозненных компаний, так и наличие посредников в предоставлении различных услуг.

Не стоит ждать, что с появлением инвестиций туризм в Камчатском крае моментально взлетит на международный уровень. Во многих туристических странах – Италии, Испании, Франции и т. д. эта сфера деятельности начала развиваться более ста лет назад, в то время как Камчатка, военный форпост на северо-востоке России, открыта для внешнего мира немногим более 20 лет. Этот регион молод для иностранного бизнеса и неудивительно, что в настоящее время о Бутане, Монголии или Аляске среднестатистический турист из-за рубежа знает больше, чем о российской Камчатке. Например, ежегодная камчатская гонка на собачьих упряжках «Берингия» очень популярна в крае, однако за рубежом про нее практически никто не знает. В то же время как аналогичные гонки на Аляске «Iditarod Dog Sledge Race» известны всему миру.

В этой связи важно обратить внимание и на подготовку специалистов для работы с разными народами и культурами. Японцы воспринимают дальневосточный регион как домашний, точны в контрактах и оговаривают все тонкости путешествия в договоре. У европейцев на первом месте безопасность, они не очень доверяют российскому сервису, однако на Камчатку приезжают с большой охотой. Китайцы, прежде интересовавшиеся лишь поставками рыбопродукции с Камчатки, в последнее время также начали интересоваться ею как объектом для туризма. Сегодня спросом предприятий индустрии туризма на Камчатке пользуются специалисты среднего звена, т.е. сотрудники способные продавать и предлагать туристские путевки. Важно, однако, не только продать продукт, но и учесть национальные особенности и потребности туриста, который получит хорошие впечатления от поездки и расскажет о ней друзьям.

Очевидно также, что для повышения привлекательности региона для иностранцев необходимо ориентироваться и на внутренних, то есть российских туристов. Именно на повышение числа россиян должны быть направлены государственные программы по долгосрочному развитию краевого туризма. Некоторые из этих программ уже запущены. В 2013 году Министерство Культуры РФ впервые сформировало календарь событий, которые могли бы заинтересовать туристов. Кроме того, было предложено создать краевой информационный туристический центр, в задачу которого будут входить продвижение и реклама Камчатки на внешнем уровне [8].

Не менее важная роль в позиционировании Камчатки как международного бренда принадлежит общественно-деловым контактам. Край известен, прежде всего, среди организаций экологической направленности. Это и всемирный фонд WWF, курирующий в крае несколько проектов, и американский «Центр дикого лосося», объединяющий специа-

листов со всего мира. Одним из примеров объединения экологического направления и бизнеса может служить программа экологической сертификации рыбных промыслов и рыбной продукции, проводимой Морским попечительским советом (MSC) в Камчатском крае.

Одна из задач данной программы, по мнению участников проекта – это маркетинг дикого лосося Камчатки. Решение данной задачи является частью развития и использования регионального бренда. Рыбодобывающие компании проходят MSC сертификацию по ряду причин. Это и путь улучшения своей репутации на мировом рынке, способ управления рисками, средство для создания узнаваемого бренда и повышения его ценности [2, с. 26].

Что же касается продвижения туристского продукта в чистом виде, то здесь наблюдается заметная активизация (*Приложение 4*). Камчатка представлена в ряде туристских выставок в Европе (ITB Berlin, «MITT», ITM, World Travel Market); в Азии (KOTFA, JATA, CITM); обсуждается в рамках Российско-Американского тихоокеанского партнерства (РА-ТОП) и международного форума по вопросам экологического туризма на Дальнем Востоке [5].

Итак, основные направления для повышения международной привлекательности Камчатки ясны – это совершенствование туристической инфраструктуры, ориентация на экотуризм и внутреннего туриста, а также снижение цен на авиаперевозки и услуги. Но есть еще одно условие, которое не хотелось бы упустить. Это понятие культуры путешествия. Хотеть путешествовать, открывать для себя новые территории и тратить на это деньги должен, прежде всего, сам человек – будь то русский или иностранец. И если посещение туристами Камчатского края станет по-настоящему массовым, туристический бренд Камчатки имеет все шансы стать мировым.

Литература

1. Данные агентства по туризму Камчатского края. Сайт Правительства Камчатского края // [Электронный ресурс] URL: http://www.kamchatka.gov.ru/?cont=oiv_din&menu=4&menu2=0&id=180 (дата обращения 28.05.2014 г.).
2. Дикий лосось. Экологический маркетинг как способ сохранения. Камчатское Берингийское экорегиональное отделение Всемирного фонда дикой природы. Петропавловск-Камчатский. 2008.
3. Корея стала ближе! // Пресс-релиз Правительства Камчатского края [Электронный ресурс] URL: <http://kamtime.ru/node/2065> (дата обращения 28.05.2014 г.).
4. Остергрэн Д., Мэдсэн М. Программа опроса посетителей Камчатки. Kamchatka Visitor Survey. Петропавловск-Камчатский. 2008.
5. Перечень выставочных и презентационных мероприятий Камчатского края в 2014 году за пределами Камчатского края. Сайт Правительства Камчатского края. [Электронный ресурс] URL: kamchatka.gov.ru/file/komis/533/3579.docx (дата обращения 28.05.2014 г.).
6. Сайт Правительства Камчатского края [Электронный ресурс] URL: http://www.kamchatka.gov.ru/?cont=oiv_din&menu=4&menu2=0&id=180 (дата обращения 28.05.2014 г.).
7. Сайт Правительства Камчатского края. [Электронный ресурс] URL: kamchatka.gov.ru/file/komis/533/3579.docx (дата обращения 28.05.2014 г.).
8. Стратегия развития туризма Камчатского края до 2025 года // Сайт Правительства Камчатского края. [Электронный ресурс] URL: kamchatka.gov.ru/upfiles/200/report1_str.doc (дата обращения 28.05.2014 г.).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Dannye agentstva po turizmu Kamchatskogo kraja. Sajt Pravitel'stva Kamchatskogo kraja// [EHlektronnyj resurs] URL: http://www.kamchatka.gov.ru/?cont=oiv_din&menu=4&menu2=0&id=180(data obrashheniya 28.05.2014 g.).

2. Dikij losos'. EHkologicheskij marketing kak sposob sokhraneniya. Kamchatskoe Beringijskoe ehkoregional'noe otdelenie Vsemirnogo fonda dikoj prirody. Petropavlovsk-Kamchatskij. 2008.

3. Koreya stala blizhe! // Press-reliz Pravitel'stva Kamchatskogo kraja [EHlektronnyj resurs] URL: <http://kamtime.ru/node/2065> (data obrashheniya 28.05.2014 g.).

4. Ostergrehn D., Mehdsehn M. Programma oprosa posetitelej Kamchatki. Kamchatka Visitor Survey. Petropavlovsk-Kamchatskij. 2008.

5. Perechen' vystavochnykh i prezentatsionnykh meropriyatij Kamchatskogo kraja v 2014 godu za predelami Kamchatskogo kraja. Sajt Pravitel'stva Kamchatskogo kraja. [EHlektronnyj resurs] URL: kamchatka.gov.ru/file/komis/533/3579.docx (data obrashheniya 28.05.2014 g.).

6. Sajt Pravitel'stva Kamchatskogo kraja [EHlektronnyj resurs] URL: http://www.kamchatka.gov.ru/?cont=oiv_din&menu=4&menu2=0&id=180 (data obrashheniya 28.05.2014 g.).

7. Sajt Pravitel'stva Kamchatskogo kraja. [EHlektronnyj resurs] URL: kamchatka.gov.ru/file/komis/533/3579.docx (data obrashheniya 28.05.2014 g.).

8. Strategiya razvitiya turizma Kamchatskogo kraja do 2025 goda // Sajt Pravitel'stva Kamchatskogo kraja. [EHlektronnyj resurs] URL: kamchatka.gov.ru/upfiles/200/report1_str.doc (data obrashheniya 28.05.2014 g.).

Приложение 1

Количество иностранных граждан, граждан РФ, приехавших на Камчатку с целью туризма, и количество жителей Камчатского края, путешествующих внутри региона 2003-2013 гг.

Годы	Количество иностранных туристов (чел.)	Количество граждан РФ (чел.)	Количество жителей Камчатского края (чел.)	Всего
2003	8 000	13000*	-	21 000
2004	8400	4200	14000	26 600
2005	8600	3 500	19 500	31 600
2006	14500	2 000	21 500	38 000
2007	12 500	4 000	20 000	36 500
2008	14 000	4 300	20 000	38 300
2009	12 000	6 000	10 000	28 000
2010	12 000	21 000	20 000	53 000
2011	10 300	22 000	20 600	52 900
2012	6 536	20 000	20 000	46 536
2013	11 356	21 280	22 200	54 836

*количество российских туристов, включая жителей Камчатского края

Источник: [6]

Приложение 2. Круизные программы

Годы	Количество круизов/туристов
2003	8/3088
2004	8/4036
2005	10/7428
2006	2/9487
2007	16/6730
2008	11/7120
2009	12/5047
2010	9/6134
2011	8/2423
2012	9/1500
2013	14/6697

Источник: [6]

Приложение 3. Чартерные программы

Годы	Количество чартеров/туристов
2003	2/170
2004	-
2005	7/600
2006	12/1300
2007	8/1000
2008	17/1700
2009	11/1300
2010	15/1034
2011	6/563
2012	0/0
2013	6/667

Источник: [6]

Приложение 4

Перечень выставочных и презентационных мероприятий Камчатского края в 2014 году за пределами Камчатского края

Наименование, сроки и место проведения	Обоснование необходимости и цель	Ожидаемый результат
1. Туристская выставка (Милан, Италия), февраль 2014 года	Продвижение туристского бренда Камчатского края, представление камчатского турпродукта	Создание эффективной системы продвижения туристских ресурсов, услуг и продуктов Камчатского края. Привлечение дополнительных инвестиций в сферу въездного и внутреннего туризма на территории Камчатского края.
2. Международная туристская выставка New York Times Travel Show, США, г. Нью-Йорк, март 2014 г.	Продвижение туристического продукта на мировом рынке.	Создание эффективной системы продвижения туристских ресурсов, услуг и продуктов Камчатского края, привлечение дополнительных инвестиций в сферу въездного и внутреннего туризма на территории Камчатского края
4. Международная туристская выставка «ITB», Германия, г. Берлин, март 2014 г.	Продвижение туристского бренда Камчатского края на одной из самых крупных туристских выставок Европы. Представление камчатского турпродукта с целью повышения престижа у европейцев.	Установление деловых контактов с международными туроператорами, расширение деловых партнерских связей. Привлечение потенциальных туристов. Укрепление кооперации и координации международной выставочной деятельности с зарубежными органами управления туризмом, а также с предприятиями туристской индустрии.

Наименование, сроки и место проведения	Обоснование необходимости и цель	Ожидаемый результат
4. Международная туристская выставка «ITM» («Интурмаркет»), г. Москва, март 2014 г.	Продвижение туристского бренда Камчатского края. Участие в конференциях по проблемам развития туризма, семинарах, круглых столах, презентациях и пр.	Установление деловых контактов с туроператорами внутреннего и въездного туризма в РФ, расширение деловых партнерских связей и агентской сети, заключение договоров на предстоящий туристский сезон. Привлечение потенциальных туристов.
5. Международная туристская выставка MITT, г. Москва, март 2014 г.	Продвижение туристского бренда Камчатского края, представление камчатского турпродукта.	Ознакомление с передовым опытом и новейшими технологиями туристской индустрии. Установление деловых контактов с туроператорами внутреннего и въездного туризма в РФ, расширение деловых партнерских связей и агентской сети.
6. Международная туристская выставка «КОТФА», Республика Корея, г. Сеул, июнь 2014 г.	Продвижение туристского бренда Камчатского края, представление камчатского турпродукта.	Укрепление кооперации и координации международной выставочной деятельности с зарубежными органами управления туризмом, а также с предприятиями туристской индустрии.
7. Международная туристская выставка «JATA», г. Токио, Япония, сентябрь 2014 г.	Стимулирование потребительского спроса на осуществление туристских поездок на Камчатку.	Установление деловых контактов с международными туроператорами, расширение деловых партнерских связей. Привлечение потенциальных туристов. Установление контактов на высоком уровне.
8. Международная туристическая выставка CITM (China International Travel Mart), г. Шанхай, КНР, октябрь 2014 г.	Продвижение туристского бренда Камчатского края, представление камчатского турпродукта.	Установление деловых контактов с международными туроператорами, расширение деловых партнерских связей. Привлечение потенциальных туристов.

Источник: [7]

УДК 911.373

Фёдоров Р.Ю., Богордаева А.А.
Fyodorov R.Yu., Bogordaeva A.A.

Крестьянские переселения белорусов в Азиатскую Россию: география и мифы идентичности

**Peasant resettlements of Belorussians in the Asian Russia:
geography and myths of identity**

В статье исследованы особенности принципов расселения потомков белорусских крестьян-переселенцев, проживающих на территории Сибири и Дальнего Востока. В качестве ключевого фактора, определяющего пространственное поведение переселенцев, рассмотрены бытующие среди них «мифы идентичности», которые во многом определили характер их взаимодействий со старожильской средой, а также оказали влияние на особенности культурного ландшафта основанных ими поселений.

Ключевые слова: *крестьянские переселения, белорусы в Сибири, белорусы на Дальнем Востоке пространственное поведение, самоидентификация, мифы идентичности, принципы расселения, аграрные культурные ландшафты, дуальные поселения, топология сакральных традиций*

The article is devoted to the study of the principles of settling of descendants of the Belorussian peasants-migrants living on the territory of Siberia and the Far East. The myths of identity of the Belorussian peasants are considered as factors which affected to the nature of the interactions of the migrants and old-settlers as well as to the features of cultural landscapes of its settlements.

Key words: *peasant resettlements, Belorussians in Siberia, Belorussians in the Far East, spatial behaviour; self-identification; myths of identity; principles of settling; agrarian cultural landscapes; dual settlements, topology of sacral traditions*

Сегодня, спустя сто лет со времён проведения в жизнь столыпинской реформы, остаются до конца не изученными культурные последствия этого грандиозного по своим масштабам эксперимента, существенным образом изменившего структуру расселения на территории Азиатской России. Его уникальность в первую очередь состоит в том, что впервые в российской истории большое количество представителей наиболее «заземлённого» – на протяжении столетий лишённого пространственной мобильности сословия – крестьянства, оказалось приведено в движение на дистанции, исчислявшиеся многими тысячами километров. Его результатом стала своеобразная «имплантация» крестьянских общин на

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект 13-21-01004а(м)

ФЁДОРОВ Роман Юрьевич, к.филос.н., старший научный сотрудник Института криосферы Земли СО РАН (г. Тюмень). **E-mail:** r_fedorov@mail.ru

БОГОРДАЕВА Аксана Александровна, к.и.н., старший научный сотрудник Института проблем освоения Севера СО РАН (г. Тюмень). **E-mail:** bogordaeva@mail.ru

новую кормящую землю и в чуждое им этнокультурное окружение. На сегодняшний день существует множество работ, в которых детально исследованы социально-экономические последствия массовых крестьянских переселений [1; 2; 3; 8]. Однако этот богатейший материал, связанный с масштабными культурными трансформациями в жизни России, пока так и не стал объектом систематических исследований, осуществляемых с позиций гуманитарной географии. При этом следует отметить, что методологический потенциал ряда направлений гуманитарной географии, сложившихся в России на протяжении последних десятилетий, обладает высокой продуктивностью применительно к разработке данной задачи. Прежде всего к таким подходам можно отнести школу этнокультурного ландшафтоведения В.Л. Калуцкого [14; 15] исследования в русле образной географии Д.Н. Замятина [9; 10] и мифогеографии И.И. Митина [19]. Изучение с теоретико-методологических позиций этих направлений пространственной организации архетипических составляющих духовной культуры сельских общин значительно расширяет эвристические горизонты исследований, как правило, проводимых лишь в рамках традиционной историко-этнографической предметности. С этих позиций в работе предпринята попытка изучения особенностей идентичности переселенцев, которая во многих случаях рассматривалась нами в качестве решающего фактора, влияющего на их пространственное поведение и организующего многие важные социокультурные процессы, происходившие в их среде.

Эмпирическая база работы преимущественно опирается на результаты собственных полевых исследований в местах компактного проживания потомков белорусских крестьян-переселенцев второй половины XIX – начала XX вв., проведённых нами в период с 2009 по 2014 годы в рамках совместных исследовательских проектов Тюменского научного центра СО РАН и Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси, поддержанных грантами Российского гуманитарного научного фонда и Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований. Методологический инструментарий исследования был направлен на обеспечение комплексного подхода, призванного рассмотреть пространственную динамику разных компонентов традиционной культуры переселенцев. Для достижения этих целей, в ходе экспедиций использовались такие методы, как включённое наблюдение, формальное анкетирование и запись жизненных историй старожилов, а также сравнительно-исторические исследования духовной и материальной культуры, принципов расселения и топонимики, направленные на изучение закономерностей пространственного поведения белорусских крестьян, переселившихся на территорию Азиатской России. Географические рамки исследования включали ряд регионов Урала, Сибири и Дальнего Востока, в которых, благодаря их природно-климатическим условиям, крестьянские переселения имели наиболее массовый характер.

Пространственное поведение и идентичность

Сам по себе процесс переселения белорусских крестьян в Сибирь стал одной из отправных точек в формировании их новой идентичности. Долгий и трудный путь, который преодолевали переселенцы, являлся серьёзным испытанием, коренным образом трансформировавшим у них картину окружающего мира и своего места в нём. Об этом ярко свидетельствует распространённое в Сибири самоназвание «самоходь». Самоходами было принято называть переселенцев из западных губерний – чаще всего с территории современной Беларуси, хотя во многих случаях нами было зафиксировано применение этого названия к выходцам из

Украины и центральных губерний России. Потомки переселенцев обычно объясняют происхождение этого слова тем, что до постройки Транссибирской магистрали их предки двигались в Сибирь "своим ходом", везя свои пожитки на обозах. В белорусском языке слово "самохаць" означает "добровольно, по своему желанию" [5, с. 218]. Таким образом, самоходами были те люди, которые пришли в Сибирь самовольно, тем самым, представляя собой наиболее мобильную часть крестьянства, не побоявшуюся пройти тысячи километров трудного пути в поисках лучшей доли. Слово «самоход» нередко трактуется в качестве своеобразной оппозиции к понятию «чалдон», которым обозначалось русское старожильческое население Сибири. Таким образом, одной из смысловых граней оппозиции этих двух понятий, является статика и динамика.

Помимо народной памяти, слово «самоход» стало организующим концептом и в ряде художественных текстов, посвящённых быту переселенцев. Московский писатель Н.Д. Телешов (1867 – 1957) во время путешествия по Сибири создал цикл рассказов под общим названием «Переселенцы». В нём были зафиксированы впечатления от увиденных воочию судеб крестьян-переселенцев и их быта. В опубликованном в 1894 году рассказе «Самоходы» Телешовым подробно описаны все тяготы странствия в Сибирь большой крестьянской семьи, состоящей из трёх поколений [23, с. 184-187]. В другом литературном произведении – повести «Самоходы. Семейная хроника», красноярский писатель Н.С. Устинович (1912 – 1962), опираясь на воспоминания детства и рассказы родителей, подробно описал процесс переезда и адаптации в Сибири своей семьи [24, с. 39-52]. Данные тексты представляет большой интерес тем, что в них продемонстрированы процессы формирования новой идентичности переселенцев. Эту идентичность нельзя в полной мере свести лишь к этнокультурным аспектам. Очевидно, что её природа во многом связана с особенностями пространственного поведения. Само по себе слово «самоход» уже не тождественно прежнему этнокультурному положению переселенцев. Скорее оно символизирует их новый статус – людей, прошедших большой путь и начавших новую жизнь на другом месте. При этом в повседневной жизни слово «самоход», как правило, заменяет определение национальной принадлежности крестьян. Во многом это обусловлено и тем, что в силу особенностей своего исторического развития в белорусском этносе сложился целый ряд парадоксов идентичности. Одним из них стал феномен тутэйшыны, о котором А.Е. Богданович писал следующее: *«Если вы к таким белорусам обратитесь с вопросом – кто они такие в смысле национальности, то очень многие вам только и смогут сказать, что они «тутэйшыя», т.е. здешние... И к вашему заявлению, что они русские или белорусы, они отнесутся довольно скептически: называй, дескать, как хочешь...»* [6, с. 15]. Ввиду данного обстоятельства, а также благодаря тому, что белорусское национальное самосознание стало окончательно складываться лишь в первые десятилетия советской власти, у прибывших в Сибирь переселенцев доминировала не этническая, а региональная самоидентификация. К примеру, информатор Василий Родиков, 1929 г.р. из деревни Татьянавка Шегарского района Томской области, отмечал, что поселившиеся в его родной деревне выходцы из Белоруссии разделяли друг друга на «минских» и «витебских», по губерниям, откуда они были родом¹. Основные различия этих групп он объяснял особенностями произношения отдельных звуков, различиями в проведении праздников и обрядов, а также декоративных мотивов одежды и рушников. Данную ситуацию можно назвать типичной ввиду того, что подобные рассказы

¹ Материалы этнографической экспедиции в Шегарский район Томской области, 2011 г.

были зафиксированы нами среди потомков белорусских переселенцев, проживающих во многих других регионах Сибири. Называть себя белорусами большинство потомков переселенцев начали достаточно поздно. По рассказам информаторов, наиболее часто осознанию их национальной принадлежности способствовали оставшиеся связи на родине предков или внешняя национальная идентификация.

Можно выделить две основные модели корреляции принципов расселения и этнокультурной самоидентификации потомков белорусских переселенцев, доминирующие на территории Сибири. Первую модель можно охарактеризовать следующей ситуацией. Первоначально группы белорусских переселенцев, прибывшие в Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв., основывали собственные компактные поселения, образующие кусты деревень или хуторов. На первых порах в них продолжали доминировать традиционная культура и принципы хозяйствования, привнесённые из мест выхода переселенцев. Однако в период политики коллективизации, продолжавшийся с конца 1920-х до начала 1940-х гг., население многих подобных поселений начало насильственно сбиваться в крупные колхозные посёлки. В них, как правило, имели место процессы разрушения традиционного жизненного уклада переселенцев, со временем приводившие к всё большему размыванию граней их этнокультурной самоидентификации. Сегодня для поселений подобного типа характерна высокая степень ассимиляции потомков белорусских переселенцев (Манский район Красноярского края, Шегарский район Томской области, Тарский и Муромцевский районы Омской области и др.). Иная модель характерна для обойдённых стороной коллективизацией кустов небольших белорусских деревень, сохранившихся на территории Урала и Сибири до наших дней. Будучи окружены иной этнокультурной средой, потомки белорусских переселенцев продолжали жить достаточно обособленными общинами, в которых на протяжении жизни трёх-четырёх поколений сохранялась высокая степень идентичности, сопровождаемая воспроизводством многих региональных особенностей материальной и духовной культуры, присущих местам выхода предков (Баяндаевский район Иркутской области, Викуловский район Тюменской области, Петуховский район Курганской области и др.). Подобная ситуация была в первую очередь обусловлена тем, что противопоставление старожильческих и новопоселенческих крестьянских общин, основанное на мировоззренческой оппозиции "свой-чужой", не только препятствовало быстрой ассимиляции белорусских переселенцев на новом месте, но в некоторых случаях даже способствовало усилению их этнокультурной самоидентификации.

В географии массовых крестьянских миграций второй половины XIX – начала XX столетия Дальний Восток естественным образом явился крайней точкой, которой достигли волны аграрного освоения Азиатской России. Поселившиеся здесь крестьяне, преодолевшие такие же колоссальные расстояния, что и европейские колонизаторы Нового Света, столкнулись с непривычными природно-климатическими условиями. Ещё более необычным оказалось новое этническое окружение переселенцев. На своей родине предки белорусов на протяжении многих столетий проживали в этноконтактной зоне, переходной между славянской и балтской культурами, православием и католицизмом, русской и европейской моделями социально-политического устройства общества. Дальний Восток – противоположный, азиатско-тихоокеанский, фронт – стал местом этнических контактов заселявших его выходцев из разных уголков Российской империи с китайцами, японцами, корейцами, а также малыми коренными народами. Данные обстоятельства обуслови-

ли специфические тенденции в этнокультурной адаптации белорусских переселенцев на Дальнем Востоке.

Анализ полевых этнографических материалов, собранных нами на территории Приморского и Хабаровского краёв, а также Амурской области, свидетельствует о серьёзных различиях в принципах этнокультурной самоидентификации белорусских переселенцев в Сибири и на Дальнем Востоке¹. По данным проведённых нами экспедиционных исследований в местах компактного проживания потомков белорусских крестьян-переселенцев, ареал самоназвания «самоход» отчётливо фиксировался на территории от Зауралья до Прибайкалья. На Дальнем Востоке упоминание этого самоназвания ни разу не было нами зафиксировано. Отсутствие специфических самоназваний у выходцев из западных губерний можно объяснить тем, что на территориях «позднего освоения» разные группы переселенцев находились в более или менее равных условиях и это способствовало их быстрой этнокультурной консолидации. Конфликты, которые возникали между ними, чаще всего были связаны с сугубо хозяйственными проблемами. Одна из них состояла в том, что до 1900 г. переселенцам выделялись наделы по 100 десятин на семью, тогда как последующим группам прибывших в Приморье крестьян начали выделять по 15 десятин на душу. Данная ситуация нередко вызывала хозяйственные споры между «стодесятинниками» и новосёлами [28, с. 34], но эти конфликты, как правило, не были связаны с этнокультурными противоречиями в Сибири между чалдонами и самоходами.

Ввиду отсутствия в Приморье самоназваний, акцентирующих подобно слову «самоход» не национальность, а новый этнокультурный статус переселенцев, на его территории доминирует традиционная для Европейской России национальная самоидентификация. Подавляющее большинство потомков переселенцев – восточных славян, включая украинцев и белорусов, сегодня склонны считать себя русскими.

Культурный ландшафт и идентичность

Учитывая многообразие и неоднозначность трактовки понятия «культурный ландшафт» [7, с. 9; 12, с. 114; 13, с. 24], можно обозначить целый ряд возможных подходов к его изучению применительно к местам компактного проживания белорусских переселенцев в Сибири.

Одним из таких подходов, который можно условно назвать «натуроцентристским», является изучение особенностей преобразования переселенцами природных ландшафтов, на которых они основали свои поселения. При этом применительно к аграрной среде наибольшее значение приобретает культура земледелия. К примеру, на территории Баяндаевского района Иркутской области белорусские переселенцы основали свои деревни на землях, на которых ранее проживало бурятское коренное население, традиционная культура жизнеобеспечения которых была преимущественно связана с кочевым животноводством. Поэтому белорусы здесь первыми начали обрабатывать землю, вводя её в хозяйственный оборот. С родины они привезли в Сибирь картошку, семена льна и конопли. Из льна и конопли вплоть до 1960-х гг. местные женщины ткали холсты, из которых шили одежду. Культивирование льна белорусские переселенцы начинали сразу при освоении участка под пашню, ввиду того что помимо его использования для изготовления одежды и масла он обладал полезными свойствами для подготовки под

¹ Материалы этнографических экспедиций в Михайловский район Приморского края и Свободненский район Амурской области (2013 г.), а также в район им. Лазо Хабаровского края (2014 г.).

посев озимых и помогал бороться с сорняками. В большинстве случаев, выращивание и обработка льна преследовали цель обеспечить семью одеждой, необходимыми предметами быта и ритуально-обрядовых действий (скатертями, полотенцами, рушниками и т.д.). В годы советской власти в местах компактного проживания белорусов можно было нередко встретить попытки промышленного производства изделий изо льна.

Первые поколения переселенцев плели берёзовые лапти. Картошка стала основой для ряда национальных блюд (драники, колдуны и т.д.). Таким образом, привнесённая из мест выхода культура природопользования не только преобразовывала окружающие ландшафты, но и породжала цепочки жизнеобеспечения, которые можно рассматривать в качестве своеобразных объективаций идентичности общины в географическом пространстве.

Ещё одной специфической гранью культурного ландшафта белорусских деревень в Сибири является их топонимика. Можно выделить несколько типичных ситуаций, связанных с возникновением названий переселенческих деревень. Некоторые населённые пункты получали свои названия по местам выхода переселенцев. К примеру, в Красноярском крае в Большемуртинском районе есть посёлок Минск, в Балахтинском районе деревня Виленка, а в Ирбейском районе деревня Миношка. В Болотинском районе Новосибирской области сохранилась деревня Витебск, а в Баяндаевском районе Иркутской области село Лидинское.

Другая группа топонимов основанных переселенцами деревень связана с приставками, образуемыми от слов «новый» и «малый». К примеру, партия «панцирных бояр» из Невельского уезда Витебской губернии, подселённая в результате реформы П.Д. Киселёва в сложившуюся ранее сибирскую старожильческую деревню Локти (ныне Ишимский района Тюменской области), недовольная совместной жизнью с чалдонами, добила основания близости собственной деревни, которая получила название Новые Локти. Жителям расположенной рядом деревни Мизоново не было разрешено поселиться отдельно от старожилков. По рассказам информаторов из деревни Мизоново, после прихода панцирных бояр она оказалась фактически разделённой на две части, в одной из которых жили чалдоны, в другой – самоходы. Местные жители начали неофициально именовать чалдонскую часть деревни Старомизоново, а самоходскую – Новомизоново. Сохранилось предание о том, что в деревне существовал свой материальный маркер границы старожильческого и новопоселенческого миров. Для этих целей в условленном месте был установлен специальный межевальный столб. Даже после смерти местных старожилы и переселенцы находили своё последнее пристанище в разных местах. Для этих целей кладбище было разгорожено на две части специально вырытой канавой. На одной части хоронили чалдонов, на другой – самоходов¹.

Схожий эпизод можно проследить в истории переселения панцирных бояр из Себежского уезда Витебской губернии в Бергамацкую волость Тарского округа. В конце 1880-х-1890-е гг. они добились разделения деревни Скирлы, в которой они поселились, на два самостоятельных населённых пункта. Старожильческая часть деревни получила название Старая Скирла, переселенческая часть стала называться Малой Скирлой [4, с. 124-129]. Данную, повторяющуюся в рассказах информаторов ситуацию, мы назвали феноменом «дуального поселения», характеризующего тем, что одна деревня разделена на две части, жители каждой из которых обладают чётко выраженной идентичностью, противопоставленной идентичности соседей. Ещё одной зафиксирован-

¹ Материалы этнографической экспедиции в Ишимский район Тюменской области, 2010 г.

ной нами вариацией полиидентичной деревни является ситуация, когда поселение состоит из улиц, каждая из которых названа в честь мест выхода селившихся на них переселенцев. В частности, нами было записано немало рассказов о том, как в одной деревне, основанной выходцами из разных мест, могли располагаться Могилёвская, Вятская или Черниговская улицы, между жителями которых выстраивались свои особые регламенты отношений. Так, они могли враждовать или соперничать друг с другом, устраивать сватовства и т.д.

Однако далеко не все названия переселенческих населённых пунктов связаны с особенностями пространственного поведения и самоидентификации поселившихся здесь белорусов. Среди рассмотренных нами деревень можно выделить немало случаев, когда они получали названия, производные от имён своих основателей или от православных праздников в соответствии с теми же традициями, которые имели место среди сибирских старожилов.

В нашей практике фиксировались и некоторые курьёзные случаи. На территории Баяндаевского района Иркутской области расположены основанные белорусскими переселенцами деревни Тургеневка, Толстовка и Гоголевка. В устных преданиях местных жителей нередко можно встретить объяснение происхождения этих названий тем, что значительная часть поселившихся здесь крестьян были грамотными и с первых же лет жизни в Сибири стремились привить грамоту своим детям. Но существует и другая, более правдоподобная версия происхождения названий этих деревень. Среди местных земских чиновников, отводивших участки для заселения крестьян, было много представителей интеллигенции, которые могли хорошо знать и ценить русскую литературу. Учитывая то, что участкам, отводимым переселенцам, чиновники нередко давали названия (ими могли быть «Тургеневский участок», «Толстовский участок» и т.д.), можно предположить, что последние могли унаследовать и основанные на их месте деревни [26, с. 96-103].

Другим важным компонентом культурного ландшафта белорусских переселенцев является создаваемые ими объекты материальной культуры, к которым можно отнести жилые и хозяйственные постройки, образующие усадьбы, а также одежду, украшения, утварь и орудия труда. Однако в отличие от городских культурных ландшафтов, материальная среда аграрных поселений подвержена достаточно быстрым трансформациям, которые нередко приводят к утрате её самобытных черт. Так результаты экспедиций свидетельствуют о том, что большинство деревянных домов и усадеб, построенных около ста лет назад первым поколением переселенцев, не сохранилось до наших дней либо они претерпели существенные перепланировки. По дошедшим до нас устным описаниям и фотографиям можно судить о том, что именно эти ранние постройки во многом воспроизводили многие уникальные региональные черты архитектуры, привнесённые из мест выхода переселенцев. Значительная часть домов, в которых живут сегодняшние обитатели исследованных нами деревень, была построена во второй половине XX века и утратила эти особенности. Во многом это было связано с необходимостью адаптации к новым, более суровым природно-климатическим условиям, для которых более приемлемыми являлись архитектурные традиции, сформировавшиеся в старожильской среде. Поэтому, несмотря на часто фиксируемые «декларативные» противопоставления переселенцев культуре старожилов, первые, во многих случаях охотно приобретали дома у чалдонов, либо начинали строить их по сложившимся в Сибири традициям. Однако при этом в хозяйственных постройках многих деревень, основанных белорусами в Сибири, можно проследить характерные

лишь для их родины приёмы. К ним можно отнести до сих пор имеющие широкое распространение колодцы-журавли.

Определённую стойкость среди представителей старших поколений сохранили элементы материальной культуры, имеющие выраженное сакральное значение. В белорусской традиционной культуре к их примерам можно отнести рушники. К примеру, в деревне Осиновка Викуловского района Тюменской области, основанной выходцами из Могилёвской губернии, до сих пор сохранилась традиция обвязывать рушниками могильные кресты после похорон, а также на такие праздники, как Радунца.

В целом, результаты полевых исследований указывают на то, что те материальные составляющие культурного ландшафта переселенческих деревень, которые были связаны с практической хозяйственной деятельностью, довольно быстро претерпели трансформации, приобретая более рациональные для данной местности формы, которые чаще всего были заимствованы у старожильского населения. Иная ситуация складывалась с теми объектами материальной культуры, которые являлись частью обрядово-культурных традиций переселенцев. В этом случае, архетипы духовной культуры местной общины способствовали продолжению репродуцирования определённых самобытных материальных составляющих культурного ландшафта. При этом, очевидно, что лишь в случае комплексного рассмотрения как материальной, так и духовной культуры переселенцев возможно адекватное «прочтение» их культурного ландшафта.

Топология обрядово-культурных традиций

Отдельным направлением проводимых нами работ стало изучение географии обрядово-культурных традиций переселенцев. Термин «обрядово-культурные традиции» стал производным от предложенного нами ранее более широкого понятия «обрядово-культурные системы», под которыми нами подразумевается совокупность ритуальных действий, направленных на массовое воспроизведение в масштабах этноса определённой ценностно-мировоззренческой парадигмы, обеспечивающей адаптацию человека к окружающей природной и социальной среде или утверждение определённых религиозных и общественных идеалов, направленных на их преобразование [27].

В отличие от материальных артефактов, изучение топологии обрядово-культурных традиций белорусских переселенцев в Сибири представляет собой ещё большую сложность ввиду быстрой динамики их трансформаций и общих процессов угасания данных пластов народной культуры. Несмотря на это в ходе исследований нами был зафиксирован целый ряд аутентичных традиций, представляющих собой большой интерес с точки зрения сакральной географии.

Удалённость многих переселенческих деревень от церковных приходов, усилившаяся в годы советской власти, способствовала широкому бытованию в них народных православных традиций. Данные обстоятельства породили следующую специфическую ситуацию. Находясь вдали от канонических сакральных центров (храмов и монастырей), переселенческие общины создавали своеобразные мобильные сакральные топосы, выступавшие в качестве важных коммуникативных начал, обеспечивающих их соборность. Среди них – обрядовые комплексы, на сегодняшний день оказавшиеся почти утраченными в местах выхода предков переселенцев, но сохранившиеся на протяжении более чем ста лет в «законсервированном виде» в Сибири. К наиболее ярким примерам, иллюстрирующим их специфику, можно отнести почитание и обряд переноса иконы «Свеча» в деревне Осиновка Викуловского райо-

на Тюменской области. Ввиду того что сам обряд был подробно описан нами в ряде предыдущих публикаций [25; 17], ограничимся лишь его кратким пересказом. Почитаемая в Осиновке икона "Воскресение Христова", называемая местными жителями "Свечой", принадлежит всей деревенской общине. На протяжении года она хранится в одной семье, после чего на Рождество состоится перенос иконы в другой дом. Словом "Свеча" в Осиновке называют как саму икону, так и обряд её переноса. На территории Белоруссии данный обряд уходит корнями в традиции «медовых братств» – обществ полупереховного характера, чаще всего существовавших в деревнях [11, с. 385]. Одним из их объединяющих начал являлись «братчины» – братские восковые свечи, которые ежегодно наращивалась всеми членами общины и порой достигали чрезвычайно больших размеров. Подобные свечи обычно назывались Братчиной или Кануном и хранились в течение года в одной семье, с последующим переносом в другой дом в день того святого, которому она посвящена. Как отмечает Т.А. Листова, *«эта свеча становится организующим началом нового сообщества, объединённого патронатом определённого святого, чьё покровительство и реализуется через данный сакральный объект»* [16, с. 145].

Иная ситуация сложилась в тех районах Могилёвской губернии, откуда прибыли переселенцы, основавшие деревни Осиновка и Ермаки (Дудичевская, Кошелевская и Меркуловицкой волости Рогачевского уезда). В исследованиях Г.И. Лопатина отмечалось, что в ряде деревень Могилёвщины, помимо братских свечей, "Свечами" называют иконы, которым поклоняются все жители деревни. При этом Г.И. Лопатин отмечал, что "Свечами" в населённых пунктах Восточного Полесья называли как сам обряд, так его ритуальные принадлежности [18, с. 402-416]. Опираясь на приведённое выше описание обряда "Свечи" в местах выхода белорусских переселенцев, можно говорить о почти полной сохранении его аутентичности в Сибири.

Примечательно, что в данном случае, ввиду отсутствия в деревне церкви, дом, в котором хранится икона, превращается в своеобразный временный сакральный центр поселения. По определению белорусской исследовательницы Л. Романовой, *«такой дом становится своеобразной церковью»* [22, с. 104]. Его двери всегда были открыты для желающих помолиться и поклониться иконе. Учитывая тот факт, что на территории Белоруссии многие «Свечи» начинали носить по обету во время событий, угрожавших жизни её населения (стихийные бедствия, голод, эпидемии) [29, с. 180], можно предположить, что традиция осиновской «Свечи» могла возникнуть как ответ на жизненные трудности, которые испытывали переселенцы на новом месте. Смысл привнесённого белорусами в Сибирь обряд "Свеча" можно интерпретировать в разных приближениях. С одной стороны, его можно рассматривать в качестве своеобразного мобильного сакрального центра поселения. Одновременно с этим, он является уникальным архетипом региональной культуры из мест выхода предков переселенцев, который обрёл новую жизнь за несколько тысяч километров от традиционного ареала своего распространения¹.

Заключение

В приведённом выше обзоре, опирающемся на наиболее яркие эпизоды полевых исследований, нами были абрисно намечены некоторые актуальные направления исследований культурной географии пересе-

¹ Материалы этнографических экспедиций в Викуловский район Тюменской области, 2009, 2011 и 2014 гг.

ленческих деревень. Безусловно, многие из них могут быть применимы не только к исследованию мест компактного проживания белорусов, но и к любому другому этносу.

В отличие от многих районов Европейской России, в которых сохранились аграрные районы с достаточно однородным этническим составом, для Сибири и Дальнего Востока более характерна «лоскутная» организация их пространства. В ней значительно чаще можно встретить соседство поселений с довольно пёстрым этноконфессиональным составом. Несмотря на целый ряд социально-демографических процессов, стирающих грани этнокультурного разнообразия российской деревни (депопуляция сельского населения, укрупнение населённых пунктов, разрушение традиционных национальных культур), проблема изучения пространственной организации аграрной среды Азиатской России остаётся весьма актуальной.

Ключевую роль в «культурном разнообразии» сибирской и дальневосточной деревни продолжает играть проблема идентичности. В ходе экспедиций мы не раз отмечали, что началом самобытности культуры того или иного поселения является осознание представителями живущей в нём общины своей уникальности, инаковости по отношению к соседям. Разумеется, идентичность такого рода, как правило, больше носит декларативный характер и во многом опирается на локальные мифы, обосновывающие исключительные черты того или иного пространственного образования. Приведём лишь несколько примеров из нашей полевой практики, иллюстрирующих данную ситуацию.

Несмотря на общие процессы ассимиляции потомков белорусских переселенцев на территории Дальнего Востока, сегодня среди них можно наблюдать и процесс своеобразной «латентной идентичности». Её активизация была зафиксирована нами в ходе чрезвычайной ситуации. В августе 2013 г. во время стихийного бедствия, связанного с масштабным наводнением в Приамурье, имела место активная консолидация и взаимопомощь людей по национальному, «земляческому» принципу. Так, добровольцы действующей в Благовещенске автономной некоммерческой организации «Белорусское землячество», возглавляемой уроженцем г. Рогачева Гомельской области Н.М. Васильевым, оказывали адресную помощь жителям «белорусских» деревень. Члены землячества брали шефство над наиболее незащищёнными пожилыми жителями затопленных селений, оказывали помощь в их эвакуации, а также в восстановлении пострадавших от наводнения домов. Правительство Республики Беларусь доставило в Благовещенск транспортным самолётом Ил-76 сорок три тонны гуманитарной помощи, основу которой составило детское питание. Помимо этого из Беларуси по железной дороге для всех пострадавших жителей Приамурья были доставлены консервы и картофель¹. Данная ситуация свидетельствует, что сохранение национального самосознания и культурных традиций переселенцев во многих случаях можно рассматривать в качестве важного социального капитала, способствующего сплочению людей в чрезвычайных обстоятельствах.

В ходе проведённого нами опроса, большинство жителей куста белорусских деревень Тургеневка, Толстовка, Васильевка, Лидинское и др., расположенных в Баяндаевском районе Иркутской области, отмечало, что к концу 1980-х-началу 1990-х годов они почти утратили осознание своей национальной принадлежности. Свою вторую жизнь этническое самосознание жителей этих деревень обрело в конце 1990-х годов, когда представители созданного в Иркутске Товарищества белорусской культуры им. Яна Черского, начали регулярно приезжать в эти деревни, проводя фольклорные экспедиции, устраивая реконструкции бело-

¹ Материалы этнографической экспедиции в Амурскую область, 2013 г.

русских народных праздников и обрядов. В результате деятельности товарищества, направленного на возрождение белорусской идентичности, в Тургеневке за короткий срок был открыт народный музей белорусской культуры, в средней школе начато ведение факультативных занятий по белорусскому языку, создано несколько фольклорных коллективов, а на въезде в деревню установлен знак «Беларуская вёска Тургенеўка».

Таким образом, на осколках угасающего национального самознания был создан своеобразный «белорусский миф», превратившийся в важную для местного сообщества объединяющую идею, способствующую возрождению многих локальных традиций. Оценивая сегодняшний социокультурный облик этих деревень, можно говорить о том, что культивация этого «мифа идентичности» в целом имела много положительных сторон. В отличие от ряда соседних деревень, в Тургеневке была создана ситуация, стимулирующая занятия детей и молодёжи созидательной деятельностью, привитию им любви к малой родине, которая увеличивает шансы того, что будущие поколения будут заинтересованы в сохранении местных культурных традиций. Жителями Тургеневки предпринимаются попытки развития этнографического туризма в качестве одного из факторов сохранения их деревни, дальнейшее существование которой может быть поставлено под вопрос нарастающими процессами депопуляции, связанными с отсутствием работы для молодых поколений¹.

Отсутствие подобных мифов, в наших наблюдениях, нередко становится индикатором социокультурной аморфности места, указывающей на неясные перспективы его дальнейшего существования. Поэтому нами был сделан вывод о том, что наличие своеобразного «мифа идентичности», выступающего в качестве объединяющего коммуникативного начала для того или иного локального сообщества, является важным фактором для устойчивого существования и развития территориального образования любого масштаба. При этом опасения некоторых скептиков по поводу того, что развитие подобной «мифологии» может способствовать нарастанию регионального сепаратизма, угрожающего целостности государства, на наш взгляд, являются во многих случаях однобокими и лишёнными достаточных оснований. Другой положительной стороной данных процессов является ситуация, когда данные локальные «мифы идентичности» начинают работать друг на друга по принципу поляризованного ландшафта, сформулированному Б.Б. Родоманом, который отмечал, что «не только наличие каких либо природных и культурных богатств, но и различия их от места к месту сами по себе являются важными ресурсами» [21, с. 23].

¹ Материалы этнографической экспедиции в Баяндаевский район Иркутской области, 2012 г.

Литература

1. Аврех А.Я. П.А. Столыпин и судьбы реформ в России. М.: Политиздат, 1991. 285 с.
2. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI – XX века. Рос. акад. наук, Урал. отд-ние, Ин-т истории и археологии. М.: Наука, 2004. 600 с.

3. Анфимов А.М. П.А. Столыпин и российское крестьянство. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2002. 299 с.
4. Багашев А.Н., Федоров Р.Ю. Особенности этнокультурной идентичности белорусских переселенцев в Западной Сибири. // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. № 3(51). с. 124-129.
5. Беларуская-Рускі слоўнік. Мінск: Аверсэв, 2003. 372 с.
6. Богданович А.Е. Пережитки древнего миросозерцания у белорусов. Этнографический очерк. М.: ИЦ «Слава!», 2009. 160 с.
7. Веденин Ю.А. Очерки по географии искусства. СПб.: Дмитрий Буланин М.: РНИИ культурного и природного наследия, 1997. 224 с.
8. Верещагин П.Д. Крестьянские переселения из Белоруссии (вторая половина XIX в.). Минск: Изд-во БГУ, 1978. 142 с.
9. Замятин Д.Н. Моделирование географических образов. Пространство гуманитарной географии. Смоленск: Ойкумена, 1999. 256 с.
10. Замятин Д.Н. Метагеография: Пространство образов и образы пространства. М.: Аграф, 2004. 512 с.
11. Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: Сборник статей. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 576 с.
12. Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М.: Наука, 1991. 511 с.
13. Калущков В.Н. Основы этнокультурного ландшафтоведения. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. 94 с.
14. Калущков В.Н. Ландшафт в культурной географии. М.: Новый хронограф, 2008. 230 с.
15. Листова Т.А. Братский праздник «Свеча» на белорусско-русском пограничье. Ареал распространения и локальные особенности. // Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі. Вып. 3: у 2 ч. Частка 2. Мінск: Права і эканоміка, 2007. С. 145-151.
16. Лобачевская О.А., Федоров Р.Ю. «Свеча» в Сибири: этнографический и культурно-антропологический аспекты бытования обряда у белорусских переселенцев. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 1 (16). С. 72-82.
17. Лопатин Г.И. «Икона звалась свячой...»: Из опыта изучения обряда «Свячъ» в Восточном Полесье // Антропологический форум. 2008. № 8. С. 402-416.
18. Митин И.И. Комплексные географические характеристики. Множественные реальности мест и семиозис пространственных мифов. Смоленск: Ойкумена, 2004. 160 с.
19. Митин И.И. На пути к мифогеографии России: «игры с пространством» // Вестник Евразии. 2004. № 3. С. 140-161.
20. Исаченко А.Г. Ландшафты СССР. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. 320 с.
21. Родоман Б.Б. Поляризованная биосфера. Смоленск: Ойкумена, 2002. 335 с.
22. Романова Л. «Свяча ці народам, ці богам суждана». Абрад «Свяча». // Роднае слова. 2004. №3. С. 104.
23. Телешов Н.Д. Рассказы. Повести. Легенды. М.: Сов. Россия, 1983. 336 с.
24. Устинович Н.С. "Самоходы": Семейная хроника // Енисей 1963. Кн. 4 (40). С. 39-52.
25. Федоров Р.Ю. Обряд "Свеча" у белорусских переселенцев в Западной Сибири. // Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі. Вып. 10. Мінск: Права і эканоміка, 2011. С. 465-469.
26. Федоров Р.Ю., Богордаева А.А. Историко-этнографические аспекты жизни белорусских переселенцев в Прибайкалье. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. №1 (20). с. 96-103.
27. Федоров Р.Ю., Фишер А.Н. Обрядово-культурные системы восточных славян: генезис и современное состояние. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. №7 (33) 2013. Ч.2. С. 170-176.

28. Фетисова Л.Е. Белорусы в Приморье // Многонациональное Приморье: История и современность: Материалы науч.-практ. конф. Владивосток: Изд-во Дальневост. гос. морской акад., 1999. С. 34-37.

29. Шейн П.В. Материалы для изучения быта и языка населения Северо-Западного края. Т. III // Сб. отделения русского языка и словесности. СПб., 1902. Т. 72. С. 180.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Avrekh A.YA. P.A. Stolypin i sud'by reform v Rossii. M.: Politizdat, 1991. 285 s.

2. Aziatskaya Rossiya v geopoliticheskoy i tsivilizatsionnoj dinamike XVI – XX veka. Ros. akad. nauk, Ural. otd-nie, In-t istorii i arkheologii. M.: Nauka, 2004. 600 s.

3. Anfimov A.M. P.A. Stolypin i rossijskoe krest'yanstvo. M.: In-t rosi. istorii RAN, 2002. 299 s.

4. Bagashev A.N., Fedorov R.YU. Osobennosti ehtnokul'turnoj identichnosti belorusskikh pereselentsev v Zapadnoj Sibiri. // Arkheologiya, ehtnografiya i antropologiya Evrazii. 2012. № 3(51). s. 124-129.

5. Belaruska-Ruski sloŭnik. Minsk: Aversehv, 2003. 372 c.

6. Bogdanovich A.E. Perezhitki drevnego mirosozertsaniya u belorusov. Ehtnograficheskiy ocherk. M.: ITS «Slava!», 2009. 160 s.

7. Vedenin YU.A. Ocherki po geografii iskusstva. SPb.: Dmitrij Bulanin M.: RNIi kul'turnogo i prirodnogo naslediya, 1997. 224 s.

8. Vereshhagin P.D. Krest'yanskie pereseleniya iz Belorussii (vtoraya polovina XIX v.). Minsk: Izd-vo BGU, 1978. 142 s.

9. Zamyatin D.N. Modelirovanie geograficheskikh obrazov. Prostranstvo gumanitarnoj geografii. Smolensk: Ojkumena, 1999. 256 s.

10. Zamyatin D.N. Metageografiya: Prostranstvo obrazov i obrazy prostranstva. M.: Agraf, 2004. 512 s.

11. Kaganskij V.L. Kul'turnyj landshaft i sovetskoe obitaemoe prostranstvo: Sbornik statej. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2001. 576 s.

12. Zelenin D.K. Vostochnoslavjanskaya ehtnografiya. M.: Nauka, 1991. 511 s.

13. Kalutskov V.N. Osnovy ehtnokul'turnogo landshaftovedeniya. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2000. 94 s.

14. Kalutskov V.N. Landshaft v kul'turnoj geografii. M.: Novyj khronograf, 2008. 230 s.

15. Listova T.A. Bratskij prazdnik «Svecha» na belorussko-russkom pogranich'e. Areal rasprostraneniya i lokal'nye osobennosti. // Pytanni mastatsvaznaŭstva, ehtnalogiii i falklarystiki. Vyp. 3: u 2 ch. CHastka 2. Minsk: Prava i ehkanomika, 2007. S. 145-151.

16. Lobachevskaya O.A., Fedorov R.YU. «Svecha» v Sibiri: ehtnograficheskiy i kul'turo-antropologicheskij aspekty bytovaniya obryada u belorusskikh pereselentsev. // Vestnik arkheologii, antropologii i ehtnografii. 2012. № 1 (16). S. 72-82.

17. Lopatin G.I. «Ikona zvalas' svyachoj...»: Iz opyta izucheniya obryada «Svyachy» v Vostochnom Poles'e // Antropologicheskij forum. 2008. № 8. S. 402-416.

18. Mitin I.I. Kompleksnye geograficheskie kharakteristiki. Mnozhestvennye real'nosti mest i semiozis prostranstvennykh mifov. Smolensk: Ojkumena, 2004. 160 s.

19. Mitin I.I. Na puti k mifogeografii Rossii: «igry s prostranstvom» // Vestnik Evrazii. 2004. № 3. S. 140-161.

20. Isachenko A.G. Landshafty SSSR. L.: Izd-vo LGU, 1985. 320 s.

21. Rodoman B.B. Polyarizovannaya biosfera. Smolensk: Ojkumena, 2002. 335 s.
22. Romanova L. «Svyacha tsi narodam, tsi bogom suzhdana». Abrad «Svyacha». // Rodnae slova. 2004. №3. S. 104.
23. Teleshov N.D. Rasskazy. Povesti. Legendy. M.: Sov. Rossiya, 1983. 336 s.
24. Ustinovich N.S. "Samokhody": Semejnaya khronika // Enisej 1963. Kn. 4 (40). S. 39-52.
25. Fedorov R.YU. Obryad "Svecha" u belorusskikh pereselentsev v Zapadnoj Sibiri. // Pytanni mastatstvaznaŭstva, ehtnalogii i fal'klarystyki. Vyp. 10. Minsk: Prava i ehkanomika, 2011. S. 465-469.
26. Fedorov R.YU., Bogordaeva A.A. Istoriko-ehtnograficheskie aspekty zhizni belorusskikh pereselentsev v Pribajkal'e. // Vestnik arkheologii, antropologii i ehtnografii. 2013. №1 (20). s. 96-103.
27. Fedorov R.YU., Fisher A.N. Obryadovo-kul'tovye sistemy vostochnykh slavyan: genezis i sovremennoe sostoyanie. // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. №7 (33) 2013. CH.2. S. 170-176.
28. Fetisova L.E. Belorusy v Primor'e // Mnogonatsional'noe Primor'e: Istoriya i sovremennost': Materialy nauch.-prakt. konf. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. gos. morskoy akad., 1999. S. 34-37.
29. SHEjn P.V. Materialy dlya izucheniya byta i yazyka naseleniya Severo-Zapadnogo kraja. T. III // Sb. otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti. SPb., 1902. T. 72. S. 180.

УДК 31

*Еленева Е.В., Подкопаева О.В., Сельницкая Г.Д.
Eleneva E.V., Podkopaeva O.V., Selnitskaya G.D.*

Проблемы и механизмы интеграции трудовых мигрантов в образовательную среду региона

The problems and mechanisms of labor migrants' integration into the educational space of the region

Статья посвящена проблеме социально-экономической адаптации трудовых мигрантов и поиску механизмов их интеграции в принимающее общество. Приморский край является труднедостаточным регионом во всех сферах экономической деятельности, при этом образовательный уровень иностранных граждан, привлекаемых к трудовой деятельности, в частности в Находкинском городском округе, недостаточно высок. Анализ миграционной ситуации в НГО определяет необходимость совершенствования механизмов адаптации трудовых мигрантов.

Ключевые слова: *социально-экономическая адаптация, интеграция, социализация, образовательный уровень, мигранты, информационно-образовательная среда*

The given article deals with the problem of social and economic adaptation of labor migrants. Furthermore the author tries to outline the ways of their integration into the host society. Primorsky Krai is considered to be a labor lacking territory in all areas of economic activity, but the vast majority of engaged migrant workers, particularly in Nakhodka urban district, are people with low educational level. Thus, the analysis of migratory situation in Nakhodka urban district brings us to the conclusion about the necessity of improving the mechanisms of labor migrants' adaptation into the social and economic environment of the region.

Key words: *social and economic adaptation, integration, socialization, educational level, migrants, awareness-raising educational space*

Россия на современном этапе развития является привлекательным государством для миграционных потоков из многих стран мира.

Разница в качестве жизни и уровне экономического развития стран выталкивает людей из родных мест, притягивая их в более благоприятные. Важнейшими составляющими, определяющими качество жизни, являются наличие рабочих мест, условия занятости, уровень доходов, перспективы решения жилищной проблемы, возможность получения образования.

ЕЛЕНЕВА Елена Владимировна, ведущий специалист УМО филиала ДВФУ в г. Находке. **E-mail:** ele-eleneva@yandex.ru

ПОДКОПАЕВА Ольга Викторовна, доцент, начальник УМО филиала ДВФУ в г. Находке. **E-mail:** olga_podkopaeva@mail.ru

СЕЛЬНИЦКАЯ Гаухар Даулетовна, студентка филиала ДВФУ в г. Находке, специальность «Государственное и муниципальное управление». **E-mail:** gauhara1@mail.ru

Таблица 1. Позиция России в различных рейтингах с точки зрения миграционной привлекательности

Индекс (рейтинг)/год	Кол-во стран участниц	Показатель	Место
Ведение бизнеса в 2014 году: рейтинг экономик государств мира [1,2] (совокупный рейтинг стран по показателю благоприятствования ведения бизнеса, а также данные по десяти индикаторам регулирования предпринимательской деятельности)	189	Место по показателям: простоты регистрации бизнеса – 88; простоты регистрации прав собственности – 17; уровня кредитования – 109; уровня защиты инвесторов – 115; уровня налогообложения – 56; легкости ведения международной торговли – 157; простоты ликвидации предприятий – 55; простоты подключения к системе электроснабжения – 117; простоты получения разрешений на строительство – 178.	92
Всемирный индекс счастья – 2012 (The Happy Planet Index [3])	151	34.518	122
Глобальный индекс инноваций – 2014 (Global Innovation Index [4]) (характеризует инновационное развитие стран мира по 80 переменным)	143	39.1	49
Глобальный индекс терроризма – 2012 (The Global Terrorism Index [5])	116	Индекс-7.07 Инциденты-182 Потгибише-159 Пострадавшие-431 Материальный ущерб -66	9
Глобальный рейтинг стран и территорий мира по показателю валового внутреннего продукта – 2012 [6]	190	2 014 775 (Размер ВВП в \$ млн.)	8
Глобальный рейтинг экономик по показателю валового национального дохода на душу населения – 2012 [7]	188	12 700 (доход в \$) (в списке стран с высоким уровнем дохода на душу населения)	56

Индекс (рейтинг)/год	Кол-во стран участниц	Показатель	Место
Индекс гендерного разрыва – 2013 (The Global Gender Gap Index [8]) (предназначен для измерения гендерных различий в доступе к ресурсам и возможностям в отдельных странах)	136	0.698	61
Индекс глобальной конкурентоспособности – 2013 (The Global Competitiveness Index[9])	148	4.25	64
Индекс качества жизни пожилых людей –2012(Global Age Wath Index[10])	91	30.8	78
Индекс продолжительности жизни – 2010 (Life Exprestancy Index [11]) (показатель средней ожидаемой продолжительности жизни в странах мира)	194	69.1	124
Индекс процветания Института Legatum – 2012 (The Legatum Prosperity Index [12])	142	Экономика -50 Предпринимательство -47 Управление -115 Образование -26 Здравоохранение -44 Безопасность -98 Личные свободы -114 Социальный капитал -62	61
Индекс равноправия полов – 2012 (The Gender Equity Index [24])	154	0,75	31
Индекс социального развития – 2014 (The Social Progress Index [13])	132	60.79	80
Индекс уровня образования в странах мира -2011 (Education Index [14])	188	0.78	49
Индекс устойчивости общества – 2012 (The Sustainable Society Index [15]) (измеряет достижения стран мира с точки зрения устойчивости общественного развития)	151	Благополучие человека -7.05 Экологическое благополучие -2.64 Экономическое благополучие-4.39 Индекс-4.33	106

Индекс (рейтинг)/год	Кол-во стран участниц	Показатель	Место
Индекс хороших стран – 2014 (The Good Country Index [16]) (оценивает вклад страны в развитие человечества)	125	Наука и техника – 41 Культура – 68 Международный мир безопасность – 90 Глобальная стабильность – 106 Планета и климат – 88 Прогресс и равенство – 112 Здоровье и благополучие -42	95
Индекс экологической эффективности -2014 (The Environmental Performance Index [18])	178	53.45	73
ИЧР– 2014(Human Development Index[17])	187	0.778 (в списке стран с высоким ИЧР)	57
Рейтинг миролюбия стран мира -2014 (Global Peace Index [22]) (измеряет уровень насилия внутри государства и агрессивность его внешней политики)	162	3.039	152
Рейтинг репутации стран мира -2013 (The 2013 Country Rep Trak [23])	50	36.7	46
Рейтинг хрупкости (несостоятельности) стран мира – 2014 (Fragile States Index [25]) (отражает способность властей контролировать целостность территории, а также демографическую, политическую и экономическую ситуацию в стране.)	178	76.5 (в списке стран с уровнем стабильности ниже среднего – опасный уровень рисков)	85
Рейтинг эффективности национальных систем образования -2014 (Global Index of Cognitive Skills and Educational Attainment 2014 [26])	40 мест	Индекс-0.40 Когнитивные навыки-0.50 Образовательная подготовка-0.19	13

Для оценки уровня социально-экономического развития того или иного региона с точки зрения привлекательности для миграционных потоков можно использовать различные индексы. При этом позиция России в различных международных рейтингах (*таб. 1*) отличается от мнения самих россиян (*таб. 2*).

Таблица 2. Индексы* социального самочувствия россиян по данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), 2014 г.

Индекс	Показатель
Индекс оценок экономической ситуации (показывает, как россияне оценивают экономическую ситуацию в стране)	63
Индекс оценок политической обстановки (показывает, как россияне оценивают политическую обстановку в стране)	80
Индекс оценок общего вектора развития страны (ВЦИОМ) (показывает, как россияне оценивают общий курс развития страны)	80
Индекс удовлетворенности жизнью (показывает, насколько россияне удовлетворены жизнью, которую ведут)	79
Индекс социального оптимизма (показывает, насколько оптимистично россияне смотрят в будущее)	77
Индекс самооценок материального положения (показывает, как россияне оценивают материальное положение своей семьи)	76

*Значение индекса может колебаться в диапазоне от -100 до 100 пунктов. Чем выше значение индекса, тем лучше респонденты оценивают экономику

Источник: [19].

Концентрация мигрантов в экономически развитых и сырьевых регионах обусловлена разнообразным рынком труда, большим количеством рабочих мест, строительством объектов инфраструктуры, а также инвестиционными потоками, которые и подогревают спрос на рабочую силу.

Так если ещё десять лет назад по числу работников-иностранцев лидировали Московская область, Ленинградская область, Краснодарский край, то к 2012 году в лидеры вышли те регионы, куда пришли инвестиции: Ямало-Ненецкий АО, где уровень инвестиций, выделяемых на строительство объектов производственного назначения, самый высокий по стране; Приморский край, где готовился саммит АТЭС; Краснодарский край в связи с подготовкой к Олимпиаде и т.д.

На структуру привлечения мигрантов влияет так же и политика квот, благодаря которой осуществляется регулирование притока квалифицированной иностранной рабочей силы.

Так квота на привлечение иностранной рабочей силы на 2014 год в Приморском крае составила 23 616 человек, что на 13 процентов ниже уровня 2013 года. Распределение квоты сложилось следующим образом [20]:

- ◆ строительство -14193 чел.(60,1%);
- ◆ обрабатывающее производство –3283 чел. (13,9%);
- ◆ транспорт –1393 чел. (5,9%);
- ◆ добыча полезных ископаемых –1252 чел. (5,3%);
- ◆ лесное хозяйство –1204 чел. (5,1%);

♦ деятельность ресторанов и кафе, сельское хозяйство, предоставление услуг, торговля – 2291 чел. (9,7%).

В профессионально-квалификационном отношении доля специалистов среди трудовых мигрантов в Приморском крае составляет 7,9 %, квалифицированных рабочих 90,0 %.

Особенностью миграционных процессов в РФ является возможность большей части трудовых мигрантов прибывать в нашу страну в безвизовом порядке. С одной стороны, это обеспечивает гражданам постсоветского пространства максимальную реализацию их права на свободу передвижения, а с другой стороны, в Россию беспрепятственно прибывает огромное количество иностранцев, не способных к эффективной социально-экономической адаптации и последующей интеграции в принимающее общество.

Т.е. на российской территории ежегодно находится множество иностранных граждан, имеющих низкий образовательный уровень,¹ не владеющих русским языком в достаточной степени и не знакомых с культурными традициями страны и принятыми правилами поведения.

Ситуация осложняется тем, что трудовые мигранты, преследуя в основном только экономические цели, не стремятся к полноценной интеграции в социальное пространство.

Кроме того, имеющееся образование, квалификация и профессиональные знания мигрантов не востребованы на российском рынке труда, в результате чего трудовые мигранты в массовом порядке пополняют низшие профессиональные группы. Более трети мигрантов, имеющих опыт работы до приезда в Россию, заняты ныне на работах, не предъявляющих вообще никаких требований к образованию и квалификации работника [21, с. 2].

Миграционная ситуация в НГО имеет те же особенности. За период с 2011 по 2013 гг. в Находкинский городской округ прибыло 36,80 тыс. человек, выбыло 15,14 тыс. человек. Миграционный прирост составил 21,65 тыс. человек. Выезд из НГО снизился с 6235 человек в 2011 г. до 3981 человек в 2013 г. (снижение в 1,6 раза). Общая миграционная обстановка с 2011 года по 2013 год представлена на диаграмме 1.²

Анализ структуры мигрантов по возрастному составу показывает, что наиболее мобильным неизменно является население в трудоспособном возрасте. Наибольшая миграционная активность присуща населению в молодом (20 – 40 года) возрасте.

Сведения о возрастном составе мигрантов представлены на диаграмме 2.

В 2013 г. структура миграционного прироста по основным возрастным группам сформировалась следующим образом:

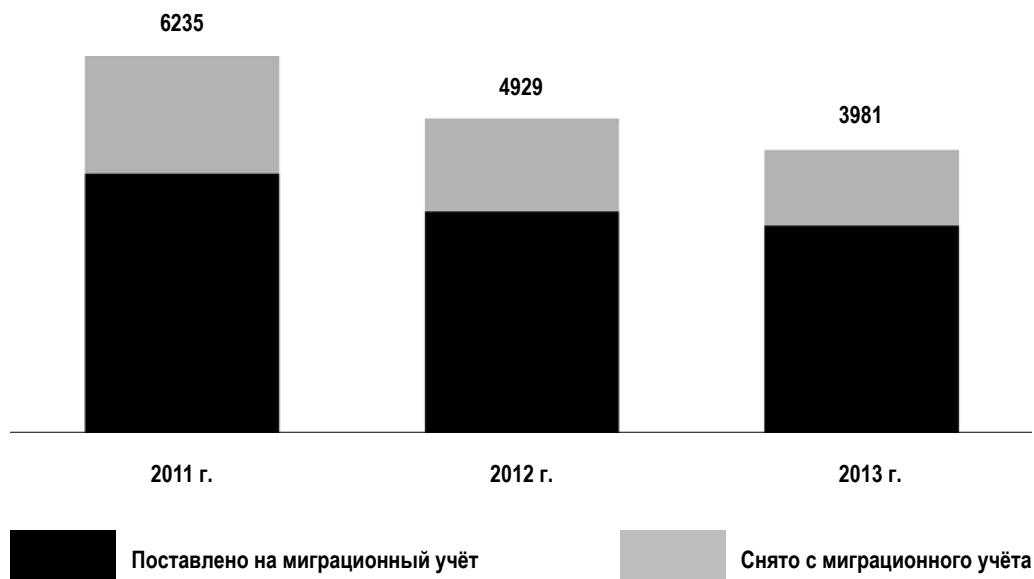
население в возрасте моложе трудоспособного составило 5 человек (0,1 %);

- ♦ в трудоспособном возрасте – 8164 человек (97,7 %);
- ♦ в возрасте старше трудоспособного – 185 человек (2,2 %).

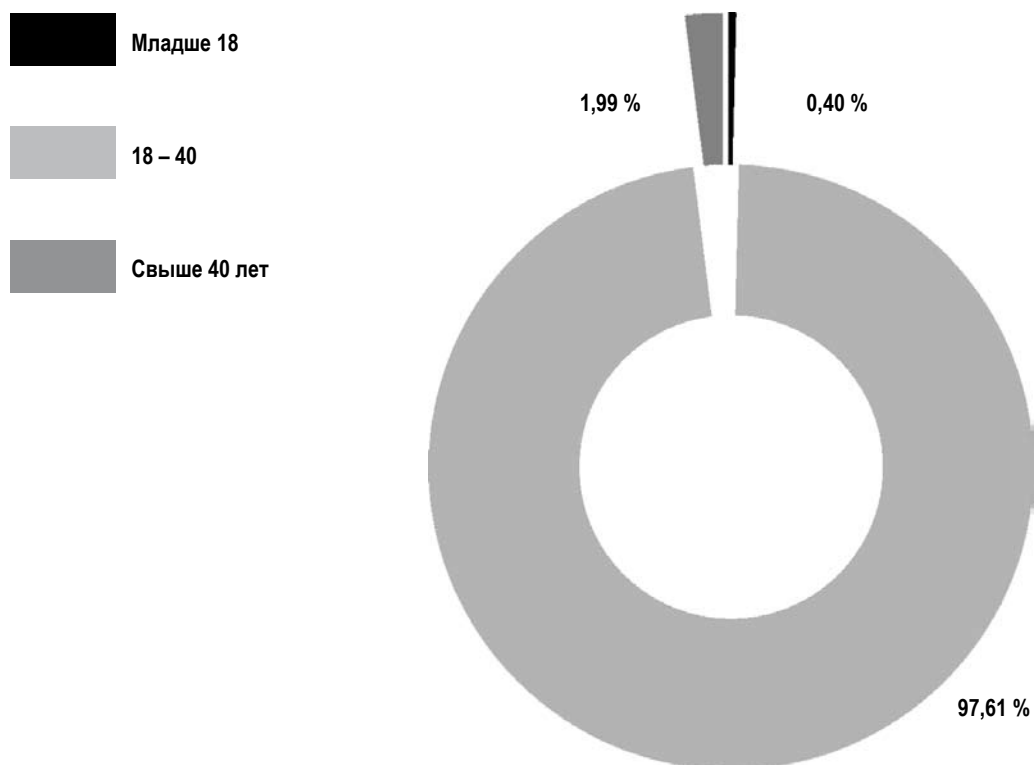
¹ Уровень образования может оцениваться не только по формально-содержательному способу (уровню образования, указанному в документе об образовании), но и по количественному, т.е. учитывается общее время, затраченное человеком на получение образования в учебных заведениях всех типов:

- ♦ менее 8-9 лет – очень низкий уровень;
- ♦ от 9 до 12 лет – средний уровень;
- ♦ от 13 до 16-18 лет – высокий уровень;
- ♦ свыше 16-18 лет – очень высокий уровень.

² Таблицы 3-5 и диаграммы 1-5 составлены самостоятельно авторами по архивным материалам ОУФМС в Находкинском городском округе

Диagr. 1. Миграционная обстановка с 2011 по 2013 гг., чел.

Диagr. 2. Сведения о возрастном составе мигрантов

На протяжении последних трёх лет доля лиц трудоспособного возраста составляет в среднем около 80,0 % от общего числа прибывших и 74,4 % от общего числа выбывших.

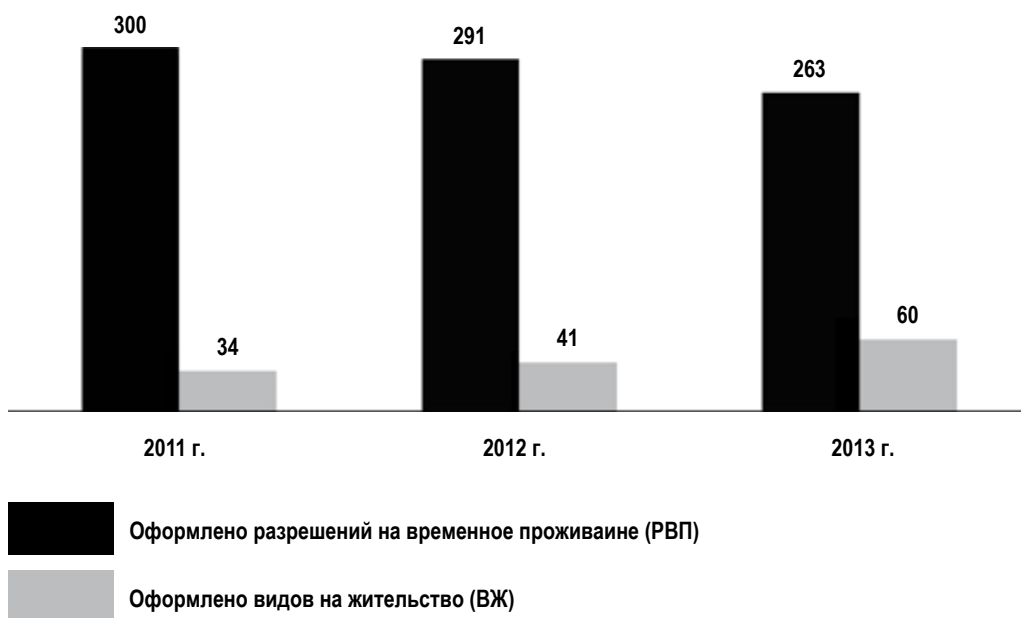
В миграционных потоках последних лет число прибывающих в НГО мужчин превышает число женщин в среднем на 11,3 %. В 2013 г. в структуре миграционного прироста мужчины составили 53,7 %, женщины – 46,3 %.

Доля иностранных граждан, прибывающих на территорию Находкинского городского округа в 2013 году за счёт международной миграции, составляет 15,2 % (3231 человек).

Распределение иностранных граждан по целям въезда за период с 2011 г. по 2013 г. приведено в *таблице 3*.

Таблица 3. Распределение иностранных граждан по целям въезда

Цели въезда	2011 г.	2012 г.	2013 г.
С частными целями	3239	2736	2512
В целях осуществления деловых поездок	3400	2177	1932
С туристическими целями	2738	3339	2754
В целях обучения	39	20	40
<i>С целью осуществления трудовой деятельности</i>	<i>4430</i>	<i>3580</i>	<i>3146</i>

Диагр. 3. Количество иностранных граждан получивших РВП и ВЖ за 2011 – 2013 гг. по НГО

Исходя из данных таблицы видно, что больше всего граждан прибывают в Находкинский городской округ с целью осуществления трудовой деятельности.

С целью задержаться в Находкинском городском округе больше чем на один год, иностранные граждане оформляют Разрешение на временное проживание (РВП) сроком на 3 года и вид на жительство (ВЖ) – сроком на 5 лет.

Динамика оформления РВП и ВЖ по Находкинскому городскому округу за 2011 – 2013 гг. представлена на *диаграмме 3*.

Всего за период с 2011 – 2013 гг. в Находкинском городском округе было оформлено 854 разрешения на временное проживание и 135 видов на жительство, (*таб. 4 и 5*).

Таблица 4. Распределение иностранных граждан, получивших РВП по странам

Страна гражданства	Разрешение на временное проживание			
	2011 г.	2012 г.	2013 г.	ИТОГО
Таджикистан	98	64	69	231
Узбекистан	60	68	57	185
Армения	44	54	41	139
Украина	46	40	37	123
Азербайджан	34	23	23	80
Кыргызстан	5	22	17	44
Казахстан	5	13	11	29
Молдова	5	4	6	15
Китай	1	2	2	5
Беларусь	2	1	0	3
ВСЕГО	300	291	263	854

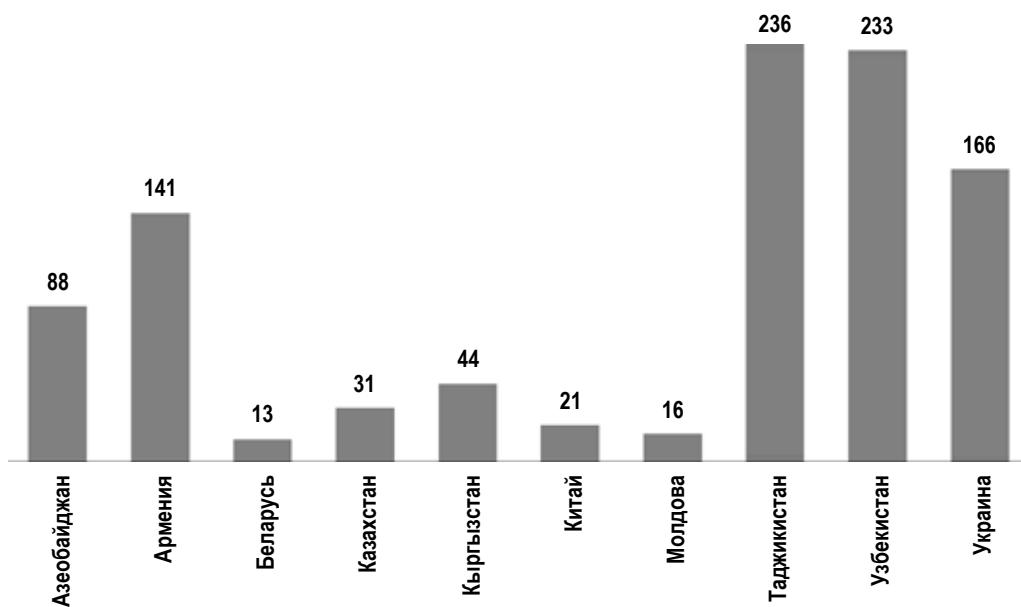
Таблица 5. Распределение иностранных граждан, получивших ВЖ по странам

Страна гражданства	Вид на жительство			
	2011 г.	2012 г.	2013 г.	ИТОГО
Узбекистан	7	16	25	48
Украина	15	14	14	43
Китай	5	5	6	16

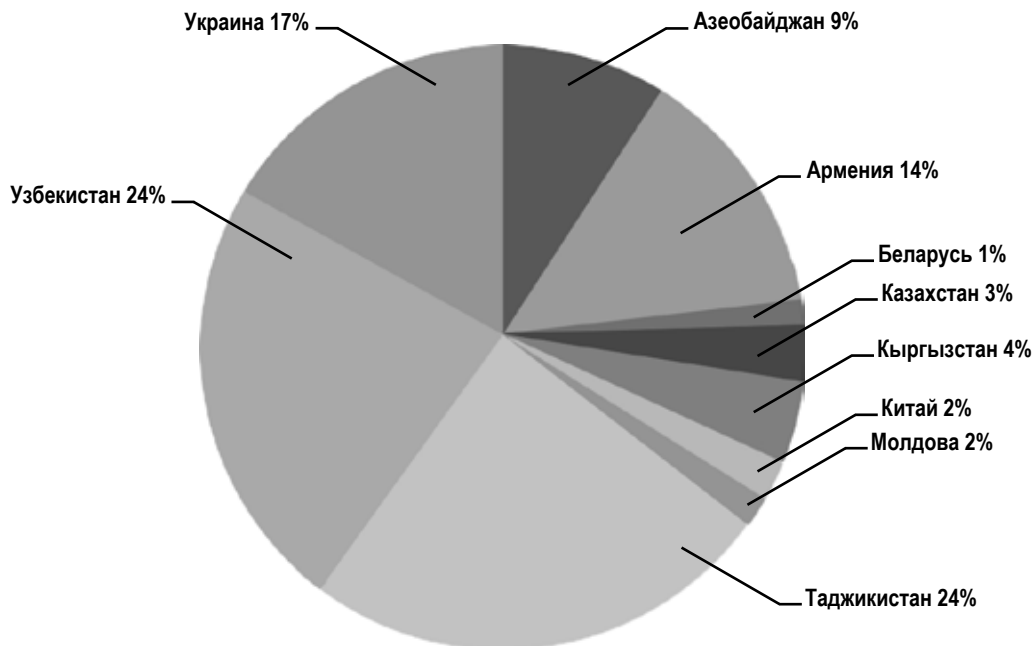
Страна гражданства	Вид на жительство			
	2011 г.	2012 г.	2013 г.	ИТОГО
Беларусь	1	2	7	10
Азербайджан	2	2	4	8
Таджикистан	3	1	1	5
Армения	1	1	0	2
Казахстан	0	0	2	2
Молдова	0	0	1	1
Кыргызстан	0	0	0	0
ВСЕГО	34	41	60	135

Наибольшее количество иностранных граждан, оформивших разрешение на временное проживание и вид на жительство, прибыло из Армении, Таджикистана, Узбекистана и Украины (диагр. 4 и 5).

Таким образом, среди мигрантов в НГО наблюдается преобладание мигрантов – мужчин в наиболее активном трудовом возрасте из среднеазиатских государств (Азербайджана, Таджикистана, Армении и Узбекистана). При этом основная часть мигрантов прибыла из сельской местности, малых городов и посёлков городского типа. Уровень образования таких мигрантов невысок – лишь немногим более 23% имеют

Диагр. 4. Распределение по странам иностранных граждан получивших РВП и ВЖ за 2011 – 2013 гг. по НГО, чел.

Диagr. 5. Распределение по странам иностранных граждан, получивших РВП и ВЖ за 2011 – 2013 гг. по НГО, в %

среднее общее образование (11 классов) и выше, большинство мигрантов вообще не имеют профессионального образования. Основная причина низкого образовательного уровня мигрантов связана с тем, что многие из них – циркулярные мигранты, приезжающие с целью осуществления трудовой деятельности, т.е. преследующие экономические цели. Соответственно большая их часть работает неквалифицированными рабочими, а основными видами экономической деятельности мигрантов являются оптовая и розничная торговля; строительство, ремонт автотранспортных средств, сфера услуг.

В результате проведенного опроса было выявлено, что 48,3% мигрантов намерены остаться в России навсегда (т.е. планируют перевезти в Находку семьи, расширить бизнес и т.д.), 41,6% – собираются постоянно ездить на родину и возвращаться в НГО (циркулярные мигранты), и только 10% мигрантов намерены окончательно вернуться на родину, заработав планируемую сумму денег.

Следует также отметить, что стереотипное представление о мигранте, как об относительно молодом мужчине, не имеющем семьи или помогающем родным на родине и не нуждающемся в социальной поддержке, в последнее время подверглось переосмыслению. Всё чаще среди мигрантов встречаются одинокие мамы с маленьким ребёнком, многодетные семьи, беременные женщины.

В таких условиях особую важность приобретает политика интеграции и адаптации мигрантов, которая должна охватывать не только тех мигрантов, у которых есть вид на жительство, но и циркулярных мигрантов, и даже нелегальных с тем, чтобы дать им возможность получить статус постоянных. Представляется, что политика социализации должна быть дифференцирована по отношению к разным группам мигрантам.

А между тем, миграционное законодательство Российской Федерации ориентировано на привлечение временных иностранных работников и не содержит конструктивных мер, способствующих адаптации и

интеграции трудовых мигрантов в социально-культурное пространство страны. Так, например, впервые в законодательство РФ норма владения русским языком мигрантами, прибывшими в Российскую Федерацию в безвизовом порядке и намеревающимися осуществлять трудовую деятельность, была введена в 2012 г. (Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 602).

Одним из основных направлений государственной политики в сфере содействия адаптации и интеграции мигрантов, определённых Концепцией государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года, является создание соответствующей инфраструктуры, включающей центры для адаптации трудовых мигрантов в период 2012–2015 годов (в соответствии с 1 этапом реализации Концепции). При этом особое внимание уделяется взаимодействию ФМС и её территориальных органов с институтами гражданского общества, в частности с религиозными организациями и национальными объединениями и диаспорами.

В целях содействия социализации иностранных граждан в российское общество, ДВФУ совместно с УФМС России по Приморскому краю на постоянной основе организованы курсы русского языка для трудовых мигрантов на базе Центра русского языка и культуры Школы региональных и международных исследований ДВФУ.

Программа курсов построена таким образом, чтобы с помощью наглядных примеров обучить слушателей базовому курсу русского языка, культуры, литературы и истории России. По окончании курсов слушатели проходят тест и получают сертификаты ДВФУ о прохождении обучения по программе «Подготовка к тесту по русскому языку для трудовых мигрантов».

Открытие курсов состоялось в апреле 2012 года, а уже в июне состоялся первый выпуск слушателей с вручением сертификатов. И если в 2012 г. желание обучаться изъявили 8 человек (6 граждан Узбекистана и 2 гражданина Азербайджана), то в 2013 году обучение прошли 127 иностранных граждан.

Социально-экономическая адаптация и интеграция трудовых мигрантов сегодня во многих регионах является достаточно серьёзной проблемой, и, как показывает практика, решить её только лишь путём дополнительного законодательства невозможно. Многие мигранты признаются, что понимают русскую речь, могут сказать несколько элементарных предложений, но не умеют читать и писать по-русски. Но изучать русский язык и российские законы мигрант будет только тогда, когда будет чётко осознавать, что это для него жизненно важно.

Своеобразным стопором адаптационных процессов, как бы странно это ни звучало, стали социальные сети. Благодаря социальным сетям мигранты могут осуществлять практически все свои социальные действия (поиск и устройство на работу, поиск жилья, лечение, познавательная и коммуникативная деятельность и т.д.), и плохое знание языка уже не всегда является непреодолимым барьером.

Одним из механизмов социально-экономической адаптации мигрантов на региональном уровне может стать создание особой информационно-образовательной среды, доступной для носителей любого этноса и учитывающей как уровень потребностей в получении образования, так и средства удовлетворения этих потребностей:

- ♦ разработка учебных программ и методик обучения детей и взрослых, не владеющих или слабо владеющих русским языком;
- ♦ развитие спектра образовательных, культурных, языковых и профессиональных программ для мигрантов;

♦ создание групп языковой и культурной адаптации для детей мигрантов при детских садах и школах;

♦ создание специализированных курсов русского языка, нацеленных на языковую подготовку применительно к конкретным видам трудовой деятельности;

♦ создание специального городского интернет-ресурса (портала) с размещением на нём необходимой информации по вопросам трудоустройства (ссылки на биржи труда, перечни документов, информация для работодателей, желающих нанять мигранта), бесплатной юридической и медицинской помощи мигрантам, информации о деятельности национальных общин (диаспор) и проводимых ими культурных мероприятиях, информации об учреждениях, предлагающих программы профессиональной подготовки и переподготовки для мигрантов, информации о муниципальных программах по трудоустройству мигрантов в различные секторы городского хозяйства и т.д.

Региональная система образования также должна оказывать содействие повышению уровня образования и квалификации мигрантов и всех членов их семей и их интеграции в общество. Так, к примеру, среди приезжающих в НГО мигрантов есть подростки, уже имеющие основное общее или среднее общее образование. Эта категория детей, и их достаточно много, не всегда охватывается адаптационной образовательной средой, попадая вместе с родителями на рынок труда.

Представляется, что оптимальным в этом плане может стать дистанционное обучение, которое позволяет адаптировать траекторию обучения под каждого слушателя, а также обеспечить персонализированность обучения. Т.е. слушатель может сам определить когда и в каком объёме ему проходить обучение, причём по тем образцам (в т.ч. и этническим), которые приемлемы лично для него.

Кроме того дистанционные технологии могут стать действенным инструментом включения мигрантов в получение непрерывного образования, т.е. образования «через всю жизнь», что обусловлено требованиями информационного общества. Мигранты – это люди, которые вырваны из привычной профессиональной среды, из привычной профессиональной деятельности, не говоря уже о социальной. Поэтому задача непрерывного образования – вернуть их в эту профессиональную среду, быстро, с минимальными затратами для них и с максимальной пользой для общества. И именно дистанционные образовательные технологии помогают обеспечить непрерывное наращивание профессионального уровня, наращивание знаний и навыков в соответствии с меняющимися требованиями экономики.

Литература

1. Ведение бизнеса в 2014 году: рейтинг экономик государств мира // Информационно-аналитическое агентство «Центр гуманитарных технологий» [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru/news/2013/10/29/6340> (дата обращения: 29.07.2014 г.).

2. Ведение бизнеса в 2014 году: рейтинг экономик государств мира // Проект «Ведение бизнеса» [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.doingbusiness.org/data/exploreeconomies/russia> (дата обращения: 29.07.2014 г.).

3. Всемирный индекс счастья// Информационно-аналитическое агентство «Центр гуманитарных технологий» [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru/news/2012/06/15/4437> (дата обращения: 29.07.2014 г.).

4. Глобальный индекс инноваций 2014// Информационно-аналитическое агентство «Центр гуманитарных технологий» [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru/news/2014/07/18/6841> (дата обращения: 29.07.2014 г.).

5. Глобальный индекс терроризма // Информационно-аналитическое агентство «Центр гуманитарных технологий» [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru/ratings/global-terrorism-index/info> (дата обращения: 29.07.2014 г.).

6. Глобальный рейтинг стран и территорий мира по показателю валового внутреннего продукта// Информационно-аналитическое агентство «Центр гуманитарных технологий» [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru/ratings/rating-countries-gdp/rating-countries-gdp-info> (дата обращения: 29.07.2014 г.).

7. Глобальный рейтинг экономик по показателю валового национального дохода на душу населения// Информационно-аналитическое агентство «Центр гуманитарных технологий» [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru/ratings/rating-countries-gni/rating-countries-gni-info> (дата обращения: 29.07.2014 г.).

8. Индекс гендерного разрыва // Информационно-аналитическое агентство «Центр гуманитарных технологий» [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru/ratings/global-gender-gap-index/info> (дата обращения: 29.07.2014 г.).

9. Индекс глобальной конкурентоспособности – 2013-2014// Информационно-аналитическое агентство «Центр гуманитарных технологий» [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru/ratings/global-competitiveness-index/info> (дата обращения: 29.07.2014 г.).

10. Индекс качества жизни и благополучия пожилых людей // Информационно-аналитическое агентство «Центр гуманитарных технологий» [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru/news/2013/10/10/6300> (дата обращения: 29.07.2014 г.).

11. Индекс продолжительности жизни // Информационно-аналитическое агентство «Центр гуманитарных технологий» [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru/ratings/life-expectancy-index/life-expectancy-index-info> (дата обращения: 29.07.2014 г.).

12. Индекс процветания Института Legatum// Информационно-аналитическое агентство «Центр гуманитарных технологий» [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru/ratings/legatum-prosperity-index/info> (дата обращения: 29.07.2014 г.).

13. Индекс социального развития // Информационно-аналитическое агентство «Центр гуманитарных технологий» [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru/news/2014/04/14/6688> (дата обращения: 29.07.2014 г.).

14. Индекс уровня образования в странах мира// Информационно-аналитическое агентство «Центр гуманитарных технологий» [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru/ratings/education-index/education-index-info> (дата обращения: 29.07.2014 г.).

15. Индекс устойчивости общества // Информационно-аналитическое агентство «Центр гуманитарных технологий» [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru/ratings/sustainable-society-index/info> (дата обращения: 29.07.2014 г.).

16. Индекс хороших стран // Информационно-аналитическое агентство «Центр гуманитарных технологий» [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru/news/2014/06/25/6834> (дата обращения: 29.07.2014 г.).

17. Индекс человеческого развития (ИЧР)// Информационно-аналитическое агентство «Центр гуманитарных технологий» [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru/news/2014/07/24/6843> (дата обращения: 29.07.2014 г.).

18. Индекс экологической эффективности// Информационно-аналитическое агентство «Центр гуманитарных технологий» [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru/news/2014/07/24/6843> (дата обращения: 29.07.2014 г.).

gtmarket.ru/ratings/environmental-performance-index/info (дата обращения: 29.07.2014 г.).

19. Индексы социального самочувствия россиян // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) [Электронный ресурс]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114891> (дата обращения: 29.07.2014 г.).

20. Иностранная рабочая сила // Департамент труда и социального развития Приморского края [Электронный ресурс]. URL: <http://zanprim.regiontrud.ru/Home/trudzan/inostrrabsila.aspx> (дата обращения: 29.07.2014 г.).

21. Мукомель В.И. «Профили трудовых мигрантов в России (по материалам социологического исследования)». Выступление на Двенадцатом заседании Научного совета Федеральной миграционной службы, 24 апреля 2012 г. // Федеральная миграционная служба [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fms.gov.ru/upload/iblock/208/mykomel.pdf> (дата обращения: 29.07.2014 г.).

22. Рейтинг миролюбия стран мира 2014 года // Информационно-аналитическое агентство «Центр гуманитарных технологий» [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru/news/2014/06/18/6811> (дата обращения: 29.07.2014 г.).

23. Рейтинг репутации стран мира // Информационно-аналитическое агентство «Центр гуманитарных технологий» [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru/news/2013/07/01/6054> (дата обращения: 29.07.2014 г.).

24. Рейтинг стран мира по уровню равноправия полов // Информационно-аналитическое агентство «Центр гуманитарных технологий» [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru/news/2013/10/25/6336> (дата обращения: 29.07.2014 г.).

25. Рейтинг хрупкости (несостоятельности) стран мира // Информационно-аналитическое агентство «Центр гуманитарных технологий» [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru/news/2014/06/26/6836> (дата обращения: 29.07.2014 г.).

26. Рейтинг эффективности национальных систем образования 2014 года // Информационно-аналитическое агентство «Центр гуманитарных технологий» [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru/news/2014/06/09/6795> (дата обращения: 29.07.2014 г.).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Vedenie biznesa v 2014 godu: rejting ehkonomik gosudarstv mira // Informatsionno-analiticheskoe agentstvo «TSentr gumanitarnykh tekhnologij» [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://gtmarket.ru/news/2013/10/29/6340> (data obrashheniya: 29.07.2014 g.).

2. Vedenie biznesa v 2014 godu: rejting ehkonomik gosudarstv mira // Proekt «Vedenie biznesa» [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://russian.doingbusiness.org/data/exploreconomies/russia> (data obrashheniya: 29.07.2014 g.).

3. Vsemirnyj indeks schast'ya // Informatsionno-analiticheskoe agentstvo «TSentr gumanitarnykh tekhnologij» [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://gtmarket.ru/news/2012/06/15/4437> (data obrashheniya: 29.07.2014 g.).

4. Global'nyj indeks innovatsij 2014 // Informatsionno-analiticheskoe agentstvo «TSentr gumanitarnykh tekhnologij» [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://gtmarket.ru/news/2014/07/18/6841> (data obrashheniya: 29.07.2014 g.).

5. Global'nyj indeks terrorizma // Informatsionno-analiticheskoe agentstvo «TSentr gumanitarnykh tekhnologij» [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://gtmarket.ru/ratings/global-terrorism-index/info> (data obrashheniya: 29.07.2014 g.).

6. Global'nyj rejting stran i territorij mira po pokazatelyu valovogo vnutrennego produkta // Informatsionno-analiticheskoe agentstvo «TSentr gumanitarnykh tekhnologij» [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://gtmarket.ru/ratings/rating-countries-gdp/rating-countries-gdp-info> (data obrashheniya: 29.07.2014 g.).

7. Global'nyj rejting ehkonomik po pokazatelyu valovogo natsional'nogo dokhoda na dushu naseleniya // Informatsionno-analiticheskoe agentstvo «TSentr gumanitarnykh tekhnologij» [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://gtmarket.ru/ratings/rating-countries-gni/rating-countries-gni-info> (data obrashheniya: 29.07.2014 g.).

8. Indeks gendernogo razryva // Informatsionno-analiticheskoe agentstvo «TSentr gumanitarnykh tekhnologij» [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://gtmarket.ru/ratings/global-gender-gap-index/info> (data obrashheniya: 29.07.2014 g.).

9. Indeks global'noj konkurentosposobnosti – 2013 -2014 // Informatsionno-analiticheskoe agentstvo «TSentr gumanitarnykh tekhnologij» [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://gtmarket.ru/ratings/global-competitiveness-index/info> (data obrashheniya: 29.07.2014 g.).

10. Indeks kachestva zhizni i blagopoluchiya pozhilykh lyudej // Informatsionno-analiticheskoe agentstvo «TSentr gumanitarnykh tekhnologij» [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://gtmarket.ru/news/2013/10/10/6300> (data obrashheniya: 29.07.2014 g.).

11. Indeks prodolzhitel'nosti zhizni // Informatsionno-analiticheskoe agentstvo «TSentr gumanitarnykh tekhnologij» [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://gtmarket.ru/ratings/life-expectancy-index/life-expectancy-index-info> (data obrashheniya: 29.07.2014 g.).

12. Indeks protsvetaniya Instituta Legatum // Informatsionno-analiticheskoe agentstvo «TSentr gumanitarnykh tekhnologij» [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://gtmarket.ru/ratings/legatum-prosperity-index/info> (data obrashheniya: 29.07.2014 g.).

13. Indeks sotsial'nogo razvitiya // Informatsionno-analiticheskoe agentstvo «TSentr gumanitarnykh tekhnologij» [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://gtmarket.ru/news/2014/04/14/6688> (data obrashheniya: 29.07.2014 g.).

14. Indeks urovnya obrazovaniya v stranakh mira // Informatsionno-analiticheskoe agentstvo «TSentr gumanitarnykh tekhnologij» [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://gtmarket.ru/ratings/education-index/education-index-info> (data obrashheniya: 29.07.2014 g.).

15. Indeks ustojchivosti obshhestva // Informatsionno-analiticheskoe agentstvo «TSentr gumanitarnykh tekhnologij» [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://gtmarket.ru/ratings/sustainable-society-index/info> (data obrashheniya: 29.07.2014 g.).

16. Indeks khoroshikh stran // Informatsionno-analiticheskoe agentstvo «TSentr gumanitarnykh tekhnologij» [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://gtmarket.ru/news/2014/06/25/6834> (data obrashheniya: 29.07.2014 g.).

17. Indeks chelovecheskogo razvitiya (ICHR) // Informatsionno-analiticheskoe agentstvo «TSentr gumanitarnykh tekhnologij» [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://gtmarket.ru/news/2014/07/24/6843> (data obrashheniya: 29.07.2014 g.).

18. Indeks ehkologicheskoy ehffektivnosti // Informatsionno-analiticheskoe agentstvo «TSentr gumanitarnykh tekhnologij» [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://gtmarket.ru/ratings/environmental-performance-index/info> (data obrashheniya: 29.07.2014 g.).

19. Indeksy sotsial'nogo samochuvstviya rossiyan // Vserossijskij tsentr izucheniya obshhestvennogo mneniya (VTSIOM) [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114891> (data obrashheniya: 29.07.2014 g.).

20. Inostrannaya rabochaya sila // Departament truda i sotsial'nogo razvitiya Primorskogo kraja [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://zanprim.regiontrud.ru/Home/trudzan/inostrrabsila.aspx> (data obrashheniya: 29.07.2014 g.).

21. Mukomel' V.I. «Profili trudovykh migrantov v Rossii (po materialam sotsiologicheskogo issledovaniya)». Vystuplenie na Dvenadtsatom zasedanii Nauchnogo soveta Federal'noj migratsionnoj sluzhby, 24 aprelya 2012 g. // Federal'naya migratsionnaya sluzhba [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.fms.gov.ru/upload/iblock/208/mykomel.pdf> (data obrashheniya: 29.07.2014 g.).

22. Rejting mirolyubiya stran mira 2014 goda // Informatsionno-analiticheskoe agentstvo «TSentr gumanitarnykh tekhnologij» [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://gtmarket.ru/news/2014/06/18/6811> (data obrashheniya: 29.07.2014 g.).

23. Rejting reputatsii stran mira // Informatsionno-analiticheskoe agentstvo «TSentr gumanitarnykh tekhnologij» [EHlektronnyj resurs<http://gtmarket.ru/news/2013/07/01/6054> (data obrashheniya: 29.07.2014 g.).

24. Rejting stran mira po urovnyu ravnopraviya polov// Informatsionno-analiticheskoe agentstvo «TSentr gumanitarnykh tekhnologij» [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://gtmarket.ru/news/2013/10/25/6336> (data obrashheniya: 29.07.2014 g.).

25. Rejting khрупkosti (nesostoyatel'nosti) stran mira // Informatsionno-analiticheskoe agentstvo «TSentr gumanitarnykh tekhnologij» [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://gtmarket.ru/news/2014/06/26/6836> (data obrashheniya: 29.07.2014 g.).

26. Rejting ehffektivnosti natsional'nykh sistem obrazovaniya 2014 goda // Informatsionno-analiticheskoe agentstvo «TSentr gumanitarnykh tekhnologij» [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://gtmarket.ru/news/2014/06/09/6795> (data obrashheniya: 29.07.2014 g.).

УДК [7:77](571.63)(091)

Гарцман Е.И.
Harzmann E.I.

К вопросу о зарождении фотоискусства на юге Дальнего Востока

On the question of the origin of photography in the south of the Far East

В настоящее время фотография как вид искусства очень популярна во всём мире. Она стала неотъемлемой частью нашей жизни, начиная от новостных газет и заканчивая простыми семейными снимками. В связи с этим интересно взглянуть в прошлое и проследить момент процесса зарождения фотоискусства. На страницах данной статьи внимание автора будет сфокусировано на юге Дальнего Востока.

Ключевые слова: *фотоискусство, фотохудожники, фотографы Дальнего Востока второй половины XIX века, первопроходцы Дальнего Востока, документальная фотография*

Currently, photography as an art form is very popular throughout the world. It has become an integral part of our lives, ranging from news papers to simple family snapshots. In this connection it is interesting to look back and trace the period of origin of photography. On the pages of this article, the author's attention will focus on the south of the Russian Far East.

Key words: *photo, photographers, photographers of the Far East to the second half of the XIX century, pioneers of the Far East, documentary photography*

В настоящее время мы можем наблюдать, что фотография как вид искусства очень популярна во всём мире. Она стала неотъемлемой частью нашей жизни, начиная от новостных газет и заканчивая простыми семейными снимками [2]. В связи с этим интересно взглянуть в прошлое и проследить процесс зарождения фотоискусства в дальневосточном регионе России. Географические рамки данного исследования включают юг Дальнего Востока, а именно города Владивосток и Хабаровск, которые являются одними из старейших в регионе.

Необходимо обратить внимание на то, что вопрос о необходимости иметь свой порт на Дальнем Востоке встал ещё задолго до его освоения. Именно для этого в 1859 году генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев на пароходе «Америка» отправился исследовать южные морские границы. Годом позже с теми же целями был отправлен транспорт «Манчжур» под командованием капитан-лейтенанта Шефнера.

При знакомстве с очерками первопроходцев можно узнать об особенностях той прекрасной, ещё нетронутой, первозданной природы. Когда первые корабли зашли в бухту Золотой Рог, их встретили тысячи уток, заполонившие всю водную гладь, а так же белые и чёрные лебе-

ди, никем ещё не пуганные. Берега были покрыты глухой непроходимой тайгой.

Таким образом, неудивительно, что именно юг Дальнего Востока, его удивительная природа, дикая фауна, стали вдохновением для многих начинающих фотографов. Хотя следует отметить, что они работали не только ради запечатления красоты, но и ради документирования исторических событий [1].

Как пишет один из исследователей региона, «человеческую жизнь невозможно представить без фотографий. Они сопровождают нас от самого рождения и до смерти. Не только художники или поэты, но и фотографы могут останавливать мгновение. Немало настоящих фотомастеров и художников жили на Дальнем Востоке. Благодаря их творчеству мы можем узнать о прошлом и совершить путешествие во времени» [8, с. 24].

Именно с этих слов историка Амира Хисамудинова хочется начать рассмотрение темы фотоискусства на Дальнем Востоке. Среди первых поселенцев в регионе были как российские фотографы, так и занявшие впоследствии значительную долю фоторынка японцы и китайцы. Дальний Восток осваивался разными путями, в том числе и с моря. Так, в 1891 году, совершая путешествие на крейсере «Память Азова», лейтенант Владимир Менделеев сделал множество снимков с видами Дальнего Востока, которые были отправлены Его Величеству в виде альбома. Тогда в каждой военно-морской эскадре были рисовальщики, в обязанности которых входило фиксировать всё, что касается моря. Не исключением были и тихоокеанские флотилии. Тем временем техника не стояла на месте, и с её развитием рисовальщиков сменили фотохудожники [9].

С развитием городской жизни стали постепенно появляться местные фотографы. На открытие фотоателье уходило немало средств из-за дороговизны аппаратуры. Самыми известными фотоателье в городе Владивостоке были мастерская Подзорова на ул. Светланской, мастерская Мацкевича на ул. Пекинской и «Золотой Рог» на ул. Среднепологой.

Наиболее популярным и известным фотографом города Владивостока был Фёдор Иванович Подзоров. Он являлся обладателем гордого звания «Придворный Его Королевского Величества наследника принца сиамского». При этом Фёдор Подзорный был государственным крестьянином Харьковской губернии, где обучался фотографическому мастерству. Начиная работать управляющим в заведении Ромуальда Леонардовича Туккера. В 1894 году Подзоров выкупает студию с условием, что будет работать под фирмой Туккера в Харькове. Однако в 1898 году он уехал на Дальний Восток для того, чтобы проводить репортажные съёмки, связанные с событиями русско-японской войны. По дороге он останавливался ненадолго во Владивостоке и вскоре принял решение остаться и открыл фотографическое ателье, которое очень быстро завоевало популярность.

Его руке принадлежат качественные и великолепные открытки, которые печатались в голубовато-зелёном тоне. Каждая открытка была пронумерована и подписана: «Привет из Порт-Артура», «Привет из Дальнего», «Издания Фот. Ф. И. Подзорова, Порт-Артур». В 1909 году фотохудожник получил Гран-при и Большую золотую медаль на Международной выставке в Милане за свои выдающиеся работы, а уже в 1910 году был также отмечен медалью на выставке в Ростове-на-Дону.

В фотоателье Фёдора Подзорова заказывали свои портреты известные в городе люди, такие как профессор Восточного института Н.В. Кюнер, первый журналист Владивостока Н.П. Матвеев, владивостокский предприниматель В.А. Жариков и многие другие. Тем не менее, в 1910 году Фёдор Подзоров принял решение продать своё фотоателье, и даль-

нейшая судьба фотографа неизвестна, но он неоспоримо внёс свой вклад в историю дальневосточного фотоискусства [6].

Одним из значимых фотографов города Владивостока был также и Владимир Мацкевич. Фотограф приехал на Дальний Восток в июле 1892 года. Основными сюжетами фотоснимков Владимира Мацкевича были события в лагерях, жизнь каторжан, охотников на островах Аскольд и Путятин. Ему удалось совершить путешествие в Императорскую гавань, где он имел возможность сфотографировать место гибели знаменитой «Паллады».

В 1895 году Владимир Мацкевич переехал во Владивосток окончательно вместе со своей семьёй и открыл фотомастерскую в доме Соллогуба на улице Пушкинской. Через некоторое время фотохудожник получил заказ от Уссурийской железной дороги и начал большую работу по подготовке фотоальбома о строительстве Транссиба. Уже через год альбом репортажных снимков был выставлен в Обществе изучения Амурского Края, а затем и в Нижнем Новгороде. За столь значительный вклад в историю Владимир Мацкевич был удостоен золотой медали [7].

Благодаря дальневосточным фотохудожникам второй половины XIX века мы можем иметь представление о людях и нравах того времени. Большой вклад в документирование истории региона своей коллекцией из более чем 150-ти снимков внёс Владимир Ланин. Фотограф-купец, родился в 1826 году, и жил во Владивостоке в период с 1870 до 1888 гг. Он оставил после себя множество фотоснимков с видами Амура, Южно-Уссурийского края, первых дальневосточных городов Хабаровска и Владивостока. Его деятельность вызывала большой интерес в Санкт-Петербурге. Ланин отправлял свои снимки в редакцию журнала «Всемирная иллюстрация», благодаря чему жизнь российского тихоокеанского побережья впервые стала достоянием широкой публики. Фотоработы Ланина публиковались в «Живописной России», «Азиатской России», «Народоведении». Многие уникальные фотографии приобрела Императорская публичная библиотека в Санкт-Петербурге. Несколько снимков Владивостока и Сахалина были куплены А.П. Чеховым.

Первоначально В.В. Ланин проживал в Николаевске-на-Амуре (ныне административный центр Николаевского района), где открыл фотографическое ателье, в котором можно было заказать как портрет, так и визитную карточку. Снимки делались на папирусной бумаге, картоне, стекле, клеёнке, меди и даже шёлке. В то время очень многие люди хотели иметь фотоснимки для того, чтобы разослать их своим друзьям или родственникам. Фотоателье имело популярность и доход, несмотря на то, что население города было совсем незначительное, а услуги отличались высокой ценой.

Помимо съёмки портретов в фотоателье, Ланин много ездил по деревням, посёлкам Дальнего Востока. Он был в числе первых, кто начал создавать антологию Восточной Сибири, её видов и типов, потому его работы для нас сегодня имеют большую ценность. Фотохудожник был, пожалуй, первым на Дальнем Востоке, кто освоил стереоскопическую съёмку, которая позволяла создавать панорамные виды. Впоследствии Владимир Ланин выпустил комплект фотографий с видами города и природы. Тираж был незначительным, небольшое количество открыток с печаткой «В.В. Ланин» сохранились в наши дни только в архивах музеев.

О Владивостокском периоде жизни (1870 – 1888 гг.) Владимира Ланина, как и в целом о его биографии, осталось мало упоминаний. Первые снимки Владивостока, которые фотограф делал по заданию Географического общества, датируются ещё 1869 годом. Переехав во Владивосток в 1870 году, фотограф начал активно заниматься художественной

съемкой. Многие труды, посвящённые Восточной России, украшают фотографии российских поселенцев на диких берегах Амура, Уссурийского края и Тихого океана, сделанные Владимиром Ланиным, в том числе и серия портретов аборигенов тайги и побережья – айнов, нивхов, гольдов, нанайцев.

Владимир Ланин так же оставил для нас много фотоснимков военно-морского флота. Это редкие снимки кораблей и судов, таких как пароход «Америка», шхуна «Ермак», фрегат «Светлана», канонерская лодка «Морж» и многие другие.

С 1881 года Владимир Ланин исполнял обязанности первого общественного нотариуса и городского маклера, а в 1888 году в газете «Владивосток» он подал объявление о продаже дома с земельным участком и фотоателье. Дальнейшая судьба фотографа неизвестна. Для города его память сохранилась в названии Ланинского переулка недалеко от железнодорожного вокзала, где стоял дом первого дальневосточного фотографа Владимира Ланина [5].

Одним из выдающихся фотографов Дальнего Востока, о котором нельзя не упомянуть, является Владимир Клавдиевич Арсеньев. Мало кто знает его как выдающегося фотолетописца и фотодокументалиста. Многие его работы сейчас хранятся в фондах Приморского краеведческого музея им. В.К. Арсеньева и Приморского филиала Географического общества. На целом ряде снимков, сделанных учёным, были его автографы и пометки. Коллекции снимков можно классифицировать на несколько видов: научно-документальные, сделанные Арсеньевым по заданию во время экспедиций, творческие и художественные снимки и репродукционные работы различной тематики.

Арсеньев не только записывал всё увиденное, но и вёл подробную фотолетопись походов. С камерой фотохудожник не расставался никогда и относился к фотоискусству очень трепетно. Пейзажные работы из его фотоальбомов выполнены с чувством первооткрывателя, изящны по исполнению, совершенны по композиции. Одни из выдающихся его работ это снимки, сделанные на реках Бикин, Тетюхе, Иодзухе, Коппи близ Пластуна. Ему удавалось передать в фотографиях глубину пространства, в них чувствовалась северная красота природы.

Художественный характер снимков В.К. Арсеньева выявляется в его особом творческом видении, когда обыденная ситуация превращается в поэтическую картину. Многие его этнографические картины и портреты можно отнести к художественным произведениям, благодаря живописной манере автора, сочетающей высокую степень достоверности с творческим обобщением.

Арсеньев применял фотосъемку в полевых исследованиях и экспедициях. Во многих прижизненных изданиях опубликованы различные экспедиционные снимки, которые позволяют судить об Арсеньеве как о серьёзном фотомастере.

Учёный сделал уникальные для нашего времени снимки села Никольск-Уссурийское, Сахалина, Командорских островов, Владивостока, реки Амур, церемонии освящения знамени 4-го Восточно-Сибирского полка. Многие из этих снимков приходят в негодность, а часть фотоальбомов и вовсе пропала. Ни в одном из архивных фондов, кроме Приморского краеведческого музея, иллюстрации не описаны с достаточной серьёзностью и в должном порядке.

Очень важно, чтобы уникальная фотографическая коллекция выдающегося русского путешественника была достойно показана всему миру. Для этого необходима реставрация снимков и негативов, доставшихся нам от замечательного нашего земляка В.К. Арсеньева [4].

В ряду первых мастеров объектива так же важно отметить Карла Шульца. Родился Карл Шульц в Финляндии 12 декабря 1849 года в купеческой семье. С детства у Карла проявился художественный вкус. Он всерьёз мечтал заняться изучением искусств. Однако семья не располагала деньгами, чтобы дать сыну хорошее образование, так что его определили учеником к фармацевту. Он прибыл во Владивосток в 1868 году вместе с семьями финских переселенцев в возрасте всего двенадцати лет.

Попробовав себя в разных профессиях, он всё-таки останавливается на фотоделе и открывает собственное фотоателье на берегу бухты Золотой Рог. К нему в ателье приходили все, начиная с китайского кули и японской гейши и заканчивая самим генерал-губернатором. Техника фотографии в те времена была чрезвычайно сложной, и клиентам приходилось проводить в мастерской Шульца не менее часа. Среди лучших его работ – портреты шкипера Гека, генерал-губернатора барона Корфа, автопортреты, а также фото его невесты и будущей жены – Марии Лиузы Барк. Одной из достопримечательностей салона Шульца был альбом невест, где были собраны портреты всех местных барышень. Помимо портретов Карл Шульц снимал и виды Владивостока, города, где он прожил больше 20 лет.

Карл Шульц делал снимки в бухте Стрелок, где жили прибывшие с Фридольфом Геком финские колонисты, и на острове Аскольд, где они намеревались заняться золотодобычей после закрытия организованной в Находке фактории. Первых краеведов он знал лично и никогда не отказывал им в профессиональной помощи фотографа.

В 1885 году Карлу Шульцу представилась возможность оказать услугу Ф.К. Геку, а именно сделать фотографии экспонатов привезённой шкипером уникальной коллекции с Берингоморского побережья. Эти фотографии хранятся сегодня в архиве ОИАК (Общество изучения Амурского края), а экспонаты – в Приморском государственном объединённом музее имени В.К. Арсеньева. Необходимо отметить, что часть экспонатов в советский период по требованию Москвы передали в хабаровский музей.

Но и то, что сохранилось в архивах Приморского музея и ОИАК, поражает своей уникальностью и оригинальностью. За 127 лет фотографии мало пострадали, подтверждая высокое профессиональное мастерство автора [3].

В конце 1889 года он задумал подготовить для себя фотоальбом с видами города, с которым его связывали более двадцати лет жизни. В свободное время он бродил по городским улочкам, выискивая объект для очередного снимка. Архитектура первых построек была скромна, иногда неказиста, но все строения выросли на его глазах, а потому были дороги ему, как память о его активной молодости. Фотообъектив К. Шульца ловил новенькую гостиницу Тупышева на Светланской, первую русскую телеграфную станцию. Теперь они существуют только в альбоме талантливого фотографа, составившего своеобразную фотолетопись исторических мест города. Фотоколлекция, в которой Карл сумел передать свою искреннюю любовь к нашему городу и краю, хранится в семье потомков фотографа в Финляндии.

Хотелось бы так же вспомнить первого фотографа Хабаровска – Эмилия Нино. В 1894 году он получил право на открытие фотосалона в собственном доме и занимался печатаньем визитных карточек по разрешению П.Ф. Унтербергера – военного губернатора Приморской области. Только небольшая часть прекрасных снимков «Э. Нино – фотографа» была показана на выставке в музее.

Ещё в начале 1870-х годов Эмилий Францевич Нино прибыл в Россию из Франции вместе со своим братом Евгением. Выехав из Парижа, они отправились путешествовать по Сибири и Дальнему Востоку, занимаясь пушным бизнесом. Однако воображение братьев Нино, партнёров по коммерческим делам, покорили амурские просторы, местные жители с их мудрой простотой, амурские казаки со своими интересными традициями.

Эмилий Нино был профессиональным фотографом. Э. Нино приходилось совмещать фотографирование с коммерческими делами, но ему это удавалось. Совершая поездки по Амуру на небольшой лодке, он останавливался почти во всех селениях, расположенных на берегу. Вывешивался флаг с надписью «Фотограф». Местные жители смотрели на аппаратуру со страхом. А Нино старательно усаживал стариков, детей и женщин группами и в одиночку, чтобы запечатлеть их облик и потом порадовать семью «волшебной» карточкой. Как правило, платить за фотографии аборигенам было нечем, расплачивались рыбой или пушниной.

Когда создавался музей в Хабаровске, Эмилий Францевич пожелал внести и свою посильную лепту. В инвентарной книге поступлений есть запись от 10 февраля 1894 года о том, что Э. Нино подарил 260 экземпляров собственных фотографий. Это виды селений, станиц, приисков и портреты жителей Приамурья и Забайкалья. Запись удостоверялась подлинной подписью фотографа. Многие снимки датированы автором с обязательной визиткой «Э. Нино» или «E. N». Первые визитки, дошедшие до нас, отпечатаны в Париже на французском языке.

Фотоснимки Эмилия Нино – свидетельства того, насколько прекрасной была первозданная природа юга Дальнего Востока. Благодаря фотоаппаратам-первопроходцам мы многое узнали о жизни и быте первых жителей Владивостока, Хабаровска, о том, как наш край, и дальневосточный регион в целом, зарождался и развивался.

В заключении представляется необходимым ещё раз обратить внимание на важное обстоятельство: несмотря на то, что одним из первых городов Дальнего Востока стал Петропавловск-Камчатский, основанный в 1739 году, фотоискусство более интенсивно развивалось во Владивостоке. Ведь основание города в 1860 г., совпадает с появлением фотоаппаратов в Европе. Именно поэтому в данной статье основное место уделено именно Владивостоку. Важно отметить также, что стремительная застройка города привлекла в него людей со всей страны. Таким образом, именно Владивосток, город портовый, военный и динамичный, стал отправным пунктом развития фотоискусства на Дальнем Востоке. Значение города возросло после того, как в 1896 году был открыт Суэцкий канал, намного сокративший путь из Европы в Тихий океан и на русский Дальний Восток. Чуть позже были основаны такие города, как Усурийск, Спасск, города Приамурья и Камчатки, куда фотоискусство пришло уже более уверенно и стремительно. Появившись всего два века назад, фотоискусство стало неотъемлемой частью нашей жизни. В данной статье мы проследили биографии людей, благодаря которым фотография зародилась на юге Дальнего Востока и продолжила своё развитие вплоть до наших дней.

Литература

1. Бажак К. История фотографии. Возникновение изображения / Кантен Бажак; пер. с франц. А. Кавтаскина. М.: Астрель, 2006. 159 с.: ил.
2. Барт Р. Camera lucida. Комментарий к фотографии / Ролан Барт; пер. с фр., послесл. и коммент. Михаила Рыклина. М.: ООО "Ад Маргинем Пресс", 2011. 272 с.: фот.
3. Кирсанова Е.С. Становление школы художественной фотографии в Приморском крае (1960 – 1980-е годы) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2011. № 3. С.37-39.
4. Луганский Ю.К. Арсеньев Владимир Клавдиевич и его наследие. Владивосток, 1997.
5. Луганский Ю.К. Первый фотограф Дальневосточья Владимир Ланин // Дальневосточное собрание. 2001. 7 февр.
6. Михалкович. В.И., Стигнеев В.Т. Поэтика фотографии. М.: «Искусство», 1989. 296 с.
7. Попов А.П. Из истории российской фотографии / Российская государственная библиотека искусств. М.: Издательство Моск. ун-та, 2010. 238 с.
8. Стигнеев В.Т. Век фотографии. 1894 – 1994: Очерки истории отечественной фотографии. Изд. 5-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 392 с.
9. Хисамутдинов А.А. Жизнь замечательных людей Владивостока. 1890 – 1950 – 2010. Владивосток. Изд-во Дальневост. ун-та, 2010. 399 с.
10. Чибисов К.В. Очерки по истории фотографии / Вступ. ст. В.И. Шеберстова. М.: Искусство, 1987. 225 с.: ил.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Bazhak K. Istoriya fotografii. Vozniknovenie izobrazheniya / Kanten Bazhak; per. s frants. A. Kavtaskina. M.: Astrel', 2006. 159 s.: il.
2. Bart R. Camera lucida. Kommentarij k fotografii / Rolan Bart; per. s fr., poslesl. i komment. Mikhaila Ryklina. M.: ООО "Ad Marginem Press", 2011. 272 s.: fot.
3. Kirsanova E.S. Stanovlenie shkoly khudozhestvennoj fotografii v Primorskom krae (1960 – 1980-e gody) // Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke. 2011. № 3. S.37-39.
4. Luganskij YU.K. Arsen'ev Vladimir Klavdievich i ego nasledie. Vladivostok, 1997.
5. Luganskij YU.K. Pervyj fotograf Dal'nevostoch'ya Vladimir Lanin // Dal'nevostochnoe sobranie. 2001. 7 fevr.
6. Mikhalkovich. V.I., Stigneevev V.T. Poehatika fotografii. M.: «Iskusstvo», 1989. 296 s.
7. Popov A.P. Iz istorii rossijskoj fotografii / Rossijskaya gosudarstvennaya biblioteka iskusstv. M.: Izdatel'stvo Mosk. un-ta, 2010. 238 s.
8. Stigneevev V.T. Vek fotografii. 1894 – 1994: Ocherki istorii otechestvennoj fotografii. Izd. 5-e. M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2012. 392 s.
9. KHisamutdinov A.A. ZHizn' zamechatel'nykh lyudej Vladivostoka. 1890 – 1950 – 2010. Vladivostok. Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 2010. 399 s.
10. CHibisov K.V. Ocherki po istorii fotografii / Vstup. st. V.I. SHEberstova. M.: Iskusstvo, 1987. 225 s.: il.

УДК 378.147:37.01

*Ембулаев В.Н.
Embulaev V.N.*

Современные информационные технологии в обучении и проблемы образования

Modern information technologies in teaching and educational problems

Теория обучения для высшей школы ставит своей целью изучение закономерностей, принципов и средств формирования специалистов высшей квалификации. И чтобы понять, какой в этом случае должна быть эта теория и какими должны быть содержание и практика обучения в высшей школе, необходимо рассмотреть вопрос о состоянии высшей школы и некоторых исходных задачах теории обучения в ней.

Ключевые слова: образование, высшая школа, преподаватель, студент, обучение, педагогика, дидактика

The theory of learning for high school aims to study the laws, principles and means of formation of highly qualified specialists. And to understand, and which in this case must be the theory, and what should be the content and practice of teaching in higher education, it is necessary to consider the state and some of the initial problems of the theory of learning for high school.

Key words: education, high school, teacher, student, training, pedagogy, didactics

В настоящее время в учебном процессе высшей школы, – и не только! – широко используются различные электронное оборудование и современные информационные технологии. Однако качество получаемых знаний студентами электронного обучения, особенно дистанционного обучения, и их последующее применение на практике остаётся на низком уровне. Это объясняется тем, что в условиях электронного обучения с использованием интернета студент имеет возможность получать множество различных сведений по интересующей теме. Но множество сведений (т.е. информация) не есть ещё знания. Это элементарная осведомлённость, не всегда ведущая к развитию знаний. Проще говоря, осведомлять – это не значит развивать знания.

При электронном обучении доминируют «шаблонные» процессы «принятия решений» в условиях неизменной итоговой формулировки, когда исходные данные, вопросы и цели дают студентам уже в готовом виде. И так как при этом обратной связи нет, то и электронное обучение просто не способно ставить перед студентами задачу усмотреть актуальность проблемы, умение подметить её специфические особенности или сформулировать её в оригинальной постановке. Такого можно достичь, как показывает практика обучения, только при наличии человеческого фактора в лице преподавателя.

ЕМБУЛАЕВ Владимир Николаевич, д.э.н., профессор кафедры «Математика и моделирование» Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (г. Владивосток). **E-mail:** Vladimir.Embulaev@vvsu.ru

То, что качество образования в современной высшей школе является низким, подтверждает развитие паразитирующих на авторитете точных знаний и никогда не умирающей тяги к ним разного сорта оккультных наук и ремёсел – хиромантия, уфология, астрология, ясновидение, гадание, колдовство, знахарство и другие паранормальные мифологемы. Широкое распространение лженаук и низкое качество образования привело к тому, что в обществе подавляющая часть населения верит в амулеты, обереги и привороты, снятие и наведение порчи, предсказаниям судьбы и гороскопов, чудесным исцелениям, в мгновенное обучение языкам, музыке и менеджменту и т.д.

Следовательно, совершенствование системы образования и обучения в современной высшей школе при широком использовании электронного оборудования и современных информационных технологий, в том числе и интернет-технологий, является весьма актуальным.

Современный человек должен быть глубоко и разносторонне образованным, так как нынешняя эпоха – это эпоха торжества здравого смысла и гуманизма! Однако сегодня довольно часто, в том числе и от чиновников в сфере образования, можно слышать: «А для чего? Какое там торжество, какое светлое будущее? Мы живём и должны жить сегодня. Для чего доярке «Анна Каренина» и бином Ньютона? И что, производительность труда токаря повысится, если он будет в состоянии «ямб от хорей отличать» и овладеет зачатками математического анализа? А доходы банка разве как-то зависят от знания астрономии и ботаники клерком, отлично владеющим компьютером? А для чего образование, особенно высшее, женщине, которая, быть может, нарожает много детей и посвятит жизнь их воспитанию, ни дня не поработав по полученной в ВУЗе специальности учителя литературы? Всё, что лежит за пределами профессиональных задач, обществу и государству не нужно, платить за это не надо, в крайнем случае, за подобные излишества пусть платят «родители или лица их замещающие». Власть имущим надо лишь то, что будет способствовать росту производительности труда, росту прибавочной стоимости и увеличению прибыли, а для этого не только не надо «всех тех богатств, которое выработало человечество», не надо даже среднего образования».

Однако надо понимать, что включение молодёжи в жизнь общества (производственную, общественно-политическую и культурную деятельность) требует, чтобы подрастающие поколения овладели необходимыми знаниями, умениями, навыками, накопленными человечеством в процессе социально-исторического опыта.

Процесс передачи знаний, умений, навыков выступает как социальное явление, присущее человеческому обществу, и называется обучением. С развитием общества, накоплением большого объёма знаний, умений, с развитием наук происходит дифференциация, выделение двух каналов, по которым осуществляется обучение.

Первый канал – это передача знаний, умений, навыков в широком общении взрослых с детьми. При этом содержание знаний, выработка умений и навыков определяются конкретными задачами общения, трудовой деятельности и т.п. Этот путь приводит к накоплению суммы эмпирических знаний, выработке круга умений, навыков, но они ограничены конкретными ситуациями, узкой сферой той или иной деятельности. В развитом обществе этот путь не может быть главным, так как он не обеспечивает подготовки молодёжи к широкому участию в разных сферах жизни и деятельности.

Другой канал обучения – организованная, плановая, систематическая передача подрастающему поколению накопленных знаний, умений и навыков в специальных учебных заведениях специально подго-

товленными людьми. Цель такого организованного обучения – передача молодёжи той части опыта, которая отражена в научных знаниях, разнообразных познавательных и трудовых умениях, и развитие тех способностей, которые необходимы для участия в современном производстве, общественно-политической и культурной жизни общества.

Изучением закономерностей организованной деятельности по передаче знаний, умений, навыков и усвоению их подрастающим поколением занимается особая отрасль педагогической науки – дидактика.

Термин «дидактика» происходит от древнегреческого слова «didasko» – учить. В задачу дидактики входит изучение сущности, закономерностей, принципов обучения и перспектив его развития в обществе. Дидактика представляет собой совокупность знаний о том, как нужно осуществлять эту деятельность в целом. Она разрабатывает, опираясь на социальный заказ общества и особенности возрастного развития, цели обучения (для чего учить, к чему готовить подрастающее поколение), содержание обучения (чему учить), принципы, методы, формы организации процесса обучения (как учить), контроля и учёта результата обучения.

Сущность обучения раскрывается в понятиях образование и процесс обучения.

Понятие «образование» включает содержательную сторону обучения – те знания, умения, навыки, которые должны освоить обучающиеся, круг тех познавательных и других способностей, которые обеспечивают как общее развитие, так и успешное выполнение конкретной деятельности. Понятие «образование» используется также для обозначения необходимого объёма общих и специальных знаний, умений и навыков, отбираемых для освоения подрастающими поколениями, и результата их освоения. В соответствии с этим осуществляется среднее и высшее образование, общее и профессиональное, гуманитарное, техническое, сельскохозяйственное, музыкальное и т.п. Степень овладения образованием обозначается понятием образованность. Высокая степень образованности характеризуется овладением большим объёмом разнообразных знаний, умений, навыков, высоким уровнем развития познавательных способностей, интересов, сформированностью научного мировоззрения, успешной деятельностью в том или ином виде труда.

В понятии «образование» раскрывается и результат усвоения систематизированных научных знаний и умений, сформированность личности определённого типа в итоге её обучения. В этом случае понятие «образование» соприкасается с понятием «воспитание» и относится к нему как средство к цели.

Разработка конкретного содержания образования, отражённого в учебном предмете, обеспечивается частными методиками. Содержание образования отражается в учебном плане, учебных предметах, учебных программах. Дидактика разрабатывает их содержание и оперирует понятиями «учебный план», «учебный предмет», «учебная программа».

Понятие «процесс обучения» используется для характеристики целостного организованного процесса передачи преподавателем и усвоения студентами знаний, умений, навыков, формирования разнообразных способностей. Этот процесс характеризуется взаимодействием двух взаимосвязанных деятельностей: деятельности преподавания (деятельности преподавателя) и деятельности учения (деятельности студентов). Обучение включает организацию физических и умственных действий студентов по освоению содержания образования, по осуществлению его задач, деятельность по применению усвоенных знаний, умений. Обучение относится к образованию как средство к цели.

Итак, предметом дидактики является определение целей, содержания образования молодого поколения и организация процесса, ведущего к овладению этим содержанием, т.е. процесса обучения. Дидактика – это теория образования и обучения.

Современная дидактика – это новый этап в её развитии. Она опирается на сформулированные особенности современного характера образования и обучения, когда широко применяется интернет и электронно-информационные технологии, на необходимости соответствия образования и обучения материально-техническому, научному и социальному развитию современного общества. Эти методологические положения позволяют разрабатывать цель и задачи образования, его содержание и организацию обучения в разных звеньях системы образования в соответствии с потребностями развивающегося современного общества.

Современная дидактика выделяет ряд функций обучения. Первая функция – образовательная, реализуется в передаче и освоении студентами определённой системы научных знаний, а также умений и навыков, необходимых для участия в разных видах трудовой деятельности. Вторая функция – воспитательная, предусматривающая в процессе освоения научных знаний воспитания современного мировоззрения, определяющего активную позицию человека и его отношение к социальной действительности, к труду, природе, готового и умеющего отстаивать идеалы современного общества. И третья функция – развивающая, которая проявляется в том, что освоение научных знаний, умений и навыков и применение их на практике (в труде) направлено также на развитие познавательных способностей и интересов, развитие мышления, воображения, способностей к разным видам деятельности.

Все эти функции в учебном процессе представлены неразрывно. Возрастающая роль образования и обучения подрастающих поколений в их подготовке к жизни и труду обусловлено интенсивным развитием современного общества и широким использованием интернета и электронно-информационных технологий в процессе передачи знаний. Именно это обязывает современную дидактику более точно дифференцировать и конкретизировать цели, содержание, методы и организацию образования и обучения подрастающих поколений на разных возрастных этапах в разных учебно-воспитательных учреждениях системы образования, включая дошкольное, профессиональное – начальное, среднее, высшее и дополнительное.

УДК 947.081/.083(571.63-20)

*Позняк Т.З.
Poznyak T.Z.***Образ Владивостока в представлении современников
во второй половине XIX – начале XX в.****The image of Vladivostok in the view of contemporaries
in second half of XIX – beginning XX**

Статья посвящена образу Владивостока во второй половине XIX – начале XX в. На основе широкого круга источников – официальных отчетов, путевых заметок, очерков – автор рассматривает, как изменялось представление о городе, раскрывает те аспекты образа города, которые наиболее часто привлекали внимание современников и транслировались в разнообразных текстах.

Ключевые слова: образ города, Владивосток, климат, общество, мифы, китайский квартал

The article is devoted to the image of Vladivostok in the second half of XIX – early XX century. Based on a wide range of sources – the official records, travel writing, essays – the author examines how changing perceptions about the city, reveals aspects of the image of the city that are most often attracted attention of his contemporaries and broadcast in a variety of texts

Key words: image of the city, Vladivostok, climate, society, myths, Chinatown

В современном отечественном дискурсе весьма актуальной стала проблема формирования позитивного имиджа региона или города как фактора его конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности [3; 11; 12; 14; 19]. Применительно к дореволюционному периоду говорить о целенаправленной политике по созданию имиджа территории в полном смысле нельзя, однако в разнообразных текстах того времени можно увидеть попытки сформировать у современников представление о том или ином регионе. Весьма красноречиво о том, какой образ Дальнего Востока существовал в России, сказал военный губернатор Владивостока А.Ф. Фельдгаузен во Всеподданнейшем отчёте за 1884 год: «далёкая окраина, про которую в провинциях Европейской России существует много сказочного, далёкого от действительности» (РГИА ДВ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 382. Л. 370 об.).

Цель статьи – воссоздать образ Владивостока в представлениях современников – журналистов, путешественников, чиновников, жителей города во второй половине XIX – начале XX в. Исследователи могут выполнить эту задачу, опираясь на два вида источников. Первый – это путевые очерки, впечатления и заметки о посещении Владивостока, изданные в виде статей в журналах, книг, рассчитанные на широкий круг читателей, в которых целью авторов было, конечно, не создание имид-

жа Дальнего Востока вообще и Владивостока в частности, а знакомство читателей с новым и вызывающим интерес регионом. Второй – это докладные записки, отчёты чиновников разного уровня, которые служили основой или напрямую представлялись на высочайшее имя или в правительстве и должны были создавать представление и знание о регионе и городе в соответствующих властных структурах. При сопоставлении и сравнении этих двух видов источников можно выделить нечто общее, на что обращали внимание авторы этих документов и транслировали во вне. В рамках статьи невозможно охватить все разнообразные аспекты образа Владивостока, отражавшиеся в документах эпохи, это только попытка представить наиболее часто повторяющиеся элементы.

Первое, на что наиболее часто обращали внимание и запечатлевали в текстах современники – удобство бухты Золотой Рог для стоянки судов и её красоту. В качестве примера официального видения можно привести текст из черновика Всеподданнейшего отчёта военного губернатора Владивостока за 1881 г.: Владивосток расположен «на западном и северном берегу глубокой и хорошо защищённой от ветров бухты Золотой Рог, весьма удобной для стоянки и самых больших судов...» (РГИА ДВ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 130. Л. 214-214 об.). Гораздо более эмоциональны слова из письма, написанного восхищённым видом из своего окна Элеоноры Прей: «Здесь у нас, куда ни глянешь, всё солёная вода, да горы, а вид из окна до того хорош, что другого такого я в жизни не видала. Два залива да бесчисленные острова и сопки» [15, с. 19, 24]. Ю. Лигин, посетивший Дальний Восток в 1911 г., в своих очерках также оставил отзыв о виде с сопки на бухту Золотой Рог – «совершенно исключительной, единственной красотью». «Города, лучше расположенного, чем Владивосток, в России нет. Даже Ялта, – блестящая, ослепительная Ялта, – на мой взгляд, уступает ему» [13, с. 93].

Второе, на что неизменно обращали внимание путешественники, публицисты, медики и чиновники, жившие в городе, – это неблагоприятный климат Владивостока, являвшийся причиной лёгочных и суставных заболеваний, нервных расстройств. В отчёте Владивостокского городского врача коллежского асессора Новикова от 9 апреля 1881 г. военному губернатору Владивостока написано: «Находясь почти на одной широте с Римом и Венецией, он имеет среднюю годовую температуру одинаковую со Стокгольмом и Петербургом. Одну половину года с мая по октябрь климат Владивостока совершенно морской с частыми густыми туманами, другую половину года, вследствие почти не прерывно дующих сухих, холодных Северо-Восточных ветров, он имеет климат сухой вполне континентальный. ... Зимой имеет холодную, бесснежную; зимой дуют почти постоянно... ветра, значительной силы, сухие и холодные, поднимающие по улицам сильную пыль. Эти ветра составляют одно из наиболее неблагоприятных климатических условий Владивостока, порождая очень значительное число заболеваний воспалением дыхательных органов» (РГИА ДВ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 130. Л. 76-76 об.).

Повторяющиеся из года в год слова из отчётов врачей и губернаторов, видимо, имели достаточные основания. Особенности местного климата поражали приезжих. М.Г. Гребенщиков, посетивший Владивосток в середине 1880-х годов, прибыл на пароходе Добровольного флота в конце апреля и констатировал, что весна в городе ещё не начиналась, весь май он проходил в ватном пальто и вплоть до 10 июня «в комнате почти ежедневно топилась печка», стоило пойти дождю температура воздуха среди лета опускалась до 10 градусов. «Но что было поистине убийственно – это туманы. От них нельзя было спастись даже в комнатах. Ножницы, ножи и другие стальные вещи покрывались страшной ржавчиной, ... шведская куртка поросла грибами, а фрак и мундир покрылись зе-

лёнными пятнами; даже сафьянные корешки книг покрылись плесенью. ... Сырость и туманы Лондона, насколько я с ними знаком по описанию, ничто в сравнении с сыростью и туманами полуострова Амурского...» [7, с. 129-130]. Только в конце июля наступало лето, и начиналась «тропическая жара» с невероятной духотой. «Настоящей зимой» во Владивостоке не было, редко выпадавший снег сдувался с улиц сильными ветрами, морозы сменялись оттепелями, когда вдруг мог пойти дождь» [7, с. 130-131]. «Нигде так часто не сходят с ума, как во Владивостоке, и доктора объясняют это не одним господством пьянства, которое разве немного сильнее общерусского, но и климатическими условиями, располагающими к психическим заболеваниям» [7, с. 132].

Гребенщиков воспроизводит один из мифов, составляющих образ Владивостока – пьянство и климат вели к более частным «умопомешательствам» во Владивостоке, чем в Европейской части России. Этот миф, видимо, был так распространён в сознании местных жителей, что губернатор Владивостока сделал специальный запрос на этот предмет городскому врачу [РГИА ДВ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 382. Л. 283.], который в ответ написал, что сколько-нибудь точной и полной статистической базы для проведения такого сравнительного исследования нет, поскольку такая статистика не собирается в империи. Далее он написал: «... нельзя вместе с тем «отрицать, что пьянство, умопомешательство и самоубийство распространены в здешнем крае в довольно большом числе... но я не могу приписать им особые местные условия проявления...», обосновал свой вывод тем, что во Владивостоке нет местного населения, «а прибывающие сюда на временную стационарную жизнь и службу представляют общество Европейской России со всеми его слабостями; ... Не видал я, чтобы приехавший сюда человек трезвого поведения здесь превратился в пьяницу, но все мне известные случаи запоя принадлежат людям, которые уже в Европейской России были подвержены пьянству» (РГИА ДВ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 382. Л. 331-331 об.).

Современники также неизменно обращали внимание на своеобразную планировку Владивостока – растянутость вдоль береговой линии и очаговый характер застройки, обусловленные прибрежными положением и рельефом местности, а также качеством городских построек. Н.М. Пржевальский, посетивший Владивосток в конце 1860-х годов, подметил обширность и удобство бухты для стоянки судов, протяжённость города на версту и характер застройки: «Кроме солдатских казарм, офицерского флигеля, механического заведения, различных складов провианта запасов, в нём насчитывается около пятидесяти казённых и частных домов да десятка два китайских фанз. Число жителей, кроме китайцев, но вместе с войсками, простирается до пятисот человек» [16, с. 143].

К концу 1870-х годов численность населения города уже составляла около 10 тыс. чел., застройка по-прежнему носила очаговый характер, город вытянулся ещё больше, были выделены места под порт, механические мастерские, госпиталь и слободки – Офицерскую, Матросскую, Госпитальную. В 1873 г. вблизи города был основан Подгорный посёлок сырьёкопторжных, также на Первой речке существовал пивоваренный завод [6, с. 19, 23, 25-26] (РГИА ДВ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 130. Л. 214-214 об.; Д. 294. Л. 287-287 об.).

Этот рост города отражался в официальных документах, например, во Всеподданнейшем отчёте военного губернатора Владивостока за 1881 год указано, что город «тянется узкою полосой от берега Амурского залива по западному и северному берегам Золотого Рога на восток до семи вёрст. Ширина же только в оконечностях доходит до полуверсты, большая часть города шириною от 50 до 150 сажень. Такому растянутому расположению города способствовали близ берега лежащие значи-

тельные высоты с крутыми спусками» (РГИА ДВ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 130. Л. 214-214 об.). Кроме этого, в отчёте фигурировали и негативные характеристики местной застройки: «Большинство домов принадлежит бедному классу жителей, имеют характер временный, без хозяйственных пристроек и приспособлений, отхожие места очень плохо устроены и большею частью состоят из огороженных ям, помойных ям вовсе нет и самые дома устроены плохо, на скорую руку, совершенно против правил гигиены за ограниченностью средств жителей. Незначительная часть жителей имеют порядочные дома с пристройками и лишь немногие владеют хорошими домами, построенными по правилам архитектуры и гигиены» (РГИА ДВ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 130. Л. 209.).

По мере роста населения осваивались более высокие ярусы холмистого ландшафта берегов бухты Золотой Рог. В конце 1880-х – 1890-е годы застройка охватила склоны сопок, а также отдалённые от центральных кварталов низменные части – частично Куперовскую падь и долину Первой речки, строительство казарм, складов, немногочисленные частные постройки развернулись уже и в районах мыса Чуркин. При этом, в центральной части города первоначальная деревянная застройка 1860-70-х годов частично была снесена и в 1890-х годах, но в основном в начале XX в. сменилась каменными двух, трёхэтажными зданиями и выше.

Неудивительно, что уже в 1880-90-е годы появились иные описания Владивостока, и в качестве характерной черты начали отмечать динамичность города и быстрое развитие. Военный губернатор Владивостока уже в отчёте за 1884 г. предсказывал городу большое будущее: «Если осматривать город один раз в год, то перемены малозаметные для постоянного жителя резко бросятся в глаза, так прогрессивно идёт его улучшение, развитие. Четыре-пять лет назад не было ни одного каменного здания и вся постройка домов носила характер временный, сколоченные кое-как на скорую руку для временной остановки служилого люда или приехавшего поискать счастья на нашей далёкой окраине... Теперь же город украсился многими каменными солидными зданиями, заметно на каждом шагу стремление к прочности, постоянной оседлости, особенная забота обращена при постройке новых домов, которых в отчётном году значительное количество возведено: устраиваются улицы, водосточные трубы, мосты, тротуары, делаются насыпи, обсаживаются деревьями; также улучшены пристани, площадь и базар, устроены по берегу товарно-приёмные и отпускные пакгаузы» (РГИА ДВ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 382. Л. 370 об.-371).

С.Н. Южаков, прибывший во Владивосток 23 апреля 1891 г., обратил внимание на особенности застройки главной улицы – Светланской – «широкая, с деревянными, плохо содержимыми тротуарами по бокам, немощёная, очень пыльная. Строения теснятся преимущественно на северной стороне улицы. Здесь вижу большие магазины Тун-ли, Юн-Хо-Зана, Юн-Син-Ли, Качана, японский магазин Эмура, русскую прогимназию, японских часовщиков, китайских портных... но более всего стеснившихся в кучу грязных китайских фанз...» [21, с. 25]. В другую сторону по Светланской «один за другим возвышаются громадные каменные магазины трёх главных торговых фирм Владивостока (две иностранные и одна сибирская). Тут же почтовая контора и телеграф...» [21, с. 26-27]. Светланскую улицу перпендикулярно пересекают переулки. «Все эти переулки с одной стороны круто спускаются к бухте, а с другой ещё круче поднимаются в гору, которая здесь близко подходит к бухте, не оставляя у берега свободной горизонтальной площадки. Только в северо-западном углу бухты, где пристань и базар, имеется такая небольшая площадка» [21, с. 27].

Однако сохранились в источниках и описания застройки Владивостока этого же времени, ничем не отличающиеся от отчётов губернатора за 1880-е годы: «Большинство домов, принадлежащие небогатому классу, деревянные; построены против всяких правил гигиены, весьма тесны, холодны и сыры... Хотя дома строились и строятся из брёвен, но немало встречается и таких, наружные стены которых состоят только из одной плахи. Удобств при домах никаких... особенно неблагоприятные санитарные условия представляют: манзовский квартал, Семёновский покос и слободки – Линейная и Матросская, которые по большей части состоят из фанз или жалких лачуг» [17, с. 10-11].

Столь же негативно оценивалось современниками и состояние городских улиц: «... улицы города почти исключительно грунтовые; каналы каменные сделаны только по главным улицам и то большею частью с одной стороны, которые при весенних дождях горными потоками или заносятся вовсе, или размываются; тротуаров почти нет, потому что существующие дощатые мостики, ремонтируемые от времени до времени и представляющие из себя движущиеся под ногами настилки, называться тротуарами не могут...» (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 178. Л. 61). И это несмотря на то, что во Владивостоке за 1880-90-е годы были проведены большие работы по шоссировке улиц, сооружению водосточных канав, строительству тротуаров.

В начале XX в. центральная улица – Светланская – была замощена на расстоянии 370 саженей¹, остальные продолжали оставаться грунтовыми. На пяти улицах были устроены каменные тротуары, на остальных в центральной части города – деревянные [4, с.123]. Полностью главная улица была замощена в 1908 г., в мостовую были уложены трамвайные рельсы, к этому времени было замощено ещё несколько улиц в центральной части города. В виду больших работ по благоустройству улиц сильно изменились как визуальный образ города (это отражается на снимках конца XIX – начала XX в.), так и вербальный. Тем не менее, страницы местных газет продолжали пестреть заметками на эту тему и в 1890-е и в 1910-е годы: «... даже на главной улице – Светланской – стояла такая грязь, что для перехода через улицу требовалось нанимать извозчика» [5].

В начале XX в. А. Богданов отметил в своих очерках: «преобладающий тип построек – одноэтажные и двухэтажные деревянные домики. Каменные дома строятся в три и даже в четыре этажа», базарная площадь и центральные улицы освещаются керосиновыми фонарями, которых город имеет 250. «Электричество здесь также начинает вводиться, пока им освещаются магазины местных богачей, а также некоторые гостиницы. ... Владивосток растёт не по дням, а по часам» [2, с. 63-64]. И ему фактически вторит А.Виноградов [4, с. 122-123]. Е. Павлов также отмечает наличие в городе «прекрасных, даже высоких каменных построек», и неудобство улиц «вследствие плохих мостовых» [18, с. 205]. Гораздо более высоко оценил Владивосток Ю. Лигин в 1911 гг.: «И построен он недурно. Неблагоустройства ещё достаточно, но часто встречаются европейские здания, есть хорошо вымощенные улицы, проводится электрический трамвай. Среднему русскому губернскому городу до Владивостока далеко» [13, с. 93].

Но самый важный момент, который создавал совершенно неповторимый образ Владивостока, придавал ему специфику и отмечался современниками – это особенный состав населения – преобладание военных, иностранцев, мужчин, недостаток женщин и временный характер населения.

¹ К замощению приступили в 1899 г., первоначально было замощено около 788 метров, т.е. меньше километра.

Военный губернатор Владивостока во Всеподданнейшем отчёте за 1881 г. отметил, что «преобладание иностранцев, особенно манз, как в самом Владивостоке, так и во всём Южно-Уссурийском крае делает город своеобразным и лишает его русской народности» (РГИА ДФ. Ф. 77 Оп. 1. Д. 294. Л. 257-257 об.), а в отчёте за 1884 г. его оценка отличается ещё более резким тоном: «Это преобладание иностранцев в населении резко отличает Владивосток от других русских городов, главным образом войско и чиновничество дают Владивостоку вид русского города. Женского пола весьма недостаточно, ... преобладание мужского элемента, бесемейного большинства, тоска по родине отражается крайне дурно на нравственном состоянии населения, порождая разврат, пьянство и вообще разнузданность, в особенности в низших слоях общества» (РГИА ДВ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 382. Л. 370-370 об.).

Подобные же оценки встречались и на страницах путевых заметок начала XX в.: «Вряд ли найдётся в целом мире другой город, который совмещал бы в себе столько народностей, как Владивосток. Здесь можно встретить русских, поляков, французов, кавказских горцев, корейцев, англичан, китайцев, немцев, японцев, американцев и проч.» [2, с. 63-64]. А. Виноградов также отмечает многонациональный состав населения города, из-за чего «жители разбиваются на кружки по национальностям и мало или почти не общаются с людьми, не принадлежащими к данному кружку» [4, с. 127].

Действительно, на протяжении всей досоветской истории каждый третий или четвёртый житель города был выходец из сопредельных азиатских стран и более всего из Китая, неудивительно, что это сразу бросалось в глаза людям, приехавшим из Европейской России. Журналист, публицист Д.И. Шрейдер, посетивший Дальний Восток в середине 1890-х годов, писал: «По улицам города снуют по всем направлениям китайцы, корейцы и японцы. Особенно много китайцев; русских почти совсем не видеть... Длинная коса, волочащаяся чуть не до самой земли, жёлтый, пергаментный цвет лица – следствие обильного употребления опиума и плохого питания, – лукавые раскосые глаза, своеобразный костюм, состоящий на-половину из чего-то похожего на дамскую кофту («курма»), на половину из лёгких шаровар детского покроя, мягкие туфли, неслышная поступь, вкрадчивый голос, льстивая речь, – таков, в общем, по первому впечатлению, уссурийский китаец, известный у местных жителей под названием «манзы»¹» [20, с. 12].

Преобладание азиатских мигрантов было особенно заметным в нескольких районах. Китайцы во Владивостоке уже в 1870-х годах заселили в центральной части города так называемый Манзовский базар вблизи городской пристани, затем район вблизи Семёновского покоса.

Манзовский базар производил неизгладимое впечатление как на людей, недавно прибывших в город, так и на жителей города. Свидетельств современников на этот счёт можно привести немало. Городовой врач Владивостока в отчёте за 1882 г. констатировал: «... Главным же источником распространения зловония в воздухе служит манзовский базар и все участки, занятые манзовскими фанзами и надворными постройками». «Манзы же в домашнем обиходе чрезвычайно грязны и неопрятны, все их жилья повсюду окружены целыми кучами мусора, нечистот и отбросов пищевых остатков. Воздух вокруг манзовских жилищ приобретает сильную удушливость и неприятный запах также от особенного ... травяного масла, на котором манзы приготавливают себе пищу» (РГИА ДВ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 211. Л. 160 об.). Столь же нелестно он отозвался и

¹ Манзы или мань-цзы – термин, употреблявшийся на российском Дальнем Востоке по отношению к китайцам, дореволюционные авторы относительно его происхождения высказывали самые разнообразные мнения.

о районе рядом с Семёновским покосом, который «...примыкает к самому заселённому и в тоже время самому бедному и грязному кварталу города. Население в этом квартале крайне скученное: маленькие домики русских жителей, а ещё более фанзы манз и корейцев устроены против всяких правил гигиены и особенно фанзы до невозможности переполнены жильцами. Так, например, в фанзе построенной на 7-8 сажень длины и 3-4 ширины живёт до 30-40 человек манз или корейцев» (РГИА ДВ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 382. Л. 118а об.-119).

К концу 1890-х годов китайские кварталы вблизи Семёновского покоса изменились, это отметил А.В. Даттан в своей работе о приамурской торговле: «... бывшие жалкие китайские кварталы совершенно преобразились: в строительном отношении застроенные массою каменных зданий, они представляют положительно лучшую часть города, перед которою отступают не только его русские слободки с деревянными и глиняными мазанками, но даже самая центральная часть, где каменные дома всё ещё представляют большую редкость. Против какого-нибудь десятка каменных домов русских обывателей, китайцы в течение 7-8 лет успели соорудить целые каменные кварталы и притом не на собственной, а на арендованной земле» [8, с. 85].

И хотя этот район претерпел изменения, он по-прежнему пользовался среди жителей города и приезжих особой репутацией, как места антисанитарного и криминального. Среди горожан были распространены слухи о тайных комнатах и ходах, пробитых лазах, а статьи в местных газетах только подогревали негативный образ этого района. Численность проживавших здесь китайцев тоже становилась пищей для подобных мифов. Не случайно эти районы получали говорящие названия «Пекин», «Миллионка», «Владивостокские трущобы» [9].

В местных газетах нередко были сообщения о вооружённых нападениях, грабежах, убийствах, совершённых в азиатских кварталах. Показательна в этом плане опубликованная 29 сентября 1911 г. заметка в газете «Далёкая окраина» о дворе дома с китайским театром Ван-илина по Семёновской улице: «Весь двор представляет собой сплошной притон – опиекурильни, публичные японские и китайские дома, банкочки, харчевни, «набитые всевозможным сбродом». Рядом с театром помещается китайская баня с тайной проституцией. «Сюда сходится чуть ли не весь преступный китайский элемент». Редкий день обходится тут без драк» [10]. Подобных примеров можно привести великое множество.

Иностранцы упоминались в текстах того времени и в другом контексте – многие отмечали зависимость экономики Владивостока от них, при этом одни делали упор на китайское влияние, а другие – на европейское, особенно немцев в торговле города. Ярких и запоминающихся цитат можно привести великое множество, ограничусь лишь двумя. Весьма красноречиво Д.И. Шрейдер написал о незаменимости китайцев для жителей города: «При отсутствии в этом юном крае постоянного и оседлого русского населения присутствие манзы является абсолютно необходимым условием более или менее сносного существования европейца. Без него он сидел-бы здесь без пищи, питья и топлива и нуждался бы в самых существенных и элементарно-необходимых предметах человеческого общежития. Без манзы европейскому колонисту нельзя здесь шагу ступить. Нужно ли вам строить дом или вскопать огород, имеете ли вы нужду в прислуге, мясе и овощах, имеете ли вы надобность в черно-рабочем, ремесленнике, подрядчике, – за всем этим вы должны обращаться к манзе: он и прислуга («бой» – по местной терминологии), он и ремесленник, и огородник, и мясоторговец, ... комиссионер, подрядчик, лавочник, земледелец, пахарь, словом, всё, что угодно» [20, с. 49].

Военным губернатором Владивостока не менее впечатляющая характеристика дана предпринимателям из Германии, выигрывавшим в борьбе за потребителя в сравнении с русскими торговцами: «Немцы в торговле Владивостока занимают первое место. Торговое дело своё они поставили во Владивостоке значительно прочнее, обширнее и лучше, чем у русских, товары у них разнообразнее, свежее и лучше, служащие стоят выше по развитию и деликатности, магазины очень большие и богатые, с весьма хорошою обстановкою. Русские же в магазинах обстановку имеют неприглядную, помещения тесные, служащих недостаточно да и те не отличаются знанием дела, не владеют нужным тактом и стоят ниже по развитию немцев. Выбор товара очень ограниченный и ниже качеством чем у немцев» (РГИА ДВ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 602. Л. 165 об.-166).

Ещё одну часть образа Владивостока составляла дороговизна жизни (продуктов, предметов первой необходимости, квартир, рабочей силы, включая прислугу), её отмечают на протяжении всего рассматриваемого периода, начиная с Пржевальского, отчётов губернаторов за 1880-е годы и заканчивая путевыми записками и очерками журналистов и чиновников, посетивших город в 1890-е годы и в начале XX в. Все повторяют, что большинство товаров в два-три раза дороже, чем в Европейской России. В 1870-80-е годы эта особенность местной жизни ещё дополняется весьма низким качеством продаваемых товаров и повсеместным мошенничеством продавцов. Весьма красноречиво об этом написал Н.М. Пржевальский: «... немного можно сказать похвального про торговлю этих купцов (иностранных) во Владивостоке товарами, составляющими насущную потребность местных жителей. Не говоря уже про то, что все эти товары – самый низкий брак, покупаемый по большей части с аукциона в Гамбурге или в Шанхае, существующие на них цены безобразно высоки и постоянно увеличиваются по мере того, как товар уже на исходе или остаётся в руках только у одного купца. Не буду приводить цен различных товаров, продающихся во Владивостокских лавках; эти цены можно узнать каждому, если помножить на три, а иногда даже на четыре, и только в редких случаях на два ту сумму, которую стоит данная вещь в Европе» [16, с. 144].

Постоянной темой на страницах официальных отчётов, местной печати и заметок путешественников была и проблема водоснабжения Владивостока – нехватка в городе источников пресной воды, нехватка и плохое состояние колодцев, а также необходимость сооружения водопровода, но отсутствие средств на него в городском бюджете [1, с. 20; 17, с. 11]; (РГИА ДВ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 130. Л. 40 об., 77 об.-78, 208 об.; Д. 382. Л. 120, 372].

В текстах официальных отчётов (а иногда и в путевых очерках) отражались не только эти стороны жизни Владивостока, в них охватывался весь спектр проблем развития города, содержались статистические данные о торговле, промышленности, численности учебных заведений. Однако в виду ограниченности места остановлюсь только на ещё одной составляющей образа Владивостока – характеристике местного общества и общественной жизни. Уже в 1880-е годы на страницах всеподданнейших отчётов отмечалось позитивное воздействие на местную жизнь общественных организаций – Владивостокского благотворительного общества, Общества содействия спасанию на водах, созданных в 1876 г., Общества изучения Амурского края (1884).

Кроме своей непосредственной деятельности – содержания двух элементарных школ, финансовой поддержки недостаточных учеников и малообеспеченных обывателей – местное благотворительное общество немало делало и для развития досуга. Устраивавшиеся обществом ме-

роприятия – народные гуляния и танцевальные вечера – позволяли не только собирать средства, но и заполняли полезными развлечениями довольно однообразную жизнь горожан. В отчёте военного губернатора Владивостока за 1885 год отмечено, что «Владивостокское благотворительное общество, в котором состоят членами и принимает участие почти всё интеллигентное население, представляет собою одно из самых отрядных явлений жизни юного города на далёкой нашей окраине востока» (РГИА ДВ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 509. Л. 225). Немало места им уделено и первым успехам Общества изучения Амурского края, которое также «встретило полное сочувствие и интерес в населении и преимущественно со стороны моряков» (РГИА ДВ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 509. Л. 183).

Однако немало свидетельств оставлено о скуке местной жизни и весьма специфическом характере развлечений – пьянство, карты, сплетни, «игра в тигра», «клуб ланцепупов». Обыватели, жившие в посту в 1870-80-е годы, делились со Д.И. Шрейдером впечатлениями о своей жизни: «...За эти долгие годы совместной жизни в малолюдном порту мы, может быть, по сто раз повествовали друг другу одни и те же истории... Было переговорено всё, что мы знали, что мы слышали, всё, что нас волновало и мучило, всё, что нам подсказывало наше воображение...» [20, с. 39-41]. Из-за немногочисленности образованного общества круг общения был ограниченным, новых тем для разговоров практически не было, новости из западных регионов доходили медленно и успевали устаревать. Имевшиеся в частных руках книги и газеты перечитывались по несколько раз. Современники с сарказмом и горечью писали о развлечениях офицеров и чиновников в первые годы существования поста. Увлечения охотой, тайгой и местной природой быстро наскучило, повседневные развлечения ограничивались картами и выпивкой. В условиях безнадежной тоски, неудивительным было распространение таких игр весьма авантюрного плана, как «игра в тигра». Д.И. Шрейдер записал воспоминания о ней одного из старожилов Владивостока. Игра происходила в полной темноте в комнате, откуда предварительно выносились вся мебель. Одни из участников, исполнявший роль тигра, сняв обувь, должен был передвигаться по комнате как можно мягче и неслышно как пантера, другие участники вооружались револьверами и стреляли по шороху или шуму шагов в сторону тигра. Подобные игры порой заканчивались серьёзными ранениями, но, как сказал этот сторожил: «Мы тогда очень дешево ценили нашу жизнь» [20, с. 44]. Упомянутый современниками в весьма ироничном тоне «клуб ланцепупов» был создан для общественных развлечений, а вылился в итоге в сообщество, развлекавшееся розыгрышами, иногда весьма сомнительного свойства [20, с. 42-46].

По отзывам современников, местное общество не слишком изменилось и к началу XX в. По свидетельству А. Виноградова, общественные развлечения исчерпывались «несколькими клубами... Семейного характера клубы не имеют за отсутствием женщин. На здешних «семейно-танцевальных» вечерах нередко можно встретить человек сорок мужчин и всего 6-7 женщин» [4, с. 127].

Объем статьи не позволяет остановиться на двух важных составляющих образа территории в представлении современников – тигры и хунхузы, о них пишет почти каждый посетивший далёкую окраину. Но обилие и обширность цитат по данному поводу не позволяют остановиться на этих аспектах, и, в первую очередь, это связано с тем, что они в большей мере относятся к Южно-Уссурийскому краю, чем непосредственно к Владивостоку, и заслуживают отдельного внимания.

Таким образом, главными составляющими образа Владивостока в восприятии современников были неблагоприятный климат, удобство и

красота бухты Золотой Рог, своеобразии городского ландшафта, внешний облик города, включая состояние застройки, улиц и тротуаров, дороговизна жизни, проблема водоснабжения, огромная доля военных и азиатских иммигрантов в составе населения, преобладание мужчин и нехватка женского общества, антисанитария и опасность, исходившая от мест проживания китайцев и корейцев, зависимость городской экономики от иностранцев. Восприятие города современниками претерпело мало изменений в течение всего рассматриваемого периода. Образ сохранил в себе как позитивные характеристики, так и негативные. Одно очевидно, это был в представлении современников своеобразный город, сильно отличавшийся от русских и европейских городов.

Литература

1. Березовский А.Н. К вопросу об экономическом и торгово-промышленном развитии порта и города Владивостока. Владивосток, 1907. 23 с.
2. Богданов А. Амур и Уссурийский край. Очерк. М.: Тов-во типолитография В. Чичерин, 1905. 80 с.
3. Визгалов Д. Бренддинг города. М.: ФЛНД «Институт экономики города», 2011. 160 с.
4. Виноградов А. В дальних краях. Путевые заметки и впечатления. М.: Типография тов-ва Кушнарев и К^о, 1901. 332 с.
5. Владивосток. 1895. 25 июня.
6. Владивосток. Сборник исторических документов. 1860-1907 гг. Владивосток: Прим. Кн. изд-во, 1960. 220 с.
7. Гребенщиков М.Г. Путевые записки и воспоминания по Дальнему Востоку. СПб.: Тип. Я.И.Либермана, 1887. 271 с.
8. Даттан А.В. Исторический очерк развития Приамурской торговли. М.: Типография Т.И. Гагень, 1897. 192 с.
9. Далекая окраина. 1910. 26 авг., 25 нояб.
10. Далекая окраина. 1911. 29, 30 сент.
11. Замятин Д. Н. Образ страны: структура и динамика // *Общественные науки и современность*. 2000. № 1. С. 107-115.
12. Крылова А.Н. Особенности формирования имиджа территории в российской провинции // *Сборник статей и материалов участников Международной научно-практической конференции. Проблемы устойчивого развития городов*. Миасс, 2008. Т.1. С. 224-228.
13. Лигин Ю. На Дальнем Востоке. М.: Задруга, 1913. 172 с.
14. Люлько А.Н. Имидж города и факторы, влияющие на его формирование // *Власть*. 2011. №8. С.71-73.
15. Прей Э.Л. Избранные письма, 1894-1906. Владивосток: Рубеж, 2012. 624 с.
16. Пржевальский Н.М. Путешествие в Уссурийском крае. 1867-1869 гг. Владивосток: Примиздат, 1949. 346 с.
17. Прик А.Е., Беляев А.Д. Владивосток и Южно-Уссурийский округ Приморской области: Путеводитель и справочная книга с приложением Адрес-Календаря г.Владивостока и проч. СПб., 1891. 93 с.
18. Павлов Е. На Дальнем Востоке в 1905 году. Из наблюдений во время войны с Японией. СПб.: Книгопечатня Шмидт, 1907. 380 с., 107 с. прил.

19. Терских М.В. Имидж Сибири в аспекте брендинга туристической дестинции // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2011. № 4 (38). С. 263-272.
20. Шрейдер Д.И. Наш Дальний Восток. Три года в Уссурийском крае. СПб.: Изд. А.Ф. Девриена, 1897. 469 с.
21. Южаков С.Н. Доброволец Петербург. Дважды вокруг Азии. Путевые впечатления. СПб.: Типо-литография Б.М.Вольфа, 1894. 349 с.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Berezovskij A.N. K voprosu ob ehkonomicheskom i torgovo-promyshlennom razvitii porta i goroda Vladivostoka. Vladivostok, 1907. 23 s.
2. Bogdanov A. Amur i Ussurijskij kraj. Ocherk. M.: Tov-vo tipolitografiya V. Shcherin, 1905. 80 s.
3. Vizgalov D. Brending goroda. M.: FLND «Institut ehkonomiki goroda», 2011. 160 s.
4. Vinogradov A. V dal'nikh krayakh. Putevye zametki i vpechatleniya. M.: Tipografiya tov-va Kushnarev i Ko, 1901. 332 s.
5. Vladivostok. 1895. 25 iyunya.
6. Vladivostok. Sbornik istoricheskikh dokumentov. 1860-1907 gg. Vladivostok: Prim. Kn. izd-vo, 1960. 220 s.
7. Grebenshnikov M.G. Putevye zapiski i vospominaniya po Dal'nemu Vostoku. SPb.: Tip. YA.I.Libermana, 1887. 271 s.
8. Dattan A.V. Istoricheskij ocherk razvitiya Priamurskoj trgovli. M.: Tipografiya T.I. Gagen', 1897. 192 s.
9. Dalekaya okraina. 1910. 26 avg., 25 noyab.
10. Dalekaya okraina. 1911. 29, 30 sent.
11. Zamyatin D. N. Obraz strany: struktura i dinamika // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 2000. № 1. S. 107-115.
12. Krylov A.N. Osobennosti formirovaniya imidzha territorii v rossijskoj provintsii // Sbornik statej i materialov uchastnikov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii. Problemy ustojchivogo razvitiya gorodov. Miass, 2008. T.1. S. 224-228.
13. Ligin YU. Na Dal'nem Vostoke. M.: Zadruga, 1913. 172 s.
14. Lyul'ko A.N. Imidzh goroda i faktory, vliyayushhie na ego formirovanie // Vlast'. 2011. №8. S.71-73.
15. Prej E.H.L. Izbrannye pis'ma, 1894-1906. Vladivostok: Rubezh, 2012. 624 s.
16. Przheval'skij N.M. Puteshestvie v Ussurijskom krae. 1867-1869 gg. Vladivostok: Primizdat, 1949. 346 s.
17. Prik A.E., Belyaev A.D. Vladivostok i YUzhno-Ussurijskij okrug Primorskoj oblasti: Putevoditel' i spravochnaya kniga s prilozheniem Adres-Kalendarya g.Vladivostoka i proch. SPb., 1891. 93 s.
18. Pavlov E. Na Dal'nem Vostoke v 1905 godu. Iz nablyudenij vo vremena vojny s Yaponiej. SPb.: Knigopечатnya SHmidt, 1907. 380 s., 107 s. pril.
19. Terskikh M.V. Imidzh Sibiri v aspekte brendinga turisticheskoy destintsii // Politicheskaya lingvistika. Ekaterinburg, 2011. № 4 (38). S. 263-272.
20. Shrejder D.I. Nash Dal'nij Vostok. Tri goda v Ussurijskom krae. SPb.: Izd. A.F. Devriena, 1897. 469 s.
21. YUzhakov S.N. Dobrovolets Peterburg. Dvazhdy vokrug Azii. Putevye vpechatleniya. SPb.: Tipo-litografiya B.M.Vol'fa, 1894. 349 s.

*Золотухин И.Н.
Zolotukhin I.N.*

**Созидавая глобальную сеть
исследовательских контактов.
IV научно-практическая Конференция
по глобальным международным исследованиям**

**Forming global network of research contacts.
IV Global International Studies Conference 2014
(6 – 9 August 2014, Goethe University (Frankfurt am Main, Germany))**

С 6 по 9 августа 2014 г. в городе Франкфурт-на-Майне (Германия) прошла IV научно-практическая Конференция, посвящённая глобальным международным исследованиям (предыдущие форумы состоялись в 2005 г. в Стамбуле (Турция), в 2008 г. в Любляне (Словения), в 2011 г. в Лиссабоне (Португалия)). Конференция была организована Всемирным Комитетом по международным исследованиям (World International Studies Committee) и прошла на базе интеллектуального центра Европы – Университета Гёте.

Всемирный Комитет является сетью различных национальных и международных ассоциаций, занимающихся проблемами международных отношений и примыкающих к ним дисциплин. Целью Комитета является объединение научных разработок, идей и результатов по самым широким аспектам международных исследований. Его миссия отражена в пяти ключевых пунктах:

1. Распространить и расширить возможность приобщения к знаниям и экспертным оценкам во всём мире, в особенности в развивающихся странах.

2. Облегчить создание сети глобальных и региональных контактов среди исследователей и дать возможность учёным из развивающихся стран приобщиться к передовым научным разработкам. Кроме того, учёные всего мира смогут обрести уникальный шанс получать оперативную информацию «из первых рук» от местных экспертов, а также развивать возможности дальнейшего сотрудничества, исходя из схожих научных интересов.

3. Обеспечить прямой доступ к работам молодых учёных и всех начинающих исследователей со стороны издательств и известных учёных всего мира, чтобы дать возможность молодым профессионалам продвигать результаты своих исследований.

4. Создать критерии для формирования локальных и региональных объединений учёных в развивающихся странах, которые займут своё место как на формальном (в рамках профессиональных ассоциаций внутри Комитета), так и неформальном (в рамках индивидуальных инициатив и проектов) уровнях.

5. Комитет обязуется поддерживать подобные объединения и прочие формы научного сотрудничества.

Франкфуртский научно-практический форум, четвёртый по счёту, стал площадкой, собравшей более 700 участников из около ста стран мира, представляющих все континенты, за исключением Антарктиды. В рамках научной конференции было проведено 212 секций и круглых столов.

Магистральная идея научного мероприятия нашла отражение в теме конференции «Справедливость, мир и стабильность: риски и возможности для политического управления и развития».

На пленарном заседании, предварившем торжественную церемонию открытия форума, выступили Навнита Чадха Бехера, профессор Департамента политических наук университета Дели; Барри Бузан, почётный профессор в области международных отношений Лондонской Школы Экономики, почётный профессор Копенгагенского и Цилинского университетов; Кнуд Эрик Йоргенсен, профессор в области международных отношений университета г. Орхус (Дания); Гюнтер Хеллманн, профессор в области международных отношений Университета Гёте и Андрей Мельвилль, видный российский международник, д.п.н., профессор, декан факультета политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Темы пленарных выступлений затронули современное состояние теории международных отношений (ТМО), деятельность Всемирного Комитета по международным исследованиям, а также Франкфуртскую школу политической теории.

Пленарное заседание по теме «Выходит ли теория международных отношений за рамки западной модели? Перспективы для создания дисциплины «Глобальная теория международных отношений» было посвящено парадоксальности ТМО, являющейся во многом отражением западных политологических подходов, заложивших концептуальную основу и предложивших методологически аппарат для многочисленных исследований по проблемам МО. Содержание пленарных выступлений и последовавшей за ними дискуссии базировалось на парадоксальности концепта ТМО, который, в условиях огромного количества работ по теоретическим и прикладным аспектам международных отношений, в то же время остаётся в основе своей западноцентричным, возникнув в первой половине XX в. в Европе и Северной Америке. Обратной стороной медали является то, что «западноцентристской версии ТМО» в настоящее время всё чаще бросают вызов альтернативные (так называемые, «периферийные») теоретические подходы, возникшие в России, в странах Латинской Америки, Азии, Африки, но, в то же время, большинство последних научных исследований демонстрирует, что в современном мировом академическом сообществе всё ещё доминирует «методологический национализм».

Пленарное заседание по теме «Глобальная организация международных исследований: прошлое, настоящее и будущее Всемирного Комитета по международным исследованиям» было посвящено истокам возникновения Комитета, его современному состоянию и перспективам развития. Докладчики обнаружили явную тенденцию к возрастанию числа учёных по всему миру, которые видят необходимость облегчить сотрудничество в исследовательской, научной, образовательной и преподавательской сферах на всех уровнях. И в этом смысле Комитет выступает проектом глобального сотрудничества и сетевого взаимодействия среди учёных-международников, призванного расширить горизонты обменных программ, обеспечить широкий доступ к результатам научных

исследований, сделать открытой и независимой от политической ангажированности коммуникацию между исследователями разного уровня.

На пленарном заседании, посвящённом Франкфуртской школе политической теории, связанной с работами таких корифеев политологической мысли как Теодор Адорно, Макс Хоркхаймер, Эрих Фромм, Герберт Маркузе, Юрген Хабермас, были затронуты вопросы современного состояния данного направления политологических исследований. В настоящее время традиция школы, заложенная в первой половине прошлого века, существенно эволюционировала и была дополнена теоретическими подходами, возникшими в различных уголках мира, как внутри, так и за пределами проблемного поля теории международных отношений. За последние годы Франкфуртский университет стал центром изучения глобальных проблем международных отношений, в частности проблемы глобального мира и порядка в рамках кластера передового опыта «Формирование нормативного порядка» и «Франкфуртского научного центра постколониальных исследований».

Тематика секционных заседаний и круглых столов оказалась многообразной. Спектр научных выступлений и презентаций охватывал широчайший диапазон теоретических и прикладных исследований, посвящённых проблемам международных исследований. Доклады и выступления показали глубину и сложность трансформации современных международных отношений, возрастание роли негосударственных акторов на мировой арене, усложнение конфигурации глобальной системы и региональных подсистем международных отношений. В рамках панелей и круглых столов участники уделили особое внимание новым вызовам в глобальной политике, включая возникновение новых акторов международных отношений и новых форм сотрудничества по направлению Юг – Юг (между развивающимися странами).

Приятно сознавать, что Владивосток тоже был представлен на этом научном конгрессе: доцент кафедры международных отношений ДВФУ И.Н. Золотухин выступил руководителем панели «Регионализация и международный порядок», а также в качестве дискуссионного участника в секции «Управление и порядок в региональных пространствах». В своей презентации «Геополитические проблемы АТР: оценка вызовов, угроз, сотрудничества, интеграции» («Geopolitical issues of the Asia-Pacific: assessment of challenges, threats, cooperation, integration») доцент Золотухин отразил дихотомию соперничества и сотрудничества в региональном контексте на примере современных процессов и институтов в АТР, показав вызовы экономической интеграции и стабильности в регионе, а также перспективы углубления регионального сотрудничества, формирования базиса всеобъемлющей безопасности и выработки ключевых основ взаимодействия между великими державами.

Конференция прошла на высоком уровне, в атмосфере взаимопонимания, что позволило участникам академического форума плодотворно поработать и обменяться опытом, мнениями и идеями. Следующая конференция, посвящённая глобальным международным исследованиям, состоится в 2017 г.

*Киреев А.А.
Kireev A.A.*

**Междисциплинарный семинар
«Теория бюрократии в свете опыта
современной России и международной политики»**

**Interdisciplinary seminar "Theory of bureaucracy in the light of the experience
of modern Russian and international policy"**

С момента публикации классической работы М. Вебера «Хозяйство и общество» тема бюрократии не выходит из поля внимания социальных наук. С течением времени, отрываящим все новые грани этого явления, интерес к нему только возрастает. И этот процесс обусловлен, конечно, отнюдь не только внутренней логикой научных поисков. Бюрократические структуры сами неустанно подтверждают свою растущую значимость, проникая в новые сферы общественной жизни и кардинально меняя правила и практику их функционирования. Ближайшим по времени примером, непосредственно касающимся области науки и образования, может служить серия преобразований порядка управления и финансирования РАН и крупнейших российских вузов. Неоднозначные последствия этих реформ в очередной раз напомнили о том, каким мощным фактором нашей повседневной жизни является бюрократия и как мало мы способны понимать, а тем более, предвосхищать её развитие.

В целях предварительного обсуждения этой большой и сложной темы и выделения в ней узловых вопросов, требующих дальнейшего, более тщательного, рассмотрения, 24 июня 2014 г. в Школе региональных и международных исследований ДВФУ был проведён небольшой междисциплинарный семинар. Инициатором и ведущим семинара выступил заведующий кафедрой философии ДВФУ, д.ф.н. С.Е. Ячин. Участниками семинара стали философы, политологи и международники, представляющие ШРМИ (к.полит.н. И.Н. Золотухин, к.полит.н. А.А. Киреев, д.и.н. А.М. Кузнецов) и ШГН (к.ф.н. Д.В. Конончук, д.полит.н. С.К. Песцов) ДВФУ, а также ВГУЭС (к.полит.н. Л.Е. Козлов).

Открывая работу семинара, С.Е. Ячин ознакомил участников со своим видением актуальности теории бюрократии. Говоря о практической стороне темы, С.Е. Ячин указал, что в условиях всеобъемлющей бюрократизации общественных процессов мы все становимся жертвами бюрократии. При этом сам термин «бюрократия» часто пытаются заменить более нейтральными терминами «администрирование» или «управление», но это только уводит от существа проблемы. В строго научном, веберовском, смысле, бюрократ – это человек, который стремится навести рациональный порядок в той политической системе, в которой он работает. Однако эта рациональность имеет ряд неожиданных последствий, с которыми мы постоянно сталкиваемся. В России стремление заорганизовать любой процесс приводит к тому, что всякая инициатива становится наказуемой. Не лучше обстоят дела и за рубежом, в частности

в международных организациях. Например, сфера регламентирующей деятельности бюрократии политических органов ЕС простирается от величины моркови и огурцов до количества дырочек в душе. Чем вызвана необходимость такой широкой регламентации и какие функции она выполняет?

В общественном сознании и СМИ преобладает конспирологический дискурс: в происходящем усматривают злонамеренность каких-то конкретных субъектов. Однако теоретик смотрит на это иначе. Он видит в каждом агента неких социальных сил, неких структур. Здесь может быть полезна теория Вебера, которую следует развить в духе Н. Лумана (хотя сам Луман бюрократию почти не рассматривал, именно теория бюрократии выражает существо его подхода). Обращение к теории бюрократии необходимо потому, что склонность к конспирологии и рассмотрению проблем с точки зрения здравого смысла характерна не только для общества, но и для многих экспертов. Экспертам, не знакомым с концепциями М. Вебера, Р. Мертона, А. Гоулднера, Р. Бендикса и других учёных, кажется, что они не представляют интереса для аналитики реальных процессов.

По мнению С.Е. Ячина, происходящее в современном мире, напротив, лучше всего может быть объяснено теорией бюрократии. Сам современный капитализм не без основания называют бюрократическим. Существо проблемы бюрократии можно сформулировать в виде парадокса. Этот парадокс описывается по аналогии с моделью «double bind» («двойной связи») Г. Бейтсона. Чем сложнее социальная система, тем более значимы в ней функции поддержания порядка, которые и являются функциями бюрократии. Однако чем сложнее система, тем более дисфункциональной становится работа каждого отдельного бюрократического звена, поскольку оно руководствуется законом собственного воспроизводства. Луман показал, как работает закон самовоспроизводства на примере многих институтов (масс-медиа, власть, рынок). О самовоспроизводстве заботится каждый институт. Однако забота о самовоспроизводстве может быть дисфункциональна для системы большего порядка. Именно это и происходит с бюрократией.

Подобный процесс характерен и для такой организации, как университет, где самовоспроизводство может подменить функцию подготовки специалистов. Однако это противоречит задаче инновационного развития. Если бюрократия отвечает за воспроизводство, то кто отвечает за развитие? Фактически, инновационную функцию возлагают на тех же бюрократов. Но бюрократия понимает развитие как количественный рост по заранее определённым показателям. Качественное развитие при этом отсутствует, потому что им бюрократия управлять не способна.

Поскольку бюрократия не может связать воедино выполнение двух функций – упорядочения и развития – и нет никаких готовых рецептов для решения этой проблемы, возникает потребность в политике как искусстве такого увязывания. Эта проблема остра для сегодняшней России. Сейчас в стране восстановлена вертикаль власти, иерархический порядок. Однако можно ли совместить их с задачей ускоренного развития? Вряд ли это вопрос в форме «или – или», но то, что часто одна из этих функций преобладает над другой, несомненно.

Бейтсон проводит аналогию между шизофренией и массовым производством. Шизофрения, по Бейтсону, вызывается получением двусмысленных приказаний. В результате, получающий такие приказания оказывается в коллапсе. Многие управленческие решения имеют характер такого же «double bind». Например, нам необходимо одновременно следить за качеством выпускников и избегать низкой успеваемости. Для разрешения подобных конфликтов нужен особый тип лидеров. А их по-

явление, в свою очередь, связано с работой социальных лифтов, приводящих людей к управлению.

Можно рассмотреть примеры успешности, с этой точки зрения, стран и компаний. Например, Сингапур. Там данная проблема решалась путём обеспечения достаточно жестокой дисциплины «внизу» и свободы «наверху». Таким образом, возможным выходом является восстановление некой кастовости.

Обсуждаемый вопрос тесно связан и с проблемой коррупции. Бюрократ – это государственный чиновник, который разрывается между логикой порядка и логикой целерациональности. В этом разрыве между законом и требованиями качественного развития он часто находит выход в соображениях личной выгоды.

После выступления С.Е. Ячина присутствующими был высказан ряд возражений и комментариев к его тезисам. Так, Д.В. Конончук выразил сомнение в том, что сложные системы не могут обойтись в своём функционировании без бюрократии. Крупные корпорации, такие как Apple или Microsoft, демонстрируют возможность воспроизводства и успешного развития и без бюрократических структур.

С.К. Песцов отметил, что следует учитывать специфику государственной бюрократии, которая в отличие от корпоративной, действует в неконкурентной среде. Она чувствует себе в безопасности, что сказывается на её эффективности. Кроме того, важны механизмы бюрократического отбора. Любой вышестоящий бюрократ подбирает себе менее компетентных подчинённых, что в итоге ведёт к общей деградации системы.

А.М. Кузнецов обратил внимание участников семинара на культурную обусловленность функций бюрократии. Так, в России государство и бюрократия – это, по сути, «единственный европеец». Исходя из этого, нужно дифференцированно подходить к оценке роли бюрократических структур в развитии общества.

После обмена мнениями А.А. Киреев предложил присутствующим конкретизировать результаты обсуждения с помощью экспресс-опроса. В ходе него участникам семинара были заданы следующие вопросы:

- 1) В чём состоят основные функции бюрократии?
- 2) Какие индикаторы могут свидетельствовать об эффективном выполнении бюрократией своих функций?
- 3) Каковы возможные дисфункции бюрократии?
- 4) В каких показателях может быть выражена дисфункциональность бюрократии?
- 5) Что можно отнести к основным факторам дисфункциональности бюрократии?
- 6) В чём состоит специфика дисфункций российской бюрократии?
- 7) Чем обусловлены дисфункции российской бюрократии?
- 8) Какие меры предотвращения дисфункций бюрократии являются наиболее результативными?
- 9) Существуют ли механизмы управления современным обществом альтернативные бюрократическим?

Отвечая на первый из заданных вопросов, участники в основном поддержали мнение ведущего семинара в том, что основной функцией бюрократии является воспроизводство социального порядка (социальной системы). Хотя среди ответов прозвучали и мнения об абсолютной дисфункциональности бюрократии как явления.

При ответе на второй вопрос, среди индикаторов эффективного выполнения бюрократией своих функций чаще всего упоминались стабиль-

ность управляемой системы и относительно высокий уровень её развития, высокие значения индексов благополучия (счастья) управляемых, а также «незаметность» самой бюрократии.

В ответах на третий вопрос были отмечены такие дисфункции бюрократии, как разрушение управляемой системы или подчинение её блага благу самой бюрократии, избыточность регулирования и отрыв (имущественный, статусный, информационный) бюрократии от управляемых.

В ответах на четвёртый вопрос опрошиваемые упомянули такие показатели дисфункциональности, как большое количество нормативных документов на одно социальное действие или единицу продукции, высокую долю бюрократов по отношению к занятым в производстве и высокую степень материального расслоения общества.

Основным фактором дисфункциональности бюрократии участники семинара назвали низкую конкуренцию в сфере управления.

Отвечая на шестой вопрос, опрошиваемые связали специфику дисфункций российской бюрократии с высокой степенью её безответственности и преобладанием в России личных отношений над формальными.

Среди ответов на седьмой вопрос преобладали следующие: обширность пространства России, неспособность общества к самоорганизации и слабость горизонтальных связей, а также укоренённость в российской культуре традиций авторитарного правления.

Говоря о наиболее результативных мерах предотвращения бюрократических дисфункций, участники семинара высказались в пользу установления персональной ответственности бюрократа за результаты его работы, ротации чиновничьих кадров и определения ограничений по количеству бюрократических функций и объёму издаваемых нормативных актов.

В ответах на последний из вопросов большинство присутствовавших назвали механизм управления, альтернативным бюрократическому, самоорганизацию общества. Хотя, по мнению некоторых участников семинара, реальной альтернативы бюрократии сегодня не существует.

Подводя итоги обсуждению, участники семинара приняли решение в дальнейшем вновь вернуться к рассмотрению выявленного комплекса вопросов теории и практики бюрократии. Следующий семинар по этой проблематике более широкого формата, организацию которого взяла на себя редколлегия журнала «Ойкумена», должен быть проведён в ноябре 2014 г.

Сокращения

Архив ИИАЭ ДВО РАН	Архив Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН
ГАПК	Государственный архив Приморского края
РГИА ДВ	Российский Государственный исторический архив Дальнего Востока
ТА ДВО РАН. НОУ	Текущий архив Дальневосточного отделения Российской Академии наук научно-организационное управление

Сведения о членах редакционной коллегии

- Римская Татьяна Григорьевна** (*главный редактор*) – кандидат исторических наук, доцент, директор филиала Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в г. Находка
- Бурлаков Виктор Алексеевич** – кандидат политических наук, доцент кафедры журналистики и издательского бизнеса Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Ганопольский Михаил Григорьевич** – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института проблем освоения Севера СО РАН (*г. Тюмень*)
- Демьяненко Александр Николаевич** – доктор географических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН (*г. Хабаровск*)
- Журбей Евгений Викторович** (*ответственный редактор*) – кандидат исторических наук, доцент филиала Дальневосточного федерального университета в г. Находка
- Золотухин Иван Николаевич** – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Калугина Марина Альбертовна** – кандидат политических наук, заместитель директора по науке филиала Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в г. Находка
- Караман Вадим Николаевич** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Приморского государственного объединенного музея им. В.К. Арсеньева (*г. Владивосток*)
- Киреев Антон Александрович** – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Кирсанова Лидия Игнатьевна** – доктор философских наук, профессор кафедры философии и психологии Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (*г. Владивосток*)
- Кожевников Владимир Васильевич** – кандидат исторических наук, профессор кафедры страноведения Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Кузнецов Анатолий Михайлович** – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Латушко Юрий Викторович** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник центра политической антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (*г. Владивосток*)
- Лукин Артем Леонидович** – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Литошенко Денис Александрович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, политологии и государственно-правовых дисциплин юридического факультета Морской академии Морского государственного университета им. адм. Г.И. Невельского (*г. Владивосток*)
- Наумов Юрий Анатольевич** – кандидат геолого-минералогических наук, доктор географических наук, член-корреспондент Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности, доцент филиала Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в г. Находка
- Севастьянов Сергей Витальевич** – доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Чой Нак Джун** – Ph.D., приватный доцент кафедры русского языка и литературы института литературы и лингвистики университета Санг Мёнг (*г. Чхонан, Республика Корея*)
- Шестак Ольга Игоревна** – кандидат исторических наук, заведующая лабораторией социологических исследований Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (*г. Владивосток*)
- Ячин Сергей Евгеньевич** – доктор философских наук, профессор кафедры философии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)

К читателям

Редакция извещает читателей о возможности подписки на журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования".

Подписка принимается во всех почтовых отделениях.

Информацию о стоимости и условиях подписки Вы можете найти в Объединенном каталоге "Пресса России" (том 1. Газеты и журналы).

Подписной индекс журнала – **42354**.

Кроме того, подписка на журнал может быть оформлена в сети Интернет. Для того чтобы оформить подписку через Интернет, Вы можете зайти на начальную страницу сайта "Ойкумены" (www.oikum.ru) и перейти по ссылке в раздел "Редакция журнала".

Уважаемые авторы!

С декабря 2006 года выходит в свет научно-теоретический журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования". Редколлегия журнала приглашает преподавателей вузов, сотрудников академических учреждений Приморского края и дальневосточного региона, а также заинтересованных исследователей опубликовать свои статьи, материалы и методические разработки на страницах нашего издания.

Журнал будет включать в себя следующие тематические рубрики:

- ◆ Теория и методология регионоведческих исследований
- ◆ Экономика и природопользование
- ◆ Социальные и демографические структуры
- ◆ Культурные и идеологические факторы регионализации
- ◆ Политические отношения и управление регионом
- ◆ Культурные и идеологические факторы регионализации
- ◆ Мировая система и межрегиональные отношения
- ◆ Междисциплинарные и системные исследования региона
- ◆ Науковедение
- ◆ Регион в документах и свидетельствах
- ◆ Научная жизнь
- ◆ Рецензии и обзоры
- ◆ Программы учебных курсов
- ◆ Методические разработки

Тематика статей, принимаемых к публикации в журнале "Ойкумена. Регионоведческие исследования", соответствует следующим разделам рубрикатора ГРНТИ:

00.00.00	Общественные науки в целом
03.00.00	История. Исторические науки
04.00.00	Социология
11.00.00	Политика. Политические науки
13.00.00	Культура. Культурология
23.00.00	Комплексное изучение отдельных стран и регионов

Требования к объему и оформлению предоставляемых в редакцию материалов

1. Формат файла txt, MS Word, OO Writer.
2. Файл не должен содержать сложных стилей и форматирования. В заголовках не изменять ПРОПИСНЫЕ символы, простановка буквы ё обязательна.
3. Шрифт Times New Roman 14 кеглем через 1, 5 интервала.
4. Поля : верхнее и нижнее – 2 см., правое – 1, 5 см., левое – 2, 5 см.
5. Порядок оформления статьи : УДК, Ф. И. О. автора (авторов), название статьи, аннотация, ключевые слова (не менее 5-ти на русском и английском языках), текст статьи, список литературы.
6. Библиографические ссылки в тексте статьи оформляются квадратными скобками. В скобках сначала указывается порядковый номер цитируемой работы в списке литературы, затем, через запятую, номер страницы приведенной цитаты. Например: [2, с. 5]. Ссылка на неопубликованный архивный документ помещается только в тексте самой статьи в круглых скобках. Например: (ГАПК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. Л. 4-5).
7. Расшифровка сокращений и аббревиатур (кроме общепринятых) обязательна. Например: ГАПК -Государственный архив Приморского края.
8. Нумерованный список литературы составляется в алфавитном порядке, по фамилиям первых авторов и названиям работ без учета соавторов и хронологии. В списке сначала указывается литература на кириллице, затем на латинице, и после на других системах письма. Библиографическое описание должно включать полное наименование книги или статьи, место издания, издательство, год, общее количество страниц (для статьи – страницы, на которых она помещена). Ссылка на Интернет в списке литературы оформляется следующим образом: Автор. Название материала // Название сайта, [Электронный ресурс]. URL: адресная строка (дата обращения: 31.12.2012 г.).
9. Объем – 0, 5 п. л. (20 тыс. зн. с пробелами).
10. Рисунки, карты, графики и т.п. принимаются в наиболее распространенных (cdr, eps, ai, jpeg, bmp, tif) форматах отдельными файлами. К графикам обязательно прилагать таблицу на основании которой этот график сделан.
11. Ввиду черно-белой печати журнала цветовая гамма иллюстраций, графиков, карт и т. д. по возможности не должна содержать более трех цветов (черный, белый, серый 50 %).
12. Материалы предоставляются в редакцию в электронном виде без архивации. E-mail: oikomene@rambler. ru; ojcum@rambler. ru
13. Название (не более 2-х строк), текст статьи, сведения об авторе (Ф. И. О., ученая степень, ученое звание, место работы и должность, рабочий (домашний) телефон, e-mail), аннотацию (6 – 8 строк) на русском и английском языках, а также название статьи на английском языке и написание своей фамилии латиницей присылать в одном файле.
14. Присылаемому файлу следует присваивать только имя (фамилию) автора.
15. К публикации в журнале принимаются, как правило, работы, ранее не публиковавшиеся в русскоязычных изданиях.

Статьи проходят обязательное рецензирование.

Редакция оставляет за собой право отбора публикаций.

Файлы, подготовленные с нарушением требований, не рассматриваются.

Плата за публикацию не взимается.

Ойкумена. Регионоведческие исследования:
научно-теоретический журнал

2014 № 3 (30)

Подписано к печати 01. 09. 2014 г. формат 70x108/16
Усл. п. л. 9,98. Уч. -изд. л. 8,62. Тираж 200 экз. Заказ
Цена свободная

Издательство Владивостокского государственного университета экономики и сервиса
690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41

Отпечатано во множительном участке ВГУЭС
690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41

Индекс 42354

ASIAE NOVA
DESCRIPTIO